

Генеральная прокуратура Республики Беларусь

Государственное учреждение
«Научно-практический центр проблем укрепления
законности и правопорядка Генеральной прокуратуры
Республики Беларусь»

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ СТРАТЕГИИ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ

Сборник материалов
Международной научно-практической конференции

Минск, 29 сентября 2020 года

Минск
Издательский центр БГУ
2020

УДК 34(082)
ББК 67я43
К65

*Рекомендовано к изданию
решением Ученого совета государственного учреждения «Научно-практический центр
проблем укрепления законности и правопорядка
Генеральной прокуратуры Республики Беларусь»
(протокол № 2 от 1 апреля 2020 г.)*

Редакционная коллегия:

*Марчук В.В. (главный редактор), Бабий Н.А., Гашикова Т.В.,
Карабельникова А.С., Коротич Е.А., Кравцов О.Э., Поляцук Н.А., Ракицкий А.П.,
Русецкий О.В., Сащико П.И., Солтанович А.В., Топорикова О.О.,
Хомич В.М., Швед Н.А.*

Концептуальные основы стратегии борьбы с коррупцией: сб. материалов
К65 Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 29 сент. 2020 г. / Науч.-практ. центр проблем
укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь ;
редкол. : В. В. Марчук (гл. ред) [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2020. – 200 с.

В сборник включены материалы участников международной научно-практической конференции «Концептуальные основы стратегии борьбы с коррупцией».

Предназначен для научно-педагогических работников, судей, работников правоохранительных органов, правозащитных организаций, аспирантов, магистрантов и слушателей, проходящих переподготовку и повышение квалификации.

УДК 34(082)
ББК 67я43

© Государственное учреждение «Научно-практический
центр проблем укрепления законности и правопорядка
Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», 2020
© Оформление. РУП «Издательский центр БГУ», 2020

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважаемому читателю предоставляется возможность познакомиться с результатами научных исследований белорусских и зарубежных авторов, посвященных проблематике борьбы с коррупцией и изложенных на страницах настоящего сборника. Подготовка последнего стала логическим результатом проведения международной научно-практической конференции «Концептуальные основы стратегии борьбы с коррупцией», организованной государственным учреждением «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Необходимость формирования концептуальных основ борьбы с коррупцией и разработки соответствующей стратегии обусловлена не только международными обязательствами Республики Беларусь, на реализацию которых направлено в том числе и специальное поручение Республиканского координационного совещания правоохранительных органов по борьбе с преступностью и коррупцией, состоявшегося 21 декабря 2018 г., но и практической востребованностью подготовки национального документа программно-планового характера, позволяющего комплексно представить общую стратегию борьбы с коррупцией в Республике Беларусь на современном этапе и на этой основе определить наиболее актуальные меры политического, правового, экономического и иного характера в исследуемой области.

Структурно настоящий сборник объединяет три раздела, содержание которых охватывает достаточно широкий круг поднимаемых авторами проблем, сущность которых органично вплетается в общее тематическое поле конференции. В сборнике представлены работы по вопросам юридической природы, содержания и значения стратегии борьбы с коррупцией с учетом международного и национального опыта; определены состояние и тенденции коррупционной преступности как в Республике Беларусь, так и в иных (в том числе сопредельных) государствах; обозначены перспективные направления совершенствования законодательства в сфере противодействия коррупции, равно как рассмотрены меры предупреждения коррупционных проявлений.

Предложенные в настоящем сборнике обобщения международного и национального опыта Беларуси и ряда зарубежных государств показывают, что предупреждение коррупции и борьба с ней должны быть подчинены таким ключевым принципам, как пассионарность, верховенство права и законность, публичность, легитимность, объективность, системность, наличие оценочного инструментария для определения масштабов коррупции в государстве, экономическая целесообразность и эффективность, взаимодействие органов власти с общественными институтами и населением, а также научная обоснованность принимаемых мер и высокая общественная позиция граждан. Особенности реализации указанных и иных принципов при формировании антикоррупционной политики рассматриваются в работах авторов настоящего сборника. При этом особое внимание уделяется принципу саморегулирования,

реализация которого, как представляется, позволит активизировать бизнес-сообщество в противодействии коррупции, в том числе посредством внедрения антикоррупционного комплаенс-менеджмента, а на уровне законодательных экспликаций – может стать основой для принятия закона о саморегулируемых организациях. В научных статьях ряда авторов совершенно обоснованно акцентируется внимание на необходимости учета международных стандартов при формировании внутригосударственной стратегии борьбы с коррупцией. При этом определяющее значение должны иметь рекомендации ГРЕКО относительно включения в национальную стратегию конкретных задач, поддающихся оценке и измерению, а не изложению в ней простой совокупности намерений.

В сборнике представлены некоторые зарубежные модели предупреждения коррупции и борьбы с ней, изучение которых может подсказать рациональные пути дальнейшего развития отечественной правотворческой и правоприменительной практики в данной сфере. В частности, серьезного внимания заслуживает сингапурская антикоррупционная программа, важнейшим постулатом которой является создание «нулевой толерантности» к коррупции прежде всего в органах государственной власти. Содержание политики нулевой толерантности, практика ее реализации в отдельных зарубежных государствах, а также возможности ее использования для формирования правовой культуры и правового сознания граждан также представлены в настоящем сборнике.

Отдельный раздел сборника посвящен вопросам состояния и тенденциям коррупционной преступности. Авторами рассматриваются проблемы о детерминантах коррупции, коррупционных рисках, связанных с появлением новых сфер общественной жизни, нормативное регулирование которых не стабильно или находится только в начале своего становления, и другие актуальные вопросы. Такова, в частности, сфера внедрения новейших достижений информационного общества, например, криптовалюты, появление которой внесло определенную специфику в развитие и коррупционных проявлений преступной деятельности, на что верно указывает ряд авторов настоящего сборника. Характерно, что не остались без внимания вопросы состояния коррупции в отдельных сферах общественной жизни (например, в сфере спорта), а также особенности процессуальной деятельности по делам об административных правонарушениях коррупционной направленности.

Одним из направлений реализации стратегии борьбы с коррупцией должно стать совершенствование законодательства в сфере противодействия этому общественно опасному явлению. Данный аспект рассматриваемой проблематики представлен во втором разделе сборника. Примечательно, что авторами материалов, систематизированных в этой рубрикации, стали не только ученые (белорусские и зарубежные), но и работники сферы правоприменения, что позволило обеспечить на страницах настоящего сборника симбиоз теории и практики по такому ключевому вопросу, как перспективы дальнейшего развития законодательного обеспечения борьбы с коррупцией. Следует отметить, что в рамках представленных материалов

обоснованы направления реформирования не только охранительного, но и регулятивного сегмента действующего законодательства (в частности, в сфере урегулирования конфликта интересов, расширения субъектного состава перечня близких лиц государственного должностного лица, вступая во взаимодействие с которыми, оно должно ограничиваться в определенных действиях и др.).

Особое внимание читателей хотелось бы привлечь к заключительной части сборника – разработанной государственным учреждением «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь» модели Стратегии борьбы с коррупцией, которая отражает результаты научно-исследовательской работы центра по теме «Концептуальные основы Стратегии борьбы с коррупцией в Республике Беларусь», проводимой в рамках реализации задания Государственной программы научных исследований.

При подготовке указанной модели существенное практическое значение имели результаты научных исследований, которые посвящены проблематике предупреждения коррупционных проявлений. Справедливы суждения авторов о необходимости учета при разработке Стратегии борьбы с коррупцией мер ситуационного предупреждения коррупции (в частности, усложнение реализации корыстной мотивации коррупционеров, усиление рискованности незаконной деятельности последних, снижение выгоды занятия коррупционными практиками и т. д.), актуальности специализации предупредительных мер, исходя из сфер деятельности государственных органов, а также внедрения программ общественного антикоррупционного контроля. Не последнее место в этой деятельности должно занимать и использование достижений научно-технического прогресса (прежде всего информационных технологий), преимущества которых подчеркиваются в работах отдельных авторов данного сборника. Однако особое внимание должно отводиться формированию функционально эффективных институциональных механизмов противодействия коррупции по всем ветвям и системам власти при ответственном и действенном участии в этом гражданского общества.

Редакционная коллегия сборника выражает признательность авторам за вклад в формирование настоящего издания. Будем благодарны читателям за комментарии и оценочные суждения по поводу представленной на его страницах модели Стратегии борьбы с коррупцией, которые можно направить по следующему электронному адресу: npc@prokuratura.gov.by.

*Главный редактор сборника **В.В. Марчук**,
директор ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления
законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь»,
кандидат юридических наук, доцент*

1. Стратегии борьбы с коррупцией, их разработка и реализация: международный и национальный опыт

К ВОПРОСУ О НАУЧНОМ СОПРОВОЖДЕНИИ И ПРИНЦИПАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

Батыргареева В.С., Шрамко С.С.

1. Актуальность проблематики научного сопровождения государственной антикоррупционной политики обосновывается как реальной потребностью повышения эффективности этой политики, так и анализом статистических и социологических данных относительно распространения коррупции в Украине. Кроме этого, потребность в таком сопровождении обусловлена детализацией направлений научного сопровождения государственной антикоррупционной политики для того, чтобы уточнить само понятие «предупреждение коррупции», а также содержание принципов, которые заложены в основу предупреждения. Все это позволит определить сущность и специфические особенности научного сопровождения данной деятельности, направленной не только на противодействие коррупции, т. е. на выявление и пресечение коррупционных деяний и привлечение коррупционеров к ответственности, но и на прогнозирование случаев коррупции в будущем, а также формирование негативного отношения общественности к явлению коррупции и самим коррупционерам.

2. Согласно Индексу восприятия коррупции международной организации Transparency International Украина в 2019 г. заняла 126 место (из 180) и получила 30 баллов, вернувшись к показателям 2017 г. (для сравнения: в 2018 г. – 32 балла и 120 место) [1]. По мнению рядовых граждан, наиболее коррумпированными сферами жизнедеятельности общества являются следующие: судебная система (по мнению 62,2 % граждан, коррупция в указанной сфере очень распространена), оказание медицинских услуг (55,0 % опрошенных назвали эту сферу очень коррумпированной), прокуратура (54,3 %). Похожими оказались результаты опроса представителей бизнес-среды, проведенного Американской торговой палатой, а именно: 71 % респондентов считает, что наиболее коррумпированными государственными органами являются суды, 54 % – налоговые и таможенные органы, 34 % – местные органы власти [2]. Главной причиной сложившейся ситуации граждане считают злоупотребление служебным положением государственными должностными лицами, которые используют свои должности для получения выгоды вопреки интересам и идеалам службы. В связи с этим возникает необходимость обратиться к возможностям научного сопровождения государственной политики Украины в сфере противодействия коррупции.

3. Предупреждение коррупции должно базироваться на определенных принципах, определяющих стратегические ориентиры такой деятельности, ее промежуточные и конечные результаты реализации, а также общие механизмы

охраны жизненно важных национальных интересов. Ведь именно такой подход обеспечит максимальный эффект от комплекса применяемых мер по устранению или хотя бы снижению коррупционных рисков в государстве [3, с. 19]. Среди таких принципов выделим: *пассионарность, верховенство права и законность, публичность, легитимность, объективность, системность, наличие оценочного инструментария для определения масштабов коррупции в Украине, экономическая целесообразность и эффективность, взаимодействие органов власти с общественными институтами и населением, научная обоснованность, высокая общественная позиция любого из украинских граждан* и т. д. Остановимся подробно лишь на некоторых из перечисленных принципах, на которые прежде всего должна опираться государственная политика в сфере противодействия коррупции.

4. Принцип пассионарности заключается в достижении обществом такого качественно определенного уровня своего развития, который позволяет данному обществу в его повседневной жизнедеятельности связать идею национальной самобытности как сформировавшейся самодостаточной нации с европейским сознанием, в котором не остается места многим позорным явлениям. Одним из них является стяжательство в различных его проявлениях. Крайней формой деструктивного выражения подобного стяжательства выступает паразитирование на проблемах членов общества и их стремлении разрешить эти проблемы во что бы то ни стало. Но здесь нельзя переступить ту черту, когда «ловля» коррупционера высшего уровня для рядовых членов общества становится чем-то вроде национальной забавы: «Сумеет ли избежать наказания любой ценой?».

5. Принцип верховенства права и законности означает, что при осуществлении деятельности, связанной с противодействием коррупции, во-первых, человек, его права, свободы и законные интересы признаются наивысшими социальными ценностями и определяют содержание и направленность антикоррупционной деятельности, а, во-вторых, все антикоррупционные меры должны базироваться на положениях Конституции и законов Украины. Поэтому никакие намерения достичь осязаемой эффективности или повысить результативность не могут оправдывать применение таких антикоррупционных мер, которые противоречат закону. Поэтому отсутствие законодательной основы для принятия указанных мер является основанием для разработки и принятия нужных нормативно-правовых актов.

6. В обстановке высокой степени недоверия к государственным институтам, правовой неграмотности части населения и правового нигилизма использование принципа публичности (гласности) является неоспоримым. Так, разрешение проблемы борьбы с коррупцией требует внедрения обязательного общественного обсуждения проектов решений органов государственной власти и местного самоуправления, которые затрагивают интересы общества и могут содержать коррупционные риски. Кроме этого, следует широко использовать социальную рекламу с целью разрушения стереотипов в сознании граждан о коррупции; внедрять доступность статистики регистрации выявленных коррупционных деяний и информации относительно рассмотрения таких дел,

а также конечного результата; развивать систему общественного контроля за деятельностью государственных органов и органов местного самоуправления и др.

7. Принцип системности предполагает, что в основе организации предупреждения коррупции следует полагаться на: обязательное принятие во внимание основных положений криминологической теории предупреждения преступности при определении государственной стратегии и тактики противодействия коррупции с учетом существующих политических, социально-экономических и других условий, состояния общественного сознания, правоохранительной и правоприменительной систем; координацию деятельности научных учреждений и органов, непосредственно связанных с проблемой предупреждения коррупции; привлечение научных учреждений к проведению научно-правовых экспертиз проектов нормативных актов с целью упреждения коррупционных рисков и др.

8. Наличие оценочного инструментария для определения масштабов коррупции в Украине, прежде всего, предполагает его разработку, поскольку чтобы знать, как и какими силами бороться с противоправными явлениями, необходимо понимать его истинные масштабы. Однако следует отметить, что до сих пор официально утвержденной универсальной методики оценки уровня коррупции в Украине не существует. К тому же оценка уровня коррупции в Украине нередко политически ангажирована. В сложившейся ситуации не остается ничего иного, как обращаться к показателям Индекса восприятия коррупции, разработанного Международной организацией по борьбе с коррупцией Transparency International. Последнее не может в полной мере отразить подлинную «картину» коррупции в стране.

9. Принцип научной обоснованности предупреждения коррупции заключается в осуществлении антикоррупционной политики на научной основе с использованием анализа современных достижений науки и техники, имеющегося опыта специалистов различных отраслей права, положительного международного опыта и др. Этот принцип предполагает получение полной информации, в частности, постоянное осуществление научного мониторинга деятельности органов государственной власти и местного самоуправления с целью своевременного выявления и устранения коррупционных процессов. В целом сложно переоценить вклад ученых в рассматриваемую проблематику, поскольку именно ими формируются доктринальные положения развития отечественной науки, при их непосредственном участии разрабатываются проекты законов в сфере предупреждения коррупции. Считаем, что именно специалисты научно-исследовательских учреждений могут дать объективную оценку эффективности реализации антикоррупционной политики в стране, а также предложить в последующем внедрение новых антикоррупционных мероприятий.

Список цитированных источников

1. Индекс сприйняття корупції – 2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cpi.ti-ukraine.org/#/>. – Дата доступа: 25.02.2020.

3. Бізнес назвав найбільш корумповані державні органи в Україні [Електронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ukrinform.ua/rubric-economy/2391782-biznes-nazvav-najbils-korumpovani-derzavni-organi-v-ukraini.html>. – Дата доступа: 25.02.2020.

3. Батиргареева, В. С. Щодо принципів організації протидії корупції в Україні / В. С. Батиргареева // Правові та інституційні механізми протидії корупційним правопорушенням : матеріали наук.-практ. семінару, 20 квіт. 2012 р. / НАПрН України, НДІ вивч. проб. злочинності ім. акад. В. В. Сташиса. – Київ, Харків : Право, 2013. – С. 19–22.

К ВОПРОСУ О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ КОРРУПЦИИ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

Гашикова Т.В.

Противодействие коррупции в экономической сфере связано с необходимостью решения проблемы коррупционных проявлений в предпринимательской среде, в частности, в коммерческих организациях.

Для получения прибыли хозяйствующий субъект наравне с добросовестными может использовать стратегии, противоречащие интересам общества. Наряду с производительной и непроизводительной (или перераспределительной) деловой активностью, выделяется категория «разрушительного предпринимательства», которая, обеспечивая частные выгоды отдельным индивидам, приносит значительные потери для общества [1, с. 122]. В наибольшей степени бизнес страдает от использования сотрудниками служебного положения в личных целях [2, с. 490].

Коррупционные практики в бизнесе многообразны и варьируются в зависимости от специфики той или иной экономической деятельности.

К примеру, наиболее сложные схемы применяются в строительстве: использование при строительстве более дешевых материалов, чем было указано в смете на выполнение работ по договору строительного подряда; изначальное завышение стоимости строительных работ (услуг), которые производятся (оказываются) организацией, в которой лицо, принимающее решение о закупке, имеет интерес.

Сферой, где активно применяется «откат» как способ коррупционной практики, является розничная торговля. «Супермаркеты и большие торговые сети поставили мздоимство на поток. Они берут с компаний производителей продуктов питания и других товаров не только плату за вход (возможность продавать свой товар в супермаркетах), но и торгуют полками» [2, с. 512–514].

Среди возможных механизмов коррупционной деятельности в сфере лесного хозяйства выделяются, в частности, такие как: нанесение умышленного вреда лесу с целью проведения последующих легальных санитарных рубок; искажение стоимости, умышленное нарушение классификации пород деревьев, предназначенных для продажи; получение права на использование леса с помощью взяток; превышение установленного объема лесозаготовок с последующим декларированием меньших объемов и занижением стоимости [3, с. 35].

Для обозначения данной типологии коррупции используются термины: корпоративная коррупция, коррупция в бизнесе, деловая коррупция. В Конвенции ООН против коррупции употреблен термин «коррупция в частном секторе», а также предусмотрены меры, направленные на борьбу с коррупцией в частном секторе.

Один из признаков частного сектора, отличающий его от публичного: в частном секторе не могут осуществлять свою деятельность публичные должностные лица [4, с. 58].

Для целей Конвенции ООН против коррупции «публичное должностное лицо» означает:

- любое назначаемое или избираемое лицо, занимающее какую-либо должность в законодательном, исполнительном, административном или судебном органе государства-участника на постоянной или временной основе, за плату или без оплаты труда, независимо от уровня должности этого лица;

- любое другое лицо, выполняющее какую-либо публичную функцию, в том числе для публичного ведомства или публичного предприятия, или предоставляющее какую-либо публичную услугу, как это определяется во внутреннем законодательстве государства-участника и как это применяется в соответствующей области правового регулирования этого государства-участника;

- любое другое лицо, определяемое в качестве «публичного должностного лица» во внутреннем законодательстве государства-участника.

Тем не менее для целей принятия некоторых конкретных мер, предусмотренных главой II Конвенции, «публичное должностное лицо» может означать любое лицо, выполняющее какую-либо публичную функцию или предоставляющее какую-либо публичную услугу, как это определяется во внутреннем законодательстве государства-участника и как это применяется в соответствующей области правового регулирования этого государства-участника.

Закон Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З «О борьбе с коррупцией» оперирует терминами государственные должностные лица и лица, приравненные к государственным должностным лицам, иностранные должностные лица, не выделяя при этом публичный и частный сектор, что в известной мере затрудняет определение сферы как частного сектора, требующего регулирования согласно положениям Конвенции.

В научных исследованиях, посвященных коррупции в частном секторе, предпринимаются попытки очертить сферу частного сектора. Например, в контексте законодательства Республики Молдова предлагается следующее определение: коррупция в частном секторе выражается в незаконном использовании должности в рамках частных субъектов, в частных интересах. Корпоративной коррупцией является незаконное использование должности в рамках акционерных обществ, в частных интересах [5, с. 76].

Вместе с тем ст. 12 Конвенции ООН против коррупции возлагает на каждое государство-участника обязанность по принятию мер в соответствии с основополагающими принципами своего внутреннего законодательства

по предупреждению коррупции в частном секторе, усилению стандартов бухгалтерского учета и аудита в частном секторе и в надлежащих случаях установлению эффективных, соразмерных и оказывающих сдерживающее воздействие гражданско-правовых, административных или уголовных санкций за несоблюдение таких мер.

Меры, направленные на достижение этих целей, могут включать среди прочего следующее:

- содействие сотрудничеству между правоохранительными органами и соответствующими частными организациями;

- содействие разработке стандартов и процедур, предназначенных для обеспечения добросовестности в работе соответствующих частных организаций, включая кодексы поведения для правильного, добросовестного и надлежащего осуществления деятельности предпринимателями и представителями всех соответствующих профессий и предупреждения возникновения коллизии интересов, а также для поощрения использования добросовестной коммерческой практики в отношениях между коммерческими предприятиями и в договорных отношениях между ними и государством;

- содействие прозрачности в деятельности частных организаций, включая в надлежащих случаях меры по идентификации юридических и физических лиц, причастных к созданию корпоративных организаций и управлению ими;

- предупреждение злоупотреблений процедурами, регулирующими деятельность частных организаций, включая процедуры, касающиеся субсидий и лицензий, предоставляемых публичными органами для осуществления коммерческой деятельности;

- предупреждение возникновения коллизии интересов путем установления ограничений в надлежащих случаях и на разумный срок в отношении профессиональной деятельности бывших публичных должностных лиц или в отношении работы публичных должностных лиц в частном секторе после их выхода в отставку или на пенсию, когда такая деятельность или работа прямо связаны с функциями, которые такие публичные должностные лица выполняли в период их нахождения в должности или за выполнением которых они осуществляли надзор;

- обеспечение того, чтобы частные организации с учетом их структуры и размера обладали достаточными механизмами внутреннего аудиторского контроля для оказания помощи в предупреждении и выявлении коррупционных деяний и чтобы счета и требуемые финансовые ведомости таких частных организаций подлежали применению надлежащих процедур аудита и сертификации.

Принимая во внимание данные положения Конвенции ООН против коррупции, обоснованно рассмотреть возможность закрепления корреспондирующих норм в Законе Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З «О борьбе с коррупцией».

1. Верховенство права как фактор экономики / Л. М. Григорьев [и др.]. – 2-е изд. – М. : Мысль, 2016. – 671 с.
2. Коррупция = Corruption / О. А. Александрова [и др.]. – М. : Юриспруденция, 2012. – 670 с.
3. Маслюков, Д. А. Коррупция в сельском и лесном хозяйстве Республики Беларусь как угроза экономической безопасности государства / Д. А. Маслюков, Т. И. Шукайло, В. Г. Гончаров // Земля Беларуси. – 2012. – № 4. – С. 33–37.
4. Красноусов, С. Д. К вопросу о коррупции в частном секторе / С. Д. Красноусов // Актуальные проблемы экономики и права. – 2012. – № 4. – С. 58–62.
5. Брынза, К. С. Понятие коррупции в частном секторе / К. С. Брынза // Актуальные научные исследования в современном мире. – Выпуск 8 (40), ч. 3. – С. 76–86.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ КОРРУПЦИИ ДЛЯ БЕЛОРУССКОГО БИЗНЕСА: РЕАЛИИ ИЛИ ВЫЗОВЫ

Гриц Г.В.

Бизнес-ассоциации и торговые палаты, действуя по отдельности или в коалициях, могут играть важную роль в обеспечении честности, надлежащего управления и равных условий на местном, национальном и международном рынках, где работают их члены. В этом случае бизнес-сообщество должно принять на себя обязательства по коллективной ответственности для предотвращения коррупции в своей собственной деятельности, укрепления доверия и установления стандартов добросовестности для своих членов.

Международная торговая палата (ICC) была первопроходцем в борьбе бизнеса с коррупцией, в 1977 г. выпустив первую версию Правил Поведения ICC в Борьбе с Вымогательством и Взятничеством (ICC Rules of Conduct to Combat Extortion and Bribery). По своей сути правила ICC по противодействию коррупции представляют собой международный стандарт для негосударственного сектора экономики, в соответствии с которым могут быть построены необходимые внутрикорпоративные процедуры, что поможет следовать требованиям международного регулирования в этой сфере, а также бизнес-этики.

В 2011 г., продолжая традицию разработки практических рекомендаций по различным аспектам ведения бизнеса, ICC выпустила обновленные Правила ICC по противодействию коррупции (ICC Rules on Combating Corruption). Новые Правила включают в себя три части. Первая часть – правила по ключевым аспектам, включая определения взяточничества и вымогательства и способы взаимодействия с третьими сторонами; вторая часть посвящена корпоративной политике в отношении таких явлений, как политические пожертвования, подарки, гостеприимство и гуманитарная помощь; третья часть содержит основные элементы эффективного выполнения корпоративной программы.

Учитывая, что борьба с коррупцией в негосударственном секторе, особенно в секторе МиСП, является эволюционным процессом и требует качественной, системной и публичной организации, в 2017 г. ICC Business Integrity Compendium опубликовал специальный выпуск Рекомендаций по ответственному ведению бизнеса для компаний всех размеров. В данном выпуске были собраны все ключевые инструменты ICC по борьбе с коррупцией и корпоративной ответственности на сегодняшний день:

- Руководство ICC по антикоррупционной проверке третьих сторон для МСП;
- Рекомендации ICC по подаркам и гостеприимству;
- ICC Антикоррупционная статья;
- Правила ICC по борьбе с коррупцией;
- Руководство ICC по агентам, посредникам и другим третьим сторонам;
- Руководство ICC по ответственному сорсингу;
- Рекомендации ICC по информированию о нарушениях.

Отдельно хотелось бы отметить документ под названием «Принципы управления бизнес-ассоциациями и торговыми палатами в части предотвращения, выявления и смягчения коррупционных рисков». Принципы разработаны совместно Международной федерацией торговых палат (WCC) ICC и Центром международного частного предпринимательства (CIPE) с учетом набора рисков, на основе опросов бизнес-ассоциаций, торговых палат, экспертов по управлению ассоциациями и борьбе со взяточничеством со всего мира с акцентом на развивающиеся рынки. По своей сути Принципы представляют руководство по деловой этике и противодействию коррупции для всех организаций-членов бизнеса, независимо от их местоположения, размера или модели членства.

Таким образом, международное деловое сообщество объективно выполняет важную роль в борьбе с коррупцией, создавая среду, нетерпимую к взяточничеству и незаконной деятельности. В то же время с правоприменительной точки зрения применение как Рекомендаций по ответственному ведению бизнеса ICC, так и Принципов WCC/CIPE, которые по своей сути являются добровольными, в конкретной бизнес-среде в значительной степени будет носить декларативный характер при отсутствии в ней на законодательном национальном и (или) отраслевом уровне принципов саморегулирования бизнеса. В этом случае особое внимание следует уделить нормам ответственности саморегулируемых организаций и их членов перед третьими лицами, включая государственные органы.

В качестве примера можно привести «Антикоррупционную хартию российского бизнеса», подписанную в 2012 г. такими ведущими российскими общественными организациями, как Торгово-промышленная палата, Российский союз промышленников и предпринимателей, «Деловая Россия» и «Опора России». Несмотря на то что в данном документе декларируются со стороны подписантов такие правильные по своей сути вещи, как принцип публичности, информационное противодействие коррупции, сотрудничество с государством, содействие осуществлению правосудия и ряд других, уровень коррупции в России продолжает оставаться одним из самых высоких в регионе.

В этой части знаковый Декрет Президента Республики Беларусь от 23 ноября 2017 г. № 7 «О развитии предпринимательства» интересен не только тем, что направлен на улучшение бизнес-климата в стране. Существенная роль в Декрете отводится и принципу саморегулирования бизнеса. На законодательном уровне он предоставляет возможность бизнесу самостоятельно разрабатывать внутриотраслевые стандарты и правила, а в перспективе – и передать бизнесу часть государственных функций по регулированию рынка.

Но для успешного воплощения этих принципов необходимо тщательно проработать путь от декларации непосредственно самого принципа «саморегулирования» к поэтапному внедрению этой системы в практику. В его развитие, вероятно, должен появиться закон о саморегулируемых организациях, проект которого в настоящее время проходит общественную экспертизу под эгидой Совета по развитию предпринимательства с участием представителей заинтересованных министерств и бизнес-сообществ.

В то же время элементы саморегулирования в Беларуси уже применяются. Так, существует Белорусская ассоциация международных автоперевозчиков (БАМАП), которая была создана в 1992 г. по инициативе 24 автотранспортных предприятий республики. В настоящее время Ассоциация «БАМАП» объединяет в своих рядах порядка 1000 автомобильных перевозчиков – это члены БАМАП, пользователи книжек МДП. Основными целями деятельности ассоциации являются содействие развитию в Республике Беларусь автомобильных перевозок грузов и (или) пассажиров и выполнение на территории Республики Беларусь положений Конвенции МДП 1975 г.; деятельность по совершенствованию законодательства Республики Беларусь в области автомобильных перевозок грузов и (или) пассажиров; представление и защита законных интересов членов ассоциации и ее ассоциированных членов перед национальными и иностранными компетентными органами в рамках возложенных на нее задач.

Есть Белорусская нотариальная палата, учрежденная Указом Президента Республики Беларусь от 27 ноября 2013 г. № 523 «Об организации нотариальной деятельности в Республике Беларусь». Указом Президента Республики Беларусь от 19 сентября 2017 г. № 338 «О налоговом консультировании» создана Палата налоговых консультантов. Однако следует констатировать, что несмотря на тот факт, что членство в этих бизнес-сообществах является для профильных участников обязательным, их члены не отвечают по обязательствам указанных организаций, так же как и последние не несут имущественную ответственность ее членов. Есть отдельные элементы саморегулирования в адвокатуре и некоторых других общественных организациях.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ (ОБЗОР АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ СИНГАПУР)

Дятлова В.О.

В любом государстве коррупция признается серьезным преступлением. На уровне международных документов, а также национальных актов законодательства государства признают коррупцию проблемой, требующей безусловного противодействия ей. Противодействие коррупции необходимо в связи с тем, что игнорирование проблемы влечет самые серьезные последствия, которые подрывают репутацию страны, приводят к нарушению социального порядка, повышают стоимость ведения бизнеса и, что еще хуже – могут привести к человеческим жертвам.

Опыт построения сингапурской модели противодействия коррупции во многом интересен тем, что страна за достаточно короткий отрезок времени построила исключительно эффективную систему; более того, на первоначальном этапе построения системы Сингапур не являлся одним из экономических лидеров Юго-Восточной Азии, напротив, уровень жизни в данной стране был весьма низким. Вместе с тем сегодня это государство – один из наилучших примеров создания и деятельности системы противодействия коррупции.

Изначально, во время британского колониального правления в Сингапуре, коррупция едва ли не рассматривалась как образ жизни. Закон против коррупции (Указ о предотвращении коррупции 1937 г.) был не эффективен в принципе, коррупция укоренилась в правительстве, бизнесе и обществе. В 1952 г. в связи с совершением резонансного преступления и невозможностью со стороны британских властей дальше игнорировать масштабы коррупции был создан независимый орган для эффективной борьбы с ней – Бюро по расследованию коррупции (Corrupt Practices Investigation Bureau). Вместе с тем поворотный момент наступил только в конце пятидесятых годов, когда правительство Сингапура провозгласило борьбу с коррупцией главным приоритетом в стране, а в 1960 г. парламент принял Закон о предупреждении коррупции, значительно изменивший подходы в борьбе с коррупцией и привлечением к ответственности виновных лиц.

В настоящее время Сингапур широко известен в мире как одна из немногих стран с наиболее низким уровнем коррупции. В 2019 г. организация Трансперенси Интернешнл поставила страну на 4 место из 180, признав ее одной из наименее коррумпированных стран в мире и наименее коррумпированной азиатской страной с результатом 85 из 100 [1]. Организация по консультированию по политическим и экономическим рискам (PERC) также оценивает Сингапур как наименее коррумпированное государство в Азии, при этом данную позицию страна занимает с 1995 г. [2].

Создавая в 60-х годах прошлого столетия систему противодействия коррупции, законодатель принял за основу двухсоставную стратегию, важнейшими элементами которой являлись:

- сокращение возможностей для коррупции путем усиления существующего законодательства в сфере борьбы со взяточничеством и увеличения наказания за коррупционное поведение,

- сокращение стимулов для должностных злоупотреблений посредством повышения заработной платы и улучшения условий труда на государственной службе.

Нынешняя система, позаимствовав основу предыдущей, опирается на пять «столпов»:

- политическая воля;
- эффективное законодательство;
- независимая судебная система;
- эффективная и ориентированная на гражданина (отзывчивая) государственная служба;
- эффективное правоприменение [3].

Основу антикоррупционного законодательства Сингапура на сегодняшний день составляют два ключевых закона: Закон о предотвращении коррупции (РСА) и Закон о коррупции, обороте наркотиков и других тяжких преступлениях (конфискация пособий) (CDSA). В первом случае закон применяется к лицам, которые дают или получают взятки как в государственном, так и в частном секторе. Второй акт регламентирует конфискацию незаконно полученных доходов коррумпированных лиц, при этом включая в состав таких доходов не только сами суммы взяток, но и прибыль, полученную отдельными лицами или компаниями, если в результате подкупа были незаконно получены контракты (заказы). В своей совокупности эти два закона гарантируют, что коррупция является высокорисковой деятельностью с низким уровнем вознаграждения.

В качестве одного из важнейших элементов сингапурской стратегии противодействия коррупции выступает независимая судебная система, которая полностью изолирована от политического вмешательства. Такой подход реализуется посредством следующего механизма: Конституция Сингапура гарантирует независимость судебной власти, Главный судья назначается Президентом по рекомендации Премьер-министра и Совета советников Президента, остальные государственные Судьи и магистраты назначаются Президентом по рекомендации Главного судьи.

Судебная власть признает серьезность коррупции и принимает позицию сдерживания, назначая суровые штрафы и тюремное заключение по отношению к коррумпированным преступникам. Данный подход основывается на идее, согласно которой расследование и судебное преследование, независимо от их эффективности, должны дополняться последующим осуждением виновного и соответствующим серьезным наказанием для противодействия коррупции.

Кроме того, эффективная государственная служба рассматривается как краеугольный камень политики государства в сфере предупреждения коррупции. Государственные служащие Сингапура, руководствуясь в своей профессиональной деятельности Кодексом поведения, обязаны соблюдать высокие стандарты поведения государственных служащих на основе принципов честности, неподкупности и прозрачности.

В Кодексе, в частности, закреплено, что:

- государственный служащий не может занимать деньги у любого лица, которое имеет с ним официальные отношения;
- необеспеченные долги и обязательства государственного служащего не могут в любое время более чем в три раза превышать месячную зарплату;
- государственный служащий не может использовать какую-либо официальную информацию для защиты своих личных интересов;
- государственный служащий обязан декларировать свои активы при первом назначении, а также ежегодно;
- государственный служащий не может заниматься торговлей или бизнесом либо работать неполный рабочий день;
- государственный служащий не может получать услуги или подарки в любой форме от представителей общественности.

Кроме того, правительство приняло ряд административных мер для снижения вероятности заключения коррупционных соглашений и вовлечения государственных служащих в коррупционные сделки. Эти меры включают в себя:

- упорядочение административных процедур и сокращение бюрократизма для обеспечения эффективной и прозрачной государственной службы таким образом, чтобы никому не требовалось прибегать к коррупции среди государственных служащих для достижения цели;
- постоянный мониторинг зарплат государственных служащих, чтобы гарантировать, что им платят адекватно и сравнимо с частным сектором;
- уведомление правительственных подрядчиков в момент подписания контрактов о том, что подкуп государственных служащих может привести к расторжению их договоров. При этом данная формулировка является одним из стандартных условий договора.

На сегодняшний момент правительство Сингапура внедрило электронные услуги для повышения доступности и удобства государственных услуг. Более тысячи государственных услуг могут быть совершены при помощи интернет-технологий, без контакта служащего с потребителем услуги. Кроме того, все государственные закупки осуществляются через интернет. Спецификации закупок размещены в сети для того, чтобы все, в том числе международный бизнес, могли иметь доступ к государственным заказам. Такая прозрачность и эффективность сокращают в некоторой степени возможности для злоупотреблений и коррупции.

Относительно эффективного правоприменения необходимо отметить, что важнейшим элементом системы борьбы с коррупцией в Сингапуре является Бюро по расследованию коррупции (Corrupt Practices Investigation Bureau),

которое является единственным органом в стране, уполномоченным проводить расследование коррупционных и связанных с ними преступлений в соответствии с Законом о предупреждении коррупции. В настоящее время численность персонала организации составляет 220 человек, где около 60 % служащих – это лица, непосредственно осуществляющие расследование коррупционных дел [4].

Данный государственный орган был создан при Премьер-министре с функциональной независимостью от него и обеспечивает соблюдение жестких антикоррупционных норм как в государственном, так и в частном секторах.

В своей деятельности Бюро акцентирует усилия на государственном секторе. Особое внимание уделяется работникам правоохранительных органов, которые по характеру своей работы более подвержены преступлениям. Хотя работники государственного сектора находятся в меньшинстве среди лиц, привлекаемых к ответственности, Бюро на постоянной основе осуществляет информирование о коррупции посредством регулярных бесед, семинаров, конференций и других профилактических инициатив. Каждое государственное учреждение в Сингапуре имеет контакт в Бюро и может легко получить совет или консультацию. Безусловно, мероприятия по предупреждению и борьбе с коррупцией не ограничиваются исключительно государственным сектором. Бюро также эффективно работает с частным сектором, поскольку в современной экономике коррупция как в государственном, так и в частном секторах становится все более динамичной и взаимосвязанной. В этой связи неспособность эффективно контролировать коррупцию в одном секторе приведет к ухудшению общей коррупционной ситуации.

Кроме того, поскольку немаловажную роль в противодействии коррупции в стране играет общественная поддержка, Бюро является организацией, абсолютно открытой для контактов с общественностью. Любому гражданину доступны несколько простых способов подать жалобу на коррупционные действия. Жалоба может быть подана через интернет, лично в Бюро, посредством телефонного звонка, а также посредством писем или факса.

Также в рамках политики «No Wrong Door» Бюро доступно для лиц, которые обращаются с проблемами, не связанными с коррупцией, и должны были бы изначально обратиться в иные государственные ведомства, такие как полиция, иммиграционная служба или Министерство труда. Вместе с тем Бюро принимает такую жалобу и передает ее в соответствующий государственный орган или в соответствующий отдел. Данный подход обусловлен и политикой государства, и поддерживает имидж Бюро, делая его заслуживающим общественного доверия. Кроме того, в Бюро действует Центр отчетности и изучения коррупции, который в рамках своих постоянных усилий по обеспечению большей прозрачности с 2015 г. ежегодно публикует подробную статистику коррупции в стране [5].

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать несколько выводов. Во-первых, политическая воля является основой для начала реализации успешной антикоррупционной программы. Во-вторых, лишь совокупность

эффективного законодательства, качественного и эффективного государственного управления, подготовленных государственных служащих, эффективного правоприменения и эффективной стратегии правоприменения снижает возможности коррупционных проявлений и их необходимость в принципе, поскольку эффективное регулирование увеличивает альтернативные издержки для потенциальных коррупционеров. В-третьих, борьба с коррупцией должна осуществляться не только в государственном секторе, но и в частном. И такой подход должен оказать положительное воздействие на экономику страны в связи с тем, что потенциальный инвестор с большей долей вероятности придет туда, где он может конкурировать в условиях, равных для всех.

Таким образом, безусловно, что в успешной антикоррупционной стратегии должны быть все вышеперечисленные элементы, поскольку бороться с коррупцией изолированными инициативами – неэффективно, и только наличие всех должных и связанных элементов сможет обеспечить комплексный подход к противодействию коррупции.

Список использованных источников

1. Our work in Singapore [Electronic resource] // Transparency international. – Mode of access: [https:// https://www.transparency.org/en/countries/singapore](https://www.transparency.org/en/countries/singapore). – Date of access: 10.03.2020.
2. Asia Risk [Electronic resource] // Singapore. – Mode of access: [https:// https://www.asiarisk.com/subscribe/exsum1.pdf](https://www.asiarisk.com/subscribe/exsum1.pdf). – Date of access: 10.03.2020.
3. Global legal insights [Electronic resource] // Mode of access: [https:// www.globallegalinsights.com/practice-areas/bribery-and-corruption-laws-and-regulations/singapore](https://www.globallegalinsights.com/practice-areas/bribery-and-corruption-laws-and-regulations/singapore). – Date of access: 10.03.2020.
4. Who we are. [Electronic resource] // Corrupt Practices Investigation Bureau. – Mode of access: [https:// https:// www.cpib.gov.sg](https://www.cpib.gov.sg). – Date of access: 10.03.2020.
5. Rress-releases/ [Electronic resource] // Corrupt Practices Investigation Bureau. – Mode of access: <https://www.cpib.gov.sg/press-room/press-releases/corruption-singapore-low-levels>. – Date of access: 10.03.2020.

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Ипатова О.В., Козловская И.А.

Борьба с коррупцией в Республике Беларусь – это важнейшая государственная задача. Коррупция считается одной из основных общественно-политических проблем, которая снижает темпы экономического роста. Преступления коррупционной направленности причиняют существенный вред авторитету государственной власти, препятствуют нормальному функционированию органов государственной власти и управления, а также аппарата управления иных органов и организаций независимо от форм собственности, подрывают доверие граждан к властным структурам.

Вопросам борьбы с коррупцией уделяется большое внимание со стороны Президента и Правительства Республики Беларусь. Создана прочная законодательная база, определяющая систему мер и принципы борьбы с коррупцией, конкретные организационные, предупредительные мероприятия и механизмы борьбы с коррупцией, предусматривающая уголовную ответственность за коррупционные преступления и устранение последствий коррупционных правонарушений.

В настоящее время сформирована определенная система организации борьбы с коррупцией, которая включает в себя: разработку и принятие антикоррупционного законодательства, разграничение между государственными органами их функций; создание и обеспечение деятельности специальных подразделений по борьбе с коррупцией; образование на различных уровнях комиссий, координационных советов и совещаний по борьбе с преступностью и коррупцией; использование государственных СМИ, активное вовлечение граждан, общественных организаций и трудовых коллективов в деятельность по противодействию коррупции [1].

Базовым документом, на основе которого организуется антикоррупционная деятельность, является Закон Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З «О борьбе с коррупцией». Данный Закон устанавливает правовые основы государственной политики в сфере борьбы с коррупцией, направлен на защиту прав и свобод граждан, общественных интересов от угроз, вытекающих из проявлений коррупции, обеспечение эффективной деятельности государственных органов, иных организаций, государственных должностных и приравненных к ним лиц путем предупреждения, выявления, пресечения правонарушений, создающих условия для коррупции, и коррупционных правонарушений, устранения их последствий.

Помимо Закона Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией», действуют и иные нормативные правовые акты, направленные на противодействие коррупции, такие как: Закон Республики Беларусь от 4 января 2003 г. № 174-З «О декларировании физическими лицами доходов, имущества и источников денежных средств», Закон Республики Беларусь от 8 мая 2007 г. № 220-З «О прокуратуре», Закон Республики Беларусь от 14 июня 2003 г. № 204-З «О государственной службе в Республике Беларусь», Закон Республики Беларусь от 27 июня 2007 г. № 244-З «О борьбе с организованной преступностью». Немаловажными документами являются Декрет Президента Республики Беларусь от 15 декабря 2014 г. № 5 «Об усилении требований к руководящим кадрам и работникам организаций» (далее – Декрет № 5), Декрет Президента Республики Беларусь от 23 ноября 2017 г. № 7 «О развитии предпринимательства», которые формируют законодательную основу для эффективной борьбы с коррупцией в конкретных сферах жизнедеятельности общества.

Целью издания Декрета № 5, как указано в его преамбуле, является повышение эффективности хозяйствования, обеспечение надлежащих условий труда в организациях государственной и частной форм собственности,

повышение качества продукции (работ, услуг), совершенствование работы по подбору и расстановке руководящих кадров.

Декретом № 5 предусмотрено повышение ответственности руководителей организаций и установлено, что необеспечение производственно-технологической, исполнительской и трудовой дисциплины, надлежащих условий труда работников, содержание производственных зданий (помещений), оборудования и приспособлений не в соответствии с установленными требованиями является грубым нарушением руководителем трудовых обязанностей и влечет обязательное привлечение его к дисциплинарной ответственности вплоть до увольнения с занимаемой должности.

Республикой Беларусь ратифицированы и выполняются требования ряда международных актов по борьбе с коррупцией: Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г., Конвенции ООН против коррупции 2003 г., Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию 1999 г., Конвенции Совета Европы о гражданско-правовой ответственности за коррупцию 1999 г.

В зависимости от последствий коррупционных правонарушений в Республике Беларусь установлена уголовная, административная, дисциплинарная и гражданско-правовая ответственность. Уголовный кодекс Республики Беларусь устанавливает весьма суровые санкции за совершение коррупционных преступлений, которые предусматривают наказание вплоть до 15 лет лишения свободы со штрафом и с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Практикуется организация выездных судебных заседаний по уголовным делам о коррупции на предприятиях.

Физическому лицу, способствующему выявлению коррупции, в случаях и порядке, определенных постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 5 февраля 2016 г. № 101 «О выплате вознаграждения и других выплат физическому лицу, способствующему выявлению коррупции», выплачиваются вознаграждение и другие выплаты, которые не указываются в декларации о доходах и имуществе. Физическое лицо находится под защитой государства.

Для оценки эффективности применения данных правовых норм используют Индекс восприятия коррупции. Международная организация по борьбе с коррупцией Transparency International опубликовала Индекс восприятия коррупции за 2019 г.: Беларусь улучшила позиции по сравнению с 2018 г. – заняла в рейтинге 66 место (в 2018 г. было 70 место), набрав 45 баллов [2]. Индекс представляет собой шкалу от 0 (максимальный уровень коррупции) до 100 (отсутствие коррупции). Для сравнения: в соседних России и Украине ситуация с коррупцией согласно обновленному Индексу гораздо хуже: Россия занимает 137 место (28 баллов), Украина – 126 место (30 баллов) [2].

Большинство жителей Беларуси (68 %) в той или иной степени положительно оценивает проводимые государством меры по борьбе с коррупцией в нашей стране. Об этом свидетельствуют данные проведенного

Информационно-аналитическим центром в четвертом квартале 2017 г. республиканского опроса [3].

Следует отметить, что борьба с коррупцией – не кратковременная кампания, а важнейшая задача в деле укрепления независимости и суверенитета нашего государства, обеспечения общественной безопасности. Прежде всего следует работать не с последствиями проблемы, а с ее причинами. Только при возможности развиваться, уверенности в завтрашнем дне и уважении закона со стороны всех граждан страны можно достичь поставленных целей развития Республики Беларусь.

Список цитированных источников

1. Борьба с коррупцией [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://analitcentre.by/ru/new_url_1330510613-ru/. – Дата доступа : 03.03.2020.
2. Transparency International [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.transparency.org/cpi2019#report>. – Дата доступа: 03.03.2020.
3. Республика Беларусь в зеркале социологии : сб. материалов социолог. исслед. / Инф.-аналит. центр при Администрации Президента Респ. Беларусь. – Минск, 2018 – 180 с.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ СТАНДАРТЫ ПОСТРОЕНИЯ СТРАТЕГИЙ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ

Карасьникова А.С.

Республика Беларусь является государством – участником международных договоров ООН и Совета Европы в области борьбы с коррупцией, а также полноправным членом Группы государств против коррупции (ГРЕКО). В связи с этим международными организациями оцениваются законодательство Беларуси и практика его применения на предмет их соответствия международным антикоррупционным стандартам.

В оценочном отчете по объединенным первому и второму раундам оценки ГРЕКО рекомендовала Республике Беларусь создать всеобъемлющую стратегию и план действий по борьбе с коррупцией, которые должны быть основаны на фактических данных [1]. Разработка стратегии противодействия коррупции рекомендована странам во исполнение руководящего принципа 9 Двадцати принципов борьбы с коррупцией и обусловлена принципом 1 [2, с. 535–536]. При анализе лучших практик имплементации антикоррупционных стандартов ГРЕКО в национальное законодательство и правоприменительную практику Секретариат ГРЕКО обратил внимание на то, что антикоррупционные стратегии должны включать в себя конкретные поддающиеся оценке и измерению задачи, а не сводиться к простой совокупности намерений. Страны должны проводить объективную оценку рисков, тщательно изучать уязвимые секторы и внедрять соответствующие практики предупреждения коррупции, устанавливать надлежащую систему контроля. Особое внимание следует обращать на процесс принятия решений

публичными должностными лицами. Стратегии должны распространяться не только на высшие, но и на местные органы власти [3, с. 8–11].

В Конвенции ООН против коррупции прямо не закреплена рекомендация разработать стратегию противодействия коррупции, однако анализ ст. 5 Конвенции, посвященной политике и практике предупреждения и противодействия коррупции, показывает, что разработка и принятие комплексной стратегии по борьбе с коррупцией является основой эффективного осуществления политики государства в данной области. Компоненты стратегии должны разрабатываться с учетом мер предупреждения коррупции, изложенных в ст. 5–14 Конвенции ООН против коррупции.

Для успешной имплементации норм Конвенции ООН против коррупции в национальное законодательство государств – участников Конвенции Управление ООН по наркотикам и преступности разработало Техническое руководство по осуществлению Конвенции ООН против коррупции [4]. Более полно стандарты ООН, связанные со стратегиями борьбы с коррупцией, изложены в Практическом руководстве по разработке и осуществлению Национальных антикоррупционных стратегий [5].

В Техническом руководстве определяются требования к предварительной работе, на основе которой будет разрабатываться стратегия предупреждения коррупции. Государствам-участникам следует:

- провести оценку коррупционных рисков на основе анализа информации и широкого спектра статистических данных (не только о коррупционных преступлениях, правонарушениях, проступках, но и об обстоятельствах и условиях, преобладающих в обществе);

- провести научное исследование по выявлению причин, тенденций и уязвимых к коррупции мест. Полученные в результате исследования данные должны стать основой оценки рисков и уязвимости с целью выявления тенденций, причин, типов, распространенности и серьезности или воздействия коррупции, что поможет расширить понимание сфер деятельности и секторов экономики, подверженных коррупции [4, с. 3–4];

- разработать конкретные способы вовлечения представителей общества во все процессы планирования, формулирования, развития, утверждения, реализации и анализа стратегии [4, с. 6].

В Техническом руководстве отмечается, что в антикоррупционной стратегии большую пользу приносит акцент на предупреждение коррупции, поскольку именно он обеспечивает надлежащее применение правил и процедур и использование фондов, а также гарантирует честность и неподкупность государственных должностных лиц.

Упор в стратегии на мерах контроля является дорогостоящим, фокусируется на неисполнении правил и процедур, злоупотреблении государственными средствами. Несмотря на то что такой упор присутствует в эффективных стратегиях, он не должен превалировать над предупредительным аспектом [4, с. 4].

В Практическом руководстве по разработке и осуществлению Национальных антикоррупционных стратегий названы пять ключевых аспектов эффективности антикоррупционной стратегии:

процесс разработки стратегии должен контролироваться органом, который обладает достаточной автономией, опытом и политической поддержкой, и должен учитывать мнение всех заинтересованных органов и организаций;

в стратегии должны быть отражены предварительные оценка и диагностика основных коррупционных вызовов, которые стоят перед государством, включая препятствия в реализации эффективной антикоррупционной политики;

на основе предварительных оценки и диагностики в качестве элемента стратегии должна быть разработана антикоррупционная политика, которая ставит амбициозные, но в то же время реалистичные цели, определяет главные приоритеты как на ближайшую, так и на долгосрочную перспективу и устанавливает соответствующую последовательность реформ;

стратегия должна включать план реализации, в котором ответственность за контроль ее исполнения возлагается на координационную группу, а также предусмотрены механизмы, обеспечивающие взаимодействие друг с другом различных органов и организаций, которые осуществляют разные аспекты контроля;

стратегия должна содержать план мониторинга и оценки реализации и влияния плана, чтобы гарантировать, что элементы плана антикоррупционной политики надлежащим образом выполняются, оказывают желаемое воздействие и что они могут быть пересмотрены при необходимости [5, с. 3].

Согласно Практическому руководству по разработке и осуществлению Национальных антикоррупционных стратегий проведение предварительной диагностики коррупционных вызовов включает в себя самооценку, оценку дружественными организациями (международными организациями, неправительственными организациями) и другие оценки; сравнение коррупции или управления по всей стране; специальные обзоры восприятия коррупции в стране; обзоры личного участия в коррупции опрашиваемых респондентов; изучение информации в Интернете и средствах массовой информации; изучение данных, которые собираются государственными органами и организациями; сравнение разных источников данных; оценку уязвимых зон – определение сфер, в которых существует потенциальный риск коррупции. Важным элементом предварительной диагностики коррупционных вызовов является опосредованная система мер, которые направлены не на непосредственное измерение коррупционных проявлений, а на изучение фактов, интерпретация которых дает представление о связанных с коррупцией проблемах: размер теневой экономики в стране, время, необходимое на совершение определенной административной процедуры, либо вместо этого на измерение доступности в стране сильной антикоррупционной инфраструктуры, которая снижает вероятность появления коррупции [5, с. 13–23].

В соответствии с Практическим руководством по разработке и осуществлению Национальных антикоррупционных стратегий формулирование антикоррупционных мер предполагает:

разработку мер стратегии на основе проведенной диагностики, с учетом стесненности ресурсов государства;

постановку амбициозных, но реалистичных целей и задач, что особенно важно для формулирования плана осуществления стратегии. Цель стратегии – не просто провозглашение проекта реформ, но создание давления для изменений, поэтому в стратегии должны быть установлены высокие стандарты и амбициозные цели, которые идут дальше незначительных изменений. Наличие в стратегии нереальных целей приведет к ее игнорированию как непрактичного «списка пожеланий»;

определение конкретных специфичных мер, которые должны быть предприняты, чтобы помочь контролировать коррупцию в стране. При этом нежелательно отражать каждую меру в стратегии – детальное изложение мер можно предусмотреть в плане осуществления стратегии. Тем не менее важно, чтобы в стратегии был набор определенных рекомендаций, а не простое перечисление задач в широком смысле или абстрактных терминов без их привязки к определенным антикоррупционным реформам и изменениям;

описание задач каждого элемента реформ;

обсуждение и учет стоимости, выгоды, расходов, противодействия и поддержки каждого элемента;

обращение внимания на выбор приоритетов и их упорядочение. Невозможно делать все одновременно, поэтому следует определить сферы, которые являются наиболее приоритетными в государстве для осуществления антикоррупционных реформ и решения различных аспектов проблем, связанных с коррупцией;

точное определение конкретных сроков осуществления различных реформ [5, с. 27–32].

В Практическом руководстве также раскрыты меры, гарантирующие эффективное осуществление стратегии, определены порядок проведения мониторинга и оценки выполнения стратегии, правила мониторинга и оценки влияния стратегии [5, с. 33–50].

Таким образом, международные антикоррупционные стандарты построения стратегий борьбы с коррупцией можно сформулировать следующим образом:

широкое взаимодействие государственных органов и общественности на всех этапах разработки, осуществления, оценки эффективности, пересмотра стратегии;

научная основа разработки стратегии, включающая изучение всевозможной информации и статистических данных не только о проявлениях коррупции, но и о важнейших тенденциях в обществе, выявление коррупционно уязвимых сфер;

акцент на предупреждении коррупции, а не на устранении последствий выявленных нарушений и привлечении виновных к ответственности;

охват стратегией по борьбе с коррупцией всех уязвимых для коррупции сфер на всех уровнях управления;

последующая разработка планов действий по выполнению стратегии, чтобы стратегия не воспринималась как декларация о намерениях;

периодическая оценка и пересмотр стратегии.

Список цитированных источников

1. Summary of the Evaluation Report on Belarus : Joint First and Second Evaluations Rounds [Electronic recourse] / GRECO. – Mode access: <https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=09000016806c1d38>. – Date of access: 02.03.2020.

2. О двадцати руководящих принципах борьбы с коррупцией : резолюция Комитета Министров Совета Европы (97) 24, 6 нояб. 1997 г. // Научно-практ. комментарий к Закону Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией» / НПП Генер. прокуратуры Респ. Беларусь ; под общ. ред. В. М. Хомича. – Минск : Амалфея, 2017. – С. 535–537.

3. The fight against corruption in public administration – emerging themes from GRECO Round II Evaluations [Electronic recourse] // Lessons learnt from the three Evaluation Rounds (2000–2010) : Thematic Articles / Group of States against Corruption (GRECO), GRECO Secretariat. – P. 7–21. – Mode access: <https://www.coe.int/en/web/greco/publications>. – Date of access: 02.03.2020.

4. Техническое руководство по осуществлению Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции / Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности (УНП ООН). – Нью-Йорк : Организация Объединенных Наций, 2010. – 256 с.

5. National Anti-Corruption Strategies : A Practical Guide for Development and Implementation / United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC). – New York : United Nations, 2015. – 57 p.

АНТИКОРРУПЦИОННЫЙ КОМПЛАЕНС-МЕНЕДЖМЕНТ КАК ОСНОВА СТРАТЕГИИ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ

Марчук В.В.

1. В самом общем виде понятие «комплаенс» (*compliance*) или «соответствие нормам» означает соблюдение правовых предписаний, нормативных стандартов и других существенных требований участниками правоотношений [1, с. 3–4]. В современном мире основной целью комплаенс-контроля является защита интересов субъектов хозяйствования, инвесторов, клиентов, сотрудников коммерческих организаций от различного рода негативных последствий.

Международный опыт показывает, что государственного регулирования в управлении производством, выполнении работ и оказании услуг явно недостаточно для эффективного использования и контроля соответствующей сферы экономики. Результаты приносят используемые в практике зарубежного менеджмента программы саморегулирования деятельности организаций. Этот аспект представляет интерес и для нашей страны, поскольку среди принципов

взаимодействия государственных органов с юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями, указанных в п. 1 Декрета Президента Республики Беларусь от 23 ноября 2017 г. № 7 «О развитии предпринимательства», назван принцип саморегулирования бизнеса и минимизации вмешательства государственных органов, их должностных лиц в предпринимательскую и иную экономическую деятельность. Разумеется, государство не отказывается полностью от функции регулирования экономической деятельности. Вместе с тем реализация этого принципа в экономических отношениях предполагает изменение содержания регулятивной стратегии в целом.

2. Среди различных видов комплаенс-контроля (финансовый, антимонопольный, налоговый, экологический и др.) особое место в саморегулирующихся организациях занимает антикоррупционный комплаенс, сущность которого заключается в установлении и реализации в рамках коммерческой организации комплекса мер по формированию ответственного антикоррупционного поведения организации и ее работников. Этот комплекс мер по своей сути образует методологию, реализация которой в итоге гарантирует, что все члены трудового коллектива, начиная от рядового работника и до директора, будут выполнять свои обязанности, соблюдая при этом те антикоррупционные запреты и ограничения, которые установлены как национальным законодательством, так и локальными актами, утвержденными в данной организации. Установление в организации на постоянной основе антикоррупционного комплаенс-контроля минимизирует негативные последствия (риски) для организации (подрыв деловой репутации организации, потеря поставщиков и других важных контрагентов, привлечение к ответственности работников за коррупционные правонарушения и т. д.). В этом смысле точным следует признать определение Курта Кейте, согласно которому комплаенс предполагает избежание юридически значимых рисков путем наилучшей организации деятельности корпорации [2, с. 393].

3. Определение политики противостояния коррупции в организации рекомендуется определять в специально разработанной антикоррупционной комплаенс-программе. При формировании в организации такой программы в настоящее время можно использовать рекомендации, предусмотренные международным стандартом ISO 37001:2016 «Системы менеджмента противодействия коррупции – требования и рекомендации по применению» (далее – ISO 37001),¹ который аккумулировал в себе все ранее закрепленные в международных стандартах и внедренные в менеджмент передовые практики противодействия коррупции.

Следует отметить, что белорусские организации, тесно сотрудничающие с западноевропейскими и американскими бизнес-партнерами, уже включены в процесс комплаенс-менеджмента, в том числе антикоррупционного.

¹ На основе стандарта ISO 37001 в Республике Беларусь 25 февраля 2020 г. утвержден национальный стандарт СТБ ISO 37001 «Системы менеджмента борьбы со взяточничеством. Требования и руководство по применению».

В частности, при заключении внешнеторговых контрактов нерезиденты уже требуют от белорусских организаций представления сертификата о соответствии хозяйственной деятельности организации антикоррупционным требованиям, предусмотренным в стандарте ISO 37001.

4. На основе положений ISO 37001 методологию антикоррупционной комплаенс-программы необходимо определять с учетом множества факторов. К ним следует отнести контекст деятельности организации; сложившийся уровень коррупциогенности (индекс коррупции) в соответствующей отрасли экономики и (или) регионе; законодательство, регламентирующее уставные виды хозяйственной деятельности; местонахождение организации и ее структурных подразделений; характер и масштаб экономической деятельности организации; сферу взаимодействия с государственными должностными лицами; полномочия по управлению организацией; состав учредителей (акционеров); бизнес-модель организации; компетенцию органов, контролирующую хозяйственную деятельность организации; специфику деятельности предприятий, которые контролирует организация; структуру самой организации (особенно важно здесь выделить те структурные подразделения, специфика деятельности которых не исключает появления коррупционных рисков (отделы закупки, продажи, рекламы, операционной деятельности и т. д.); сложившиеся хозяйственные связи с контрагентами; объем работы по агентским соглашениям; форму и сложившуюся практику проведения расчетов; кадровую политику организации и трудовых отношений с работниками; оценку коррупционных рисков (механизм их выявления, установление критериев оценки этих рисков, регулярный анализ выявленных коррупционных рисков, принимаемые меры по выявленным коррупционным рискам, постоянный мониторинг) и др. [3, с. 144].

5. Реализацию мероприятий антикоррупционной комплаенс-программы должны обеспечивать конкретные работники. Конечно, далеко не всякая организация может позволить себе выделить отдельного работника, а тем более отдельную структурную единицу организации, наделив их полномочиями комплаенс-контроля. Вместе с тем зарубежный опыт, в том числе Российской Федерации, показывает, что это могут быть работники (работник) юридического отдела (службы) организации. Однако, несомненным является то, что ответственные за антикоррупционный комплаенс-менеджмент лица должны найти в деятельности этой организации те зоны деятельности, которые должны стать предметом постоянного контроля и мониторинга. К таким коррупционно опасным зонам можно, например, отнести деятельность отдела маркетинга по продаже товара, по реализации процедур закупок товара, осуществление административных процедур, оформление проектно-сметной и иной документации при производстве подрядных работ, порядок премирования работников организации, порядок и размер выплаты контрагентам вознаграждений по различного рода агентским соглашениям и др.

6. Инструменты (методы) антикоррупционного комплаенса: аудит (внутренний и внешний), мониторинг, механизмы выявления коррупционных рисков, обучение работников (в том числе антикоррупционной культуре),

оценка коррупционных рисков, сертификация на предмет соответствия антикоррупционным требованиям и др.

Целью оценки коррупционных рисков является обеспечение возможности организации сформировать прочный фундамент для ее системы менеджмента противодействия коррупции. Оценка коррупционного риска – это анализ, выяснение в организации причин до принятия соответствующих мер. Как организация осуществляет оценку коррупционных рисков, какую методику при этом применяет, как коррупционные риски взвешиваются и расставляются по приоритетам, каков уровень приемлемости коррупционных рисков (т. е. склонность к риску) или их допустимости, все это остается на усмотрение самой организации и должно закрепляться в антикоррупционной программе.

7. Антикоррупционный комплаенс-менеджмент позволяет по-новому воспринимать смысл юридической ответственности коммерческой организации. Предназначение установления в законодательстве административной или уголовной ответственности юридического лица за коррупционные правонарушения заключается в том, чтобы стимулировать процесс саморегулирования в организации. Если коррупционное правонарушение было совершено работником организации в ее интересах в результате отсутствия саморегулирующих комплаенсных процедур, то это может стать основанием применения к организации соответствующей юридической санкции. Таким образом, угроза применения санкции к юридическому лицу должна побуждать руководство организации и ее учредителей (акционеров) к разработке и внедрению саморегулирующих процедур, в том числе установления системы антикоррупционных комплаенсных оценок. В конечном итоге методологически правильно выстроенный антикоррупционный комплаенс-контроль может способствовать увеличению добавочной стоимости.

Саморегулирование в организации на предмет соответствия ее деятельности антикоррупционным требованиям образует основу профилактики коррупции. Профилактирование коррупции в структуре менеджмента организаций как соответствующих подсистемах в конечном итоге выходит за пределы действия частной сферы интересов этих организаций и становится ориентиром (стратегией) для всей системы экономических отношений.

Список цитированных источников

1. Карпович, О. Г. Теория и современные практики комплаенса. Мировые модели противодействия криминальным угрозам : монография / О. Г. Карпович, Ю. В. Трунцевский. – М. : ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2018. – 407 с.
2. Kiethe, K. Vermeidung der Haftung von geschäftsführenden Organen durch Corporate Compliance / K. Kiethe. – GmbHR, 2007. – 400 p.
3. Марчук, В. В. Об оценке и профилактике коррупции в структуре менеджмента / В. В. Марчук // Криминология в условиях трансформационных процессов: национальный и международный аспекты : материалы Междунар. науч. - практ. конф., посвящ. 50-летию Полоц. гос. ун-та, Новополоцк, 12–13 нояб. 2018 г. / редкол. : И. В. Вегера [и др.]. – Новополоцк : Полоц. гос. ун-т, 2018. – С. 142–150.

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

Мусаев Э.

Начало процесса борьбы с коррупцией в независимом Азербайджане практически совпадает с восстановлением государственной независимости. Несмотря на то что в ранние годы становления республики пришлось столкнуться с экзистенциальными вызовами основам государственности, коррупция все время находилась на повестке дня общественной жизни страны. В рамках проводимых общегосударственных мер правительством страны принимались стратегические усилия, направленные на упреждение коррупции. Без четкого определения самого понятия коррупции изначально эти усилия были увязаны с общепринятыми направлениями, достижение результатов по которым положительно сказывалось на контроле различных проявлений коррупции, а затем эти меры приняли системный и специализированный характер.

Для определения основных тенденций в стратегическом планировании антикоррупционных усилий в Азербайджане за основу были взяты два определения. Согласно определению международной антикоррупционной организации Transparency International «коррупция – это злоупотребление доверенной властью в личных целях» [1]. Всемирный банк определяет коррупцию как «злоупотребление государственными должностями в личных целях» [2]. Приведенные определения основаны на понятиях «должностное положение» или «власть», будь то в частном или государственном секторе, злоупотреблении ими и цели «получения преимуществ». В исследованиях справедливо подчеркнуто то, что большинство определений связывают коррупцию с поведением государственного должностного лица, указывают на незаконный акт, подчеркивают выплату взяток и предполагают некоторые прямые и косвенные выгоды для одной или обеих сторон, и эти ограничения делают невозможным охват всех сфер коррупции [3, с. 5]. Как покажет приведенный ниже анализ, в ходе реализации антикоррупционных усилий проявились центростремительные тенденции, отражающие тенденции формирования концепции коррупции.

Хронологию стратегического противодействия коррупции можно условно разделить на три этапа. На первом этапе (до 2004 г.) антикоррупционные меры, принимаемые правительством, реализовывались на основе указов Президента Азербайджанской Республики, затрагивающих конкретные области. За период до 2004 г. было принято пять указов, среди которых стоит подчеркнуть Указ Президента «Об усилении борьбы с коррупцией» 2000 г. Принятые в этот период документы были нацелены в основном на усиление борьбы с преступностью, восстановление законности и правопорядка. Коррупция в них упоминается, наряду со взяточничеством, как вид тяжкой экономической преступности, а также предикатной для различных форм проявления организованной преступности. Наряду

с простыми мерами противодействия коррупции, к примеру, проведение открытых заседаний судов, в них изложены такие важные моменты, как обязательное проведение параллельных финансовых расследований и обеспечение упрощенного доступа к финансовым документам в ходе уголовного следствия.

К концу первого этапа в Азербайджане одновременно с внутренними процессами произошли важные события международного характера, которые оказали значимое влияние на стратегическое планирование противодействия коррупции. В 2003 г. Азербайджан подписал и ратифицировал Конвенцию об уголовной ответственности за коррупцию и Конвенцию о гражданско-правовой ответственности за коррупцию Совета Европы, которые вступили в силу в отношении Азербайджана с 2004 г. В 2005 г. Азербайджан подписал и ратифицировал Конвенцию ООН против коррупции. Как следствие, Азербайджан находится в рамках Механизма обзора Конвенции ООН (IRC UNCAC) и Механизма обзора нормативов Совета Европы GRECO. Кроме того, Азербайджан охвачен механизмом оценки Стамбульского плана действий Антикоррупционной Сети Организации Экономического Сотрудничества и Развития. В рамках указанных механизмов была проведена оценка криминализации коррупции, антикоррупционной политики, прозрачности и предотвращения коррупции в парламенте, на государственной службе, в судебных органах и прокуратуре, а также при государственных закупках, финансировании политических партий и в сфере международного сотрудничества по делам о коррупции. Обозначение проблемных отраслей и рекомендованное системное отношение к разрешению существующих проблем стали одним из факторов перехода ко второму этапу.

Первым документом, затрагивающим множество отраслей, в основе которого лежала задача противодействия коррупции, стала Государственная программа по борьбе с коррупцией на 2004–2006 гг., принятая в 2004 г. Она ознаменовала второй этап стратегического планирования. Всего за период с 2004 по 2018 гг. были приняты две антикоррупционные стратегии и четыре антикоррупционных плана действий. Следует отметить, что Антикоррупционные стратегии в Азербайджане, особенно процесс их коллективной разработки, широкое вовлечение гражданского общества в изучение эффективности и повышение осведомленности, а также политическая поддержка на самом высоком уровне были положительно отмечены в международных докладах [4, с. 24]. Измерение эффективности стратегий с точки зрения их воздействия, ответственности, учета реальных рисков, простоты и реалистичности в достижении обозначенных целей, а также сам процесс формулирования, обнародования и последующего пересмотра являются основными критериями действенности антикоррупционной политики [5]. Антикоррупционные стратегии и планы действия разрабатывались именно с учетом этих критериев.

Отличительной особенностью второго этапа является то, что изначально борьба с коррупцией была обозначена как основная составляющая построения правового государства, верховенства закона и условие для экономического

развития. В дальнейшем большинство антикоррупционных мер постепенно перешли в разряд мер по обеспечению «прозрачности». Именно этот элемент был взят за основу для обозначения всех остальных элементов «должного управления». Как известно, должное управление имеет восемь основных характеристик. Оно основано на широком участии и принципе верховенства права, ориентировано на консенсус, подотчетно, прозрачно, отзывчиво, эффективно и действенно, справедливо и инклюзивно. Оно гарантирует, что коррупция сведена к минимуму, мнения меньшинств приняты во внимание, голоса самых уязвимых в обществе услышаны при принятии решений. Также должное управление реагирует на настоящие и будущие потребности общества [6]. Данный вектор динамики в концептуализации коррупции получил тенденцию дальнейшего развития в виде более ограниченной специализации мер, охваченных стратегическим антикоррупционным планированием. По мере снижения уровня тяжкой преступности, роста ее различных экономических проявлений – соответственно росту экономического благосостояния и развития – меняется и уровень представления о коррупции. Динамика концептуализации коррупции в соответствии с уровнем развития и достижениями в различных сферах общественной жизни, в особенности социально-экономической сфере, привели к ограничению понимания коррупции как таковой областью серьезных проступков административного и криминального характера в нарушении мер по строительству должного управления. Не малую роль в этом процессе сыграли правильная разработка и применение проекта реализации государственных услуг по принципу единого окна «ASAN». Примечательно, что идея по командированию сотрудников растущего числа государственных органов в единые центры для предоставления государственных услуг реализовывалась именно под знаменем повышения прозрачности, а не противодействия коррупции. Помимо прочего, это позволило в дальнейшем развивать на данной базе индикаторы оценки эффективности деятельности государственных органов и ликвидировать дублирующие подразделения в различных секторах.

Кульминация динамики сокращения антикоррупционного поля, а следовательно, и стратегического планирования антикоррупционной деятельности датируется 2016 г., когда правительство отказалось от практики принятия специализированных антикоррупционных стратегий и планов действий. Начиная с этого года, меры, непосредственно обозначенные как направленные на противодействие коррупции, включаются в главы планов действий по реализации инициативы Открытого Правительства. Ответственными органами за реализацию данных мер определены, как правило, правоохранительные органы и суды.

Таким образом, анализ антикоррупционных мер, реализуемых в Азербайджанской Республике, демонстрирует динамику расширения, а затем сокращения сферы обозначенных антикоррупционных мер, что отражает динамику в эволюции понимания коррупции. Если в определенный период борьба с коррупцией рассматривалась как основная платформа для реализации мер широкого спектра, то со временем она сократилась до масштабов,

ограниченных пониманием коррупции как формы правонарушений против порядка строительства должного управления.

Список цитированных источников

1. Anti-Corruption Glossary [Electronic resource] // Transparency International. – Mode of access: <https://www.transparency.org/what-is-corruption#define>. – Date of access: 20.02.2020.
2. Helping Countries Combat Corruption: The Role of the World Bank, Poverty Reduction and Economic Management [Electronic resource] : September, 1997 // The World Bank. – Mode of access: <http://www1.worldbank.org/publicsector/anticorrupt/corruptn/cor02.htm>. – Date of access: 20.02.2020.
3. Sekkat, Khalid. Is Corruption Curable? / Khalid Sekkat. – Palgrave Macmillan, 2018. – 354 p.
4. Anti-corruption Reforms in Eastern Europe and Central Asia: Progress and Challenges 2009–2013. – OECD, 2013. – 172 p.
5. National Anti-Corruption Strategies: A Practical Guide for Development and Implementation [Electronic resource] / United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC). – New York : United Nations, 2015 // UNODC. – Mode of access: https://www.unodc.org/documents/corruption/Publications/2015/National_Anti-Corruption_Strategies_-_A_Practical_Guide_for_Development_and_Implementation_E.pdf. – Date of access: 20.02.2020.
6. Sheng, Yap Kioe. What is Good Governance? [Electronic resource] / Yap Kioe Sheng // United Nations Economic and Social Commission for Asia and the Pacific. – 2008. – Mode of access: <https://www.unescap.org/sites/default/files/good-governance.pdf>. – Date of access: 20.02.2020.

АНАЛИЗ ЗАКОНОПРОЕКТОВ О БОРЬБЕ С КОРРУПЦИЕЙ В УКРАИНЕ

Политова А.С.

Украина уже более пяти лет входит в число лидеров среди государств с самым высоким уровнем коррупции. С середины 90–х годов XX столетия на всех уровнях украинского общества, начиная с государственных институтов и заканчивая средствами массовой информации, а также при проведении многочисленных опросов граждан Украины отмечается широкое распространение коррупции и коррумпированность определенных структур. Так, в исследованиях, связанных с противодействием коррупции в Украине, неоднократно обращалось внимание на то, что коррупция охватила все звенья аппарата управления, судебную систему, правоохранительные органы, учреждения и организации, которые призваны обслуживать население, удовлетворять его жизненно важные потребности. Это привело к тому, что коррупция представляет реальную угрозу национальной безопасности страны, а противодействие ей стало одним из приоритетов государства.

Следует отметить, что Украина является участницей Конвенции ООН против коррупции 2003 г. (ратифицирована Верховной Радой 18 октября 2006 г., вступила в силу 1 января 2010 г.), Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию 1999 г. (ратифицирована 18 октября 2006 г.,

вступила в силу в Украине 1 марта 2010 г.) и Дополнительного протокола к ней 2003 г.

Что же касается Индекса восприятия коррупции, то по данным международной организации *Transparency International* в 2019 г. Украина опустилась к уровню 2017 г. и заняла 126 место среди 180 стран (см. более детально Рисунок 1).

Рисунок 1. Динамика изменений Индекса восприятия коррупции в Украине [1]

Для снижения уровня коррупции в Украине, увеличения доверия со стороны граждан и бизнеса в 2020 г. *Transparency International* предложила внедрить такие изменения:

- сформировать независимую и профессиональную судебную власть;
- обеспечить независимость и способность органов антикоррупционной сферы;
- лишить Службу безопасности Украины полномочий в сфере противодействия экономическим и коррупционным преступлениям;
- повысить эффективность систем предотвращения политической коррупции;
- ввести открытый и подотчетный процесс приватизации государственного имущества [1].

Анализ законодательных инициатив народных депутатов Украины позволяет отметить, что с 23 января 2020 г. по 14 марта 2020 г. было зарегистрировано 22 законопроекта, связанных с противодействием коррупции в Украине. Логически возникает вопрос: много это или мало? Ответить на него сложно, поскольку, как известно, и нами уже неоднократно отмечалось, основой для решения сложной проблемы противодействия коррупции должно быть преодоление социально-экономического кризиса во всех регионах Украины, а также разрешение той сложной ситуации, которая сейчас происходит в отдельных районах Донецкой и Луганской областей, где органы государственной власти не осуществляют своих полномочий.

Среди законопроектов о противодействии коррупции, которые зарегистрированы и обнародованы на сайте Верховной Рады Украины, хотелось бы выделить: проект постановления о принятии за основу проекта

Закона Украины о внесении изменения в статью 183 Уголовно-процессуального кодекса Украины относительно особенностей определения размера залога при избрании меры пресечения в виде содержания под стражей за совершение тяжкого или особо тяжкого коррупционного преступления (регистр. № 2620/П от 28 февраля 2020 г.); проект Закона о внесении изменений в Закон Украины «О предотвращении коррупции» относительно работы близких лиц военных должностных лиц (регистр. № 2799 от 23 января 2020 г.); проект Закона о внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины относительно повышения эффективности противодействия коррупции в отдельных правоохранительных и других государственных органах (регистр. № 3133 от 28 февраля 2020 г.); проект Закона о внесении изменений в Закон Украины «О Национальном антикоррупционном бюро Украины» относительно приведения этого закона в соответствие с действующими нормами антикоррупционного законодательства Украины (регистр. № 3180 от 5 марта 2020 г.).

Таким образом, с одной стороны, даже вышеуказанные нами законодательные инициативы народных депутатов Украины говорят о желании противодействовать коррупции в Украине, а с другой стороны, – идут в разрез с рекомендациям *Transparency International*.

Проведем более детальный анализ одного из вышеуказанных нами проектов, а именно проекта постановления о принятии за основу проекта Закона Украины о внесении изменения в статью 183 Уголовно-процессуального кодекса Украины относительно особенностей определения размера залога при избрании меры пресечения в виде содержания под стражей за совершение тяжкого или особо тяжкого коррупционного преступления (регистр. № 2620/П от 28 февраля 2020 г.).

Данный проект связан с проектом Закона о внесении изменения в статью 183 Уголовно-процессуального кодекса Украины относительно особенностей определения размера залога при избрании меры пресечения в виде содержания под стражей за совершение тяжкого или особо тяжкого коррупционного преступления (регистр. № 2620 от 18 декабря 2019 г.) и предусматривает совершенствование положений Уголовно-процессуального кодекса Украины (далее – УПК) для предотвращения использования существующих законодательных механизмов с тем, чтобы избежать уголовной ответственности. Для достижения указанной цели в законопроекте предлагается ч. 4 ст. 183 «Содержание под стражей» УПК дополнить п. 4 и предоставить следственному судье, суду право при вынесении постановления о применении меры пресечения в виде содержания под стражей не определять размер залога в уголовном производстве по тяжким или особо тяжким коррупционным преступлениям.

Не вдаваясь в глубокую полемику о целесообразности или нецелесообразности внесения соответствующих изменений, констатируем, что данным законопроектом предлагается изменить подход к определению круга уголовных производств, в которых появляется возможность для не определения судьей или судом размера залога. Если сейчас основанием

для не определения залога является именно насильственный характер преступления, в котором подозревается данное лицо, то после принятия проекта соответствующие положения УПК будут применяться не только в случае совершения насильственных преступлений, но и в случае совершения определенных (тяжких или особо тяжелых) коррупционных преступлений. Это создает прецедент для последующего внесения изменений в ст. 183 УПК и еще большего расширения перечня уголовных производств, где судья будет наделен правом не определять размер залога в уголовном производстве в зависимости только от тяжести совершенного преступления, что будет способствовать увеличению количества подозреваемых, содержащихся под стражей.

В заключение хотелось бы отметить, что украинскому законодателю стоит обратить внимание на некоторые особенности норм зарубежных уголовных кодексов, в частности, глав о коррупционных преступлениях, а также изучить практику борьбы с коррупционной преступностью. Это позволит избежать ошибок в нормотворчестве народных депутатов Украины и более эффективно противодействовать коррупции в Украине специально уполномоченным субъектам.

Список цитированных источников

1. Украина опустилась в рейтинге восприятия коррупции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.pravda.com.ua/rus/news/2020/01/23/7238184/>. – Дата доступа: 14.03.2020.

СИСТЕМНОСТЬ КАК ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЙ КОРРУПЦИЮ ПРИЗНАК

Полищук Г.С.

Коррупция создает системную угрозу безопасности и стабильности государства и общества в Украине, так как негативно влияет на национальную экономику, заранее ставит в неравное положение коррумпированных и честных предпринимателей, подрывает конкуренцию на внешнем и внутреннем рынках, а также создает негативный имидж страны на международной арене. Особенно негативно она влияет на уровень жизни населения, увеличивая социальное неравенство, масштабы глобального обнищания и тем самым детерминируя различные социальные проблемы, в том числе и преступность.

По нашему мнению, исследование природы коррупционного поведения, что лежит в основе выделения указанного феномена из ряда других общественно опасных явлений, является одной из важнейших задач криминологической науки и теоретико-методологической основой разработки стратегии борьбы с коррупцией, а также эффективного механизма реализации комплексных антикоррупционных мер.

Именно поэтому тема коррупции в Украине является одной из самых обсуждаемых в нашей стране, а противодействие этому явлению является первоочередной проблемой, на решение которой направлен весь государственный аппарат.

В последние годы практически ни один документ, характеризующий социально-экономическую и политическую ситуацию в современной Украине, а также борьбу с преступностью, не обходится без упоминания коррупции. В то же время понимание как самого понятия коррупции, так и ее признаков в научной литературе существенно различается.

Так, на первой сессии Дисциплинарной Группы Совета Европы по проблемам коррупции (Страсбург, 22–24 февраля 1995 г.) коррупция была определена как подкуп, поведение лиц, уполномоченных в государственном или частном секторе, которое нарушает обязанности, вытекающие из этого статуса должностного лица, лица, работающего в частном секторе, независимого агента или других отношений подобного рода, имеющие целью получение любых принадлежащих преимуществ для себя или других лиц.

Такое понимание сферы распространения коррупции отвечает и законодательному определению, сформулированному в Законе Украины от 14 октября 2014 г. № 1700-VII «О предотвращении коррупции», и международно-правовому толкованию.

Стоит заметить, что характер и масштабы коррупции свидетельствуют не просто об отдельных локальных проявлениях в сфере политики и государственного управления, а представляют собой систему отношений, которая пронизывает все структуры государства и общества, достигая масштабов, которые создают реальную угрозу национальным интересам. Коррупцию как явление, охватывающее экономику, политику, культуру, этику, мораль, всю социальную сферу, образуют корыстные злоупотребления служебными полномочиями в государственном, муниципальном и частном секторах, различные формы подкупа-продажности служащих. Коррупционно обусловленное поведение государственных и муниципальных служащих, не относящихся к категории должностных лиц, или руководителей и служащих частных, коммерческих и других организаций не менее опасно, чем коррупция в публичной сфере, поскольку продажность указанных лиц игнорирует любые интересы, кроме собственных.

Обосновывая необходимость целенаправленного изучения правонарушений, которые в своей совокупности образуют коррупцию, следует акцентировать внимание на содержательном аспекте данного феномена. Для этого необходимо выяснение принципиальных вопросов, касающихся определения специфических криминологически значимых интегрирующих признаков, позволяющих отличать данное явление от других.

Исследуя такие признаки, В. Д. Гвоздецкий считает, что сущность коррупции проявляется в том, что она: имеет социальную обусловленность (является продуктом социальной жизни, когда отделение управленческих функций в различных сферах порождает у должностного лица возможность распоряжаться ресурсами и принимать решения не в интересах общества,

а исходя из своих корыстно эгоистических побуждений); имеет свою социальную цену, которую платит общество за существование коррупции, существенно влияет на важнейшие социальные процессы; имеет исторические истоки и глобальный характер; является правовым, экономическим, политическим, психологическим и моральным явлением; имеет свойство приспосабливаться к социальным реалиям, постоянно мимикрировать и видоизменяться [1, с. 139].

По мнению В. М. Трепака, к идентифицирующим признакам коррупции следует отнести следующие: социальное явление; системность; дисфункция процессов социального управления во всех сферах жизни общества как следствие коррупции; проявление как множественность корыстных злоупотреблений служебными полномочиями в государственном, муниципальном и частном секторах, различных форм подкупа-продажности служащих; скрытый, тайный характер; социально-конструктивный характер [2, с. 139].

Стоит акцентировать внимание именно на системном характере коррупции, определяемом ее структурой и характером социальных связей, ведь коррупционные связи в коррумпированных системах далеко не произвольны, они привязываются к тем местам социального пространства, где происходит локализация финансовых ресурсов и соответствующих управленческих функций.

Внутренняя устойчивость коррупционной системы обусловлена жесткими внутренними связями ее элементов, созданием тесных личных отношений и круговой поруки чиновников, продающих собственные административные возможности. Коррупционной системе присуща внутренняя устойчивость в первую очередь за счет иерархичности, выделение уровней коррупционных связей.

В Украине коррупция является структурированной и осуществляет системное воздействие на представителей власти и управленцев, поэтому она с общественно неприемлемого поведения постепенно превращается в правило и выступает привычным способом решения жизненных проблем, становится нормой функционирования власти и образом жизни значительной части общества. Как социальное явление коррупция существует в определенных институциональных рамках, в которых правовые, экономические, политические, социальные процессы влияют на нее, а коррупция, в свою очередь, оказывает влияние на право, экономику, политику, идеологию, общественную психологию и тому подобное.

Заметим, что применение системного подхода создает возможности для объективного изучения феномена коррупции, а значит, и теоретического решения проблемы противодействия ей, а также практического применения соответствующих мер. Если же такие меры не являются соответствующими сущности объекта противодействия, очевидно, что они не могут и действительно влиять на этот объект. Согласно указанному подходу явления, объекты исследования рассматриваются как системы, между частями которой

существуют взаимосвязи. Все составляющие такой системы взаимодействуют между собой и взаимозависимы.

Как известно, противодействие коррупции является по своей сути специфической сферой социального управления. Следовательно, такая деятельность должна представлять собой не бессистемный, хаотичный набор различных репрессивных и превентивных мер, а сложную систему, характеризующуюся свойствами к саморазвитию и саморегуляции, и в совокупности образуемую определенными мерами и субъектами, имеющими разную организационно-структурную форму и отличающихся по правовому статусу.

Список цитированных источников

1. Гвоздецкий, В. Д. Корупція як соціальне, психологічне і моральне явище / В. Д. Гвоздецкий // Актуальні проблеми держави і права. Вип. 63. – 2012. – С. 139–145.
2. Трепак, В. М. Ідентифікуючі ознаки корупції: визначення та характеристика / В. М. Трепак // Наук. вісник Ужгород. нац. ун-ту. Серія ПРАВО. Випуск 35. Частина II. Том 3. – 2015. – С. 109–112.

ЗАКРЕПЛЕНИЕ АНТИКОРРУПЦИОННЫХ СТАНДАРТОВ ПОВЕДЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ В СТРАТЕГИИ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ

Поляшук Н.А.

Институт государственной службы всегда вызывает неподдельный интерес и обращает на себя пристальное внимание с точки зрения выработки мер по противодействию коррупции. В этой связи необходимость закрепления антикоррупционных стандартов поведения государственных служащих на уровне Стратегии борьбы с коррупцией (далее – Стратегия) требует детальной проработки.

Анализ антикоррупционных стратегий позволил сделать вывод об отсутствии единого формата закрепления антикоррупционных стандартов поведения государственных служащих.

В стратегиях одних государств предполагается создание антикоррупционных стандартов, дифференцированных по отдельным сферам правового регулирования: например, государственная власть, государственная служба, правотворчество, судебная и правоохранительная деятельность, система закупок, административные процедуры, приватизация государственного имущества (или в целом так называемый публичный сектор), реализация прав граждан, гражданское общество (частный сектор) и т. п. При этом практически в каждой из указанных сфер, т. е. в каждом структурном элементе Стратегии, посвященном соответствующей сфере, содержатся антикоррупционные требования, обеспечивающие предупреждение или уменьшение воздействия коррупции на функционирование данной сферы,

отражающие принципы правопорядка, надлежащего управления публичными делами и публичным имуществом, честности и неподкупности, прозрачности и ответственности, которых должны придерживаться так называемые публичные должностные лица.

В стратегиях других государств, наряду с иными приоритетными (ключевыми) направлениями в сфере противодействия коррупции, антикоррупционные стандарты поведения государственных служащих закреплены в обособленном структурном элементе, в котором сосредоточены общие требования к государственным служащим, включая подбор, расстановку кадров, требования к служебному поведению государственных служащих, урегулированию конфликта интересов и т. п., независимо от того, в какой именно сфере они осуществляют свою деятельность.

В ряде стран стратегия противодействия коррупции вообще целиком осуществляется на основании закона о предотвращении конфликта интересов [1, с. 151–152].

Учитывая различные практики формирования и структуризации антикоррупционных стратегий, а также цели и отдельные положения Конвенции ООН против коррупции, однозначно можно сказать, что противодействие коррупции в сфере государственной службы является одним из приоритетных направлений, которое должно найти свое закрепление и в Стратегии борьбы с коррупцией в Республике Беларусь. В этой связи полагаем целесообразным определить и закрепить в ней хотя бы самые общие антикоррупционные стандарты поведения государственных служащих.

Цели создания и реализации антикоррупционных стандартов для государственных служащих состоят в том, чтобы:

- закрепить моральные и профессионально-этические аспекты антикоррупционного поведения служащих, основанного на единой системе дозволений, запретов, ограничений и обязанностей;
- стабилизировать систему государственной (муниципальной) службы путем исключения из практики их функционирования коррупционных элементов, таких как взяточничество, протекционизм, правовой нигилизм и т. п.;
- укрепить уверенность граждан в честности и неподкупности лиц, замещающих должности государственной службы [2, с. 388].

Единые антикоррупционные стандарты для государственных служащих, как правило, представляют собой «систему методов (методологию), реализация которых позволит сформировать их антикоррупционное поведение» [2, с. 389].

Следует отметить, что в законодательстве Республики Беларусь, как и во многих других государствах, легальное определение понятия «антикоррупционные стандарты» отсутствует. Несмотря на достаточно частое употребление, не раскрывается понятие и структура антикоррупционных стандартов и в международных актах, регулирующих особенности противодействия коррупции. При этом в новой редакции Модельного закона «О противодействии коррупции» (далее – Модельный закон), принятой на 31-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств постановлением от 25 ноября 2008 г.

№ 31-20, определено, что антикоррупционные стандарты – это единые для обособленной сферы правового регулирования гарантии, ограничения или запреты, обеспечивающие предупреждение или уменьшение воздействия коррупции на функционирование данной сферы [3, ст. 3]. Однако указаний о необходимости иметь в каждом стандарте и гарантии, и ограничения, и запреты нет. Подобная конструкция нормы допускает вариативность набора элементов антикоррупционных стандартов. В этой связи можно прийти к выводу о том, что иметь в стандарте антикоррупционные меры всех типов вовсе не обязательно. В то же время следует согласиться с мнением В. И. Кузнецова о том, что одним из основных принципов противодействия коррупции, провозглашенных в Модельном законе, являются действующие во взаимосвязи принципы системности и комплексного использования политических, социально-экономических, специальных и иных мер противодействия коррупции и принцип консолидации правовых средств, поэтому применение мер антикоррупционного стандарта, действующих системно и комплексно, повышает эффективность государственного управления. В этом случае следует признать определенный отход от признанных положений Конвенции ООН против коррупции, Модельного закона и иных актов [4, с. 169–170].

Дело в том, что анализ правовых актов, устанавливающих различного рода антикоррупционные стандарты поведения государственных служащих, показал, что в одних актах в стандарт включаются запреты, ограничения, гарантии, требования к поведению; в других актах из этого перечня исключаются гарантии и закрепляется, что к стандарту следует относить запреты, ограничения и дозволения; в третьих – выделяются запреты, ограничения, стимулы, а также требования морально-этического характера. Отсутствует единая позиция относительно структуры и содержания антикоррупционных стандартов и среди ученых и практиков, занимающихся проблемами антикоррупционной составляющей деятельности государственных служащих, в связи с чем возникает необходимость в определении структуры (элементов), содержания и порядка закрепления антикоррупционных стандартов, которые должны быть отражены в Стратегии.

Кроме того, принимая во внимание необходимость закрепления антикоррупционных стандартов поведения государственных служащих в Стратегии, по нашему мнению, возникает необходимость и в установлении определенных требований к бизнес-сообществу, а также гражданскому обществу в целом, отдельные представители которого нередко сами провоцируют противоправное поведение государственных служащих, в том числе коррупционной направленности. Следовательно, наряду с определением антикоррупционных стандартов поведения государственных служащих, необходимо закрепить действенные механизмы вовлечения гражданского общества в противодействие коррупции и обеспечить обратную связь между представителями частного и публичного секторов, между нормотворческими органами и лицами, непосредственно реализующими (применяющими) соответствующие нормы права, основанную на открытости и прозрачности

приминаемых в государстве мер по борьбе с коррупцией, поскольку без общего понимания и осознания значимости положения Стратегии могут остаться не востребуемыми декларациями, не обеспеченными соответствующей ответственностью.

Список цитированных источников

1. Севальнев, В. В. Антикоррупционное законодательство Российской Федерации и Китайской Народной Республики: сравнительно-правовой аспект / В. В. Севальнев // Журн. росс. права. – 2015. – № 10. – С. 151–157.
2. Коррупция: природа, проявления, противодействие : монография / отв. ред. Т. Я. Хабриева. – М. : Юриспруденция, 2012. – 670 с.
3. О новой редакции модельного закона «О противодействии коррупции» [Электронный ресурс] : постановление Межпарламентской Ассамблеи государств - участников Содружества Независимых Государств, 25 нояб. 2008 г., № 31-20 // Эталон-Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
4. Организационно-правовые механизмы противодействия коррупции в субъектах Российской федерации : монография / Т. Я. Хабриева [и др.]. – М. : Проспект, 2019. – 224 с.

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗРАБОТКИ СТРАТЕГИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

Хлус А.М.

Коррупция как явление представляет опасность для общества и государства. Это утверждение не вызывает сомнений у большинства современных людей и воспринимается как аксиома. Зародившись в глубокой древности, коррупция в различной степени проявляет себя во всех государствах мирового сообщества. Что же способствует неистребимости этого негативного явления, борьба с которым ведется на протяжении всей истории человечества?

Еще в XI веке китайский государственный деятель и реформатор Ван Аньши обратил внимание на два источника воспроизведения коррупции: «плохие законы» и «плохие люди» [1]. Рассматривая эту мысль в условиях современности, можно отметить, что она в целом не соответствует действительности, но определяет направление для анализа соответствующего законодательства и влияния человеческого фактора как составных элементов в системе противодействия коррупции.

Охватить все республиканское законодательство, регулирующее вопросы противодействия коррупции, в данной ограниченной в объеме работе не представляется возможным. Обратим внимание лишь на отдельные проблемы, требующие научной разработки и, как следствие, нормативного закрепления.

С момента становления суверенной Республики Беларусь была провозглашена борьба с коррупцией, которая с переменным успехом ведется до настоящего времени. За период в четверть века было принято несколько законов о борьбе с коррупцией. На основе их анализа в целом и в частности

действующего Закона Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией» [2] можно констатировать, что фактически борьба ведется не с коррупцией, а ее проявлениями, т. е. коррупционными правонарушениями. Причем следует заметить, что речь идет не о всех их видах, а только о преступлениях. Дисциплинарные, гражданско-правовые и административно-деликтные проступки с коррупционной составляющей остаются вне поля зрения правоохранителей, что нередко приводит к их трансформации в уголовные деяния.

Такой подход к проблеме противодействия коррупции не способствует ее ликвидации либо максимальной локализации. Содержащаяся в действующем законе о борьбе с коррупцией формулировка понятия «коррупция» преимущественно характеризует ее уголовно-правовую составляющую, но не отражает сущности данного явления.

Для коррупции свойственен широкий спектр противоправных деяний, охватываемых не только уголовным правом, но и имеющих к ней отношение «гражданско-правовых и административных деликтов, а также дисциплинарных проступков и действий, противоречащих нормам нравственности» [3, с. 77].

Коррупцию следует рассматривать как в широком, так и в узком смысле. В широком смысле под «коррупцией следует понимать изменения (разрушение, деформацию) сложившихся (установленных) на основе норм морали (нравственности) и права общественных отношений, возникающих между субъектами права, от одного из которых, являющегося, как правило, должностным лицом, ожидается принятие на основе служебных полномочий решений либо совершение действий (равно ожидаемых, предполагаемых в будущем) в личных имущественных или неимущественных интересах либо в интересах другого субъекта, представляемого им юридического лица или близких ему лиц (родственников, друзей, знакомых)» [4, с. 42]. Эти деяния предусматривают разные виды юридической ответственности: «уголовную (вымогательство имущества или другой выгоды), гражданско-правовую (принятие имущества (подарков)), административную (мелкое хищение имущества путем злоупотребления служебными полномочиями), дисциплинарную (использование в личных интересах предоставленного имущества)» [5, с. 378]. Для большинства правонарушений коррупционной направленности характерно наличие общего признака: совершение должностным лицом. Исключение составляют взяткодатели и посредники во взяточничестве, которые в ряде случаев не являются должностными лицами, но принимают активное участие в воспроизведении коррупции как явления.

В узком смысле коррупция охватывает собой всю совокупность деяний, нарушающих определенные нормы уголовного права. При этом понятия «коррупция» и «коррупционное преступление» совпадают. «Коррупция (коррупционное преступление) – это противоправные деяния (действия и бездействия), совершаемые государственными служащими (должностными лицами) и приравненными к ним законодательством лицами в личных интересах (имущественного или неимущественного характера) или в интересах

иных лиц, связанные с использованием своего служебного положения и направленные на изменение (разрушение, деформацию) установленных (сформированных) на основе норм уголовного права общественных отношений (установленного в обществе и государстве порядка), а равно действия иных физических лиц провоцирующих к таким деяниям государственных служащих (должностных лиц) и приравненных к ним законодательством лиц» [4, с. 42].

Краткий анализ понятий «коррупция» и «коррупционное преступление» позволяют сделать вывод. Разработка стратегии борьбы с коррупцией должна основываться на фундаментальном научном исследовании данного негативного явления, выработке в соответствии с этим четких, нормативно закреплённых представлений о понятиях «коррупция» и «коррупционное преступление». Определение в связи с этим совокупности не только уголовно-правовых коррупционных деяний, но и административно-деликтных, гражданско-правовых и дисциплинарных проступков коррупционной направленности, с которыми непосредственно должна вестись борьба.

Не менее значимую роль в воспроизведении коррупции играет человеческий фактор. При этом важно рассматривать людей в этом процессе не только как участников коррупционных отношений. Не меньший интерес представляют и те лица, которые призваны вести активную борьбу с этим негативным явлением.

Для должностных лиц, совершающих коррупционное преступление, свойственно корыстолюбие. В его основе – стремление к благополучию, обеспечению себя, в ряде случаев и своих близких, лучшими условиями жизни. Это стремление характерно для любого человека, поэтому обвинять должностных лиц в наличии этого желания будет несправедливым. Достижению благополучия способствует материальный достаток, формируемый как легальным, так и нелегальным путем. Легальный путь связан с получением должностным лицом заработной платы и иных законных доходов. Неудовлетворенность материальными доходами в сочетании с обостренным стремлением к благополучию побуждает искать путь к увеличению доходов, но уже, как правило, нелегальным путем, что и приводит к совершению деяний коррупционной направленности.

В таком случае можно предложить следующее. Управленческий потенциал необходимо формировать в системе условий строжайшего воспитания. В идеале система воспитания потенциального управленца должна строиться на крайне негативном восприятии всего, что имеет связь с коррупцией и, не менее важно, исключать различные примеры коррупционных отношений. Реализовать это достаточно сложно, особенно в условиях развития современного потребительского общества. Но мы считаем, что решить эту проблему все же возможно, если будет проявлена в этом направлении политическая воля государства, сочетающаяся с общественным осознанием необходимости достижения цели ликвидации коррупции либо ее максимального ограничения.

С большим сожалением следует отметить, что современная молодежь с младых лет наблюдает примеры поборов в детских садах, школах, гимназиях.

Воспринимают молодые люди «благодарности» либо «взятки-благодарности» их родителей медицинским, педагогическим, социальным и иным работникам за оказанные ими профессиональные услуги. При этом отсутствует понимание (как у родителей, так и не формируется оно у детей) того, что оказанная услуга уже оплачена за счет налогов, отчисляемых ими же в бюджет, из которого перечисленные работники получают заработную плату. Став взрослыми, молодые люди, продолжая обучение в вузах, нередко стремятся индивидуально или в коллективном порядке решать свои проблемы аналогичным образом, как делали (или делают) их родители. Сдача зачета или экзамена может сопровождаться подношением подарка преподавателю, а это уже первый (а может, не первый) опыт установления коррупционных отношений. Что же может произойти дальше, когда молодой человек с опытом участия в коррупционных отношениях либо их стороннего восприятия, окончив учебное заведение, приходит на службу в государственный орган или организацию, занимает определенную должность? Догадаться о возможных последствиях такого опыта не сложно. Ускорить становление молодого человека на пути коррупционной деятельности могут иные обстоятельства. Одни из них определены государством: низкая заработная плата для человека с высшим образованием, занимающим должность в государственном органе (организации), воспринимается им как оскорбление, а оскорбленный человек, и это неоспоримый факт, готов совершать поступки, противоречащие интересам государства. Другим обстоятельством являются условия, сложившиеся в самом государственном органе (организации), куда на службу приходит новое поколение управленцев. И здесь достаточно вспомнить высказывание М. Мошкович, что «даже очень нехороший чиновник, чья деятельность ограничена хорошо продуманными жесткими рамками, будет вести себя вполне достойно. И, в свою очередь, человек вроде бы приличный (но слабый, как и все мы) при попадании в соответствующую среду быстро научится действовать по ее негласным правилам» [6, с. 4]. Следовательно, напрашивается вывод, что не «люди плохие», а таковыми их «делают» условия, в которых они оказываются.

Ограничению проявлений коррупционных отношений (правонарушений) будет способствовать нормативная регламентация правила, согласно которому реализация субъективных прав граждан допускается в ситуации отсутствия непосредственного контакта с уполномоченным должностным лицом, принимающим решение в их интересах.

Нельзя не упомянуть и тех, кто призван вести борьбу с коррупцией. От их «кристальной чистоты» зависит не только количество выявленных коррупционных правонарушений, раскрытых и расследованных уголовных дел, но качество и объективность выполненной работы. Ранее мы отметили, что для искоренения коррупции необходима политическая воля высшего руководства страны. Но не менее важно оперативное и адекватное реагирование не только на факты конкретных коррупционных деяний, но и на необходимость устранения коррупционных рисков. Автору известен пример, когда представители службы безопасности одного из министерств

неадекватно отреагировали на материалы, представленные гражданином для опубликования. Суть негативно воспринятой информации в том, что было высказано предложение усилить контроль за молодыми кандидатами, поступающими или недавно поступившими на службу в эту государственную структуру. Основанием для такого предложения послужило проявленное в ходе общения с гражданином терпимое, снисходительное отношение некоторых молодых людей (государственных служащих) к коррупционным проявлениям. Некоторые из них рассказали о своем личном и наблюдаемом опыте подкупа преподавателей при сдаче зачетов и экзаменов в период их обучения в вузах. Указав на это направление антикоррупционной деятельности службы безопасности, пострадавшим оказался гражданин, обративший внимание на наличие коррупционного риска в системе организации. Он оказался персоной нон грата (нежелательное лицо) для данной организации, о чем гражданину было заявлено представителем ее службы безопасности. Комментарии здесь излишни, но данный пример, несмотря на свою кажущуюся мелочность, заслуживает внимания со стороны разработчиков стратегии борьбы с коррупцией.

Разрабатывая стратегию борьбы с коррупцией, следует обратить внимание на научный потенциал, используемый для этой деятельности. Тенденцией современных наук является их интеграционное взаимодействие. Для наук уголовно-правового цикла, в частности, характерна направленность в развитии междисциплинарной интеграции. Отправной точкой в интеграционном процессе таких наук, как уголовное право и криминалистика, является унификации их научных категорий. Давно возникла потребность в выработке единого понимания по многим ключевым категориям, характеризующим их объект исследования – преступление. Реализация этого будет способствовать повышению эффективности борьбы с преступлениями коррупционной направленности и в целом с коррупцией [7, с. 146].

Выводы. Стратегии борьбы с коррупцией должны быть ориентированы на: 1) четкое нормативное определение коррупции как явления, чтобы каждая негативная его составляющая подлежала нейтрализации посредством активного применения мер правоохранительного воздействия; 2) подготовку кадрового потенциала, призванного осуществлять непосредственную борьбу с коррупцией, который должен соответствовать высоким морально-нравственным качествам; 3) создание прочной научной основы для разработки эффективных мер противодействия коррупции.

Список цитированных источников

1. Жетписбаева, Б. А. Стратегия борьбы с коррупцией [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docplayer.ru/84001318-Strategiya-borby-s-korrupciey.html>. – Дата доступа: 07.03.2020.
2. О борьбе с коррупцией : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 305-З // Эталон–Беларусь. Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
3. Хлус, А. М. Криминалистические методы выявления правонарушений, создающих условия для коррупции / А. М. Хлус // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы : сб. науч. трудов. – 2013. – Вып. 1/33. – С. 75–80.

4. Хлус, А. М. Развитие представлений о коррупции на международном уровне и в Республике Беларусь / А. М. Хлус // Вестн. Карагандинского гос. ун-та. Серия «Право». – 2017. – № 4(88). – С. 34–46.

5. Хлус, А. М. Коррупционные преступления: понятие и меры криминалистического противодействия / Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия : сб. материалов IV Междунар. науч.-практ. конф., 4–6 апреля 2017 г. / сост В. А. Тарасов. – Пермь : ФКОУ ВО Пермский ин-т ФСИН России, 2017. – С. 376–380.

6. Мошкович, М. В поисках гена коррупции / М. Мошкович // ЭЖ-Юрист. – 2009. – № 10. – С. 4–6.

7. Хлус, А. М. Междисциплинарная интеграция как фактор совершенствования частных криминалистических методик / А. М. Хлус // Концептуальные основы современной криминалистики: теория и практика : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию со дня рождения заслуж. деятеля науки Респ. Беларусь, д-ра юрид. наук, проф. А. В. Дулова, Минск, 25 окт. 2019 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол. : В. Б. Шабанов (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2019. – С. 139–146.

ПЕРСПЕКТИВНЫЙ КОНТЕНТ В ОСМЫСЛЕНИИ ФЕНОМЕНА КОРРУПЦИИ И НАЦИОНАЛЬНОЙ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ (К ВОПРОСУ О РАЗРАБОТКЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ОСНОВ СТРАТЕГИИ)

Хомич В.М.

1. В современном развитии социальных систем наблюдаются ярко выраженные тенденции дезинтеграционного характера, обусловленные разрушением прежних социальных связей и обесцениванием прежних человеческих приоритетов и ценностей социально-политического устройства и деятельности общественных систем, заменой общечеловеческих стандартов социальной деятельности и управления элитарно-целевыми установками власти и состоящими при власти институтами, да еще и при отсутствии или игнорировании контроля со стороны гражданского общества. Так постепенно сформировались различные по характеру и форме демократичные или авторитарные (оказывается, это уже не важно, коррупция системно поглотила тех и других), но коррупционноремкие по своей сути системы контроля и управления коррупционными рисками. Вне общенационального контроля гражданского общества в реализации государственной политики противодействия коррупции борьба с ней стала существенным фактором разрушения власти, ее потенциальной способности и обязанности – противодействовать коррупции на принципах общесоциальной солидарности и рациональности. Коррупция разрушительна прежде всего для государства, делает его социально и экономически деструктивным для общества и отдельного человека.

2. Дезинтеграционные и разбалансированные процессы имеют место и в собственно правовой сфере, относящейся к области противодействия коррупции. Казалось бы, при развитой системе специального законодательства (Закон Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З «О борьбе

с коррупцией»), исключительной строгости уголовных санкций за коррупционные преступления, правоохранительные органы, однако, не в состоянии справиться с социально емкой и хорошо самозащищаемой системой коррупции, становясь сетевым фоном ее существования и необходимости противодействия. Борьба с коррупцией ведется по принципу «прилива и отлива», при чем ограничивается линией наибольшего отлива и на основе точечной зачистки того, что выбросилось приливом и осталось после отлива, **не затрагивая глубинных основ и причин коррупции и ее расширенного воспроизводства.**

3. Очень интересные мысли криминологического и философского характера были высказаны по этому поводу Председателем Верховного Суда Республики Беларусь В. О. Сукало в печатной версии его интервью о деталях общения с Президентом. Они вопросительно загадочны, но поэтому и понятны. Касаясь борьбы с коррупцией, он обращает внимание на следующие моменты: «И в структуре преступности оно (имеется в виду количество коррупционных преступлений) занимает все более *обостренное и опасное* место. ... Рассматриваем значительное количество дел, в том числе по *различным системам и отраслям*, но меня беспокоит то, что мы вносим частные определения в необходимых случаях, но *не исследуем глубинные процессы коррупции*. ... Мы видим, что даже самые жесткие меры наказания не останавливают коррупционеров. В чем же тогда реальная причина? Может, есть какие-то причины на подсознании? В чем криминология такого явления в нашей стране, как коррупция. ... Главное, ведь не только осудить, а *все делать для того, чтобы остановить*. Может, здесь есть универсальный принцип? Мы не думаем об этом. Может, излишнее администрирование, которое тоже является одной из причин коррупции? ... Может быть, коррупция, связанная с изменением формы собственности, связанная с приватизацией, может, здесь есть причины, которые нам нужно выяснять и устранять. ... Говорить, что вся проблема в антикоррупционных комиссиях, – наверное, упрощенный подход. Преступления совершают и члены этих комиссий, и даже председатели. ... Есть более глубинные причины, о которых мы до конца не знаем» [1, с. 3]. А может быть не хотим знать?

4. Одним из главных факторов современной преступности сегодня является ее *коррупциогенный и сетевой фон*. Проявляется он, с одной стороны, в рукотворном несовершенстве системы публичного жизнеобеспечения основной массы людей, а с другой стороны, осознанием этого обстоятельства все большим числом людей (как управляющими, так управляемыми), которые желают жить в нынешних условиях лучше, чем предполагается действующей ***публичной системой зарабатывания и распределения заработанного.*** Вот в этом моменте сегодня вся современная систематика криминологии коррупционной преступности, и не только коррупционной, а равно обусловленная ***этим неустойчивость и неэффективность национальной антикоррупционной политики***, сводящейся пока к реакции уголовного права на давно известные действительно преступные формы проявления коррупции. Может быть, социальная и психологическая причина или одна из причин коррупции и коррупционных преступлений и заключена в сформированной

государством системе зарабатывания и распределения материальных благ, позволяющей властной элите бесконтрольно от общества злоупотреблять их накоплением и распределением вопреки государственным и (или) общественным интересам на принципах справедливого зарабатывания.

Хорошо и давно известно, что коррупция проявляется в самых разнообразных деяниях должностных лиц и корреспондирующих им деяниях физических и юридических лиц, желающих получить государственные и частные услуги незаконным путем. Такое системно-сетевое взаимодействие потенциальных субъектов (субъектов пассивного и активного подкупа) приводит к формированию элитарного слоя распорядителей и потребителей на рынке коррупционных услуг, формируемого вольно или невольно и не без участия государства. Системно-сетевая коррупция формируется на принципах автономной монополии государства, неподконтрольна обществу и поэтому в глазах большинства членов общества разрушает веру в справедливость, равенство и беспристрастность государственного управления и правосудия. Самое опасное, что таким образом выстраиваемая коррупция системно поддерживает и воспроизводит кадровый потенциал коррумпированной бюрократии институтов власти.

5. Вот почему сегодня чрезвычайно важно исследование проблем на уровне междисциплинарного научного рассмотрения и обеспечения государственной политики Республики Беларусь в области противодействия коррупции, а также экспертных рекомендаций по ее совершенствованию с позиции социально-конструктивных основ понимания коррупции, раскрытия и использования институционального потенциала гражданского общества и органов власти в противодействии коррупции, консолидации «конфликтов» интересов власти и гражданского общества по организационно-правовым позициям и практикам понимания социальных причин и сложившихся практик противодействия коррупции. Уголовно-правовая проблематика в этом ракурсе занимает далеко не главное место. Нам нужна не уголовно-правовая стратегия (ежегодно инициированные разработки и предложения по дальнейшему совершенствованию борьбы с коррупционной преступностью), а стратегия или общенациональная платформа политических (публично-правовых) реформаций в системе противодействия коррупции.

6. Профессор Ж. Фаварель-Гарриг (Париж) в своем докладе «Борьба с коррупцией как общественная проблема» позиционирует положение, что в современных обществах и политических системах противодействие коррупции – это самостоятельный пункт политической повестки дня деятельности государственной власти, *совершенно или мало связанный с реальной практикой* противодействия коррупции. Осуществление антикоррупционных мероприятий позволяет властной элите устанавливать приоритеты, распределять полномочия и средства, вести успешную конкуренцию с оппонентами, а лидерам гражданского общества легитимизировать свои политические позиции перед властью [2, с. 52–64]. Вот, оказывается, до чего дореформировались или дореволюционизировались современные государства и властвующие элиты. Оказывается, коррупция,

исходящая от власти, всего лишь элемент власти, ее формирования, поддержания и сохранения. Остается только разобраться, как же функционирует этот элемент власти. Полагаю, что профессор прав в том, что в современных обществах и политических системах, заинтересованных в последовательном искоренении причин коррупции, противодействие ей должно быть самостоятельным *и независимым* от политической повестки пунктом (направлением) деятельности государственной власти. Суть этого положения заключается в создании независимого от законодательной, исполнительной и судебной власти органа со специальными публично-правовыми полномочиями оценочно-властного характера. В период становления антикоррупционных стандартов в деятельности государств, особенно, после принятия двух конвенций Совета Европы 1998 г. и Конвенции ООН 2003 г. против коррупции признавалась необходимость создания такого государственного органа. Но вследствие разногласий относительно независимого статуса такого органа (его формирования, комплектования, избрания, отзыва и т. д.) эта задача была решена в рамках традиционной структуры государственной власти. Так, в России и Республике Беларусь эти полномочия возложены на систему органов прокуратуры.

7. Российский специалист Ю. Г. Ершов, касаясь недостаточно последовательной государственной политики борьбы с коррупцией в контексте современных основ *государственности*, обращает внимание на сохраняемую *социальную недоразвитость* этих современных (антикоррупционных) основ в России (и в других постсоветских государствах), в том числе на декларативный характер многих идей и принципов правового государства, отсутствие независимого правосудия, что и превращают борьбу с коррупцией в средство внутриэлитной борьбы за власть и обогащение, инструмент передела сфер влияния, ресурсов и доходов далеко и не всегда в общенациональных интересах. На этом основании делается вывод, что борьба с коррупцией в таких условиях превращается для государства в манипулятивную девиацию, сводящуюся к монопольному контролю за распределением и *наказанию не имеющих права на коррупционное поведение* или *превышающих негласную меру мздоимства*. Одновременно это является оправданием монопольного контроля над социальными, экономическими и политическими процессами. Таким образом, коррупция превращается в системный элемент (способ) государственного управления обществом и собственного самосохранения [3, с. 80–89].

При этом рассчитывать в противодействии коррупции в такой системе ее защиты только посредством усиления позиций в этом гражданского общества и его самостоятельной роли вряд ли результативно. Нужно **действовать совместно с властью**, меняя ее структурно и направляя функционально на устранение базовых причин проявления симптомов коррупции, коллективно исходящей от систем организации власти. С. В. Оболкина, связывая «оснащенность» коррупционера с его уверенностью в том, что его «прикроют», поскольку системная коррупция – явление в первую очередь групповое (по-нашему, сетевое), полагает, что бороться следует в первую очередь с «коллективизацией» субъекта коррупции – причем иерархически

организованного субъекта [4, с. 75]. **И эта задача должна быть осуществлена государством, если оно реально волимо перестраиваться на антикоррупционные стандарты государственного управления.**

В свою очередь, что касается гражданского общества, то его антикоррупционный потенциал не без участия государственной власти сегодня сведен к нулю и деятельность так называемых комиссий по противодействию коррупции в Республике Беларусь наглядное тому подтверждение, и, вообще, большой вопрос, следует ли эти комиссии считать элементами общественного контроля.

8. Современные идеологические конструкции обеспечения государственной безопасности в рамках проводимых антикоррупционных мероприятий учитывают необходимость формирования внутренних и внешних антикоррупционных моделей контроля в системах государственной власти. Обусловлено это тем, что деятельность коррумпированных государственных чиновников в системах бесконтрольной организации власти (управления) всегда сориентирована на сохранение и поддержание различного рода личных и узкокорпоративных интересов, а не на обеспечение устойчивого и эффективного взаимодействия общества и власти в осуществлении *на единой правовой платформе практик* пресечения попыток коррупции на основе конкуренции различных онтологий ее определения. Это стало очень модным явлением, которое выдается как «дальнейшее совершенствование» антикоррупционного законодательства. Взять хотя бы перечень коррупционных преступлений, который неоднократно менялся, конечно же, в сторону его сокращения. Или попытки исключить из коррупции факты злоупотребления служебными полномочиями из «иной личной заинтересованности», т. е. представить коррупцию как исключительно корыстную преступную девиацию. Можно только догадываться о причинах отказа от криминализации в качестве самостоятельного коррупционного преступления использования должностным лицом **своего служебного положения и связанных с ним возможностей** в целях **неправомерного** получения имущественной или другой выгоды для себя или для третьих лиц². На протяжении десяти лет отвергается предложение о криминализации ряда коррупционных девиаций, весьма распространенных в служебных практиках должностных лиц, занимающих государственные должности, в качестве административных правонарушений. Нет этого и в проекте нового КоАП, а вот правонарушения исключительно фискального назначения, как и санкции фискального характера, приоритетно зашкаливают.

² Использование должностным лицом **своего служебного положения и связанных с ним возможностей** предполагает использование не официальных прав в рамках своей служебной компетенции (злоупотребление полномочиями), а фактических возможностей, авторитета власти и занимаемой должности, служебных связей, основанных на положении или влиянии должностного лица. Все это не охватывается понятием злоупотребления служебными полномочиями, о котором идет речь в диспозиции ст. 424 УК.

Благодаря этому у нас в системе государственного контроля и управления развиваются и процветают так называемы сетевые коррупционные отношения, становясь особым стилем *правления*, но **не признаются проявлением коррупции**. Характерной чертой этого стиля правления, по мнению С. Н. Чируна, является наличие у правящих групп неконтролируемых по стандартам противодействия коррупции возможностей использовать свое положение (влияние) (а не только властные полномочия) при реализации важнейших общественных функций и институциональных процедур в качестве источника удовлетворения личного или группового интереса в ущерб общественным интересам (задачам, целям). Необходим переход от распространенных сегодня симулятивных антикоррупционных кампаний (кампанейщины, по-простому) к реальной борьбе с этим явлением, которая должна быть обращена, в первую очередь, на сетевую форму коррупции и в итоге привести к изменениям на уровне организации структур управления [5, с. 91].

Эксперты от Группы государств против коррупции (ГРЕКО) в 2020 г. подготовили доклад, касающийся оценки статусно-функциональных полномочий белорусских судей и прокуроров в контексте гарантий их независимости от влияния сетевых коррупционных отношений. Эксперты видят эту проблему в отсутствии доступности для представителей гражданского общества критериев, используемых при подборе, назначении и продвижении судей и прокуроров. При этом позиция исполнительной ветви власти, по мнению экспертов, имеет слишком большое значение при подборе судей и прокуроров, учитывая необходимость обеспечения их автономии в оценке законности при осуществлении правоохранительной функции в системе государственного и общественного устройства. Аналогичные замечания сделаны и в отношении российской прокурорской и судебной системы.

9. Объяснение всему этому, по мнению В. С. Мартьянова, – сосуществование в России и других постсоветских государства, конечно же, в разной степени и форме выражения одновременно «рентносословной и классово-рыночной онтологии понимания и объяснения коррупции. «Политические субъекты этих онтологий предлагают взаимоисключающие взгляды на феномен коррупции, обусловленные общим контекстом конкуренции социальных групп за легитимацию принципов распределения общественных ресурсов, разнообразных благ и видов капиталов». Автор утверждает, что в глобальном мире, и в России в частности, наблюдается фоновая тенденция к укреплению *рентно-сословной стратификации общества*, предполагающей доминирование внерыночных (внеэкономических) факторов *доступа социальных групп к общественным ресурсам*. Базовым элементом в этой модели выступает национальное государство, а не свободный рынок общественных ожиданий. Соответственно, уровень легитимного доступа граждан к ресурсам все сильнее обусловлен *их положением в иерархии государства*, а не конкурентоспособностью и востребованностью на рынке труда и его общественной оценки. В условиях рентно-сословного порядка неравенство доступа граждан к общественным ресурсам по сословным, отраслевым, должностным, географическим и иным критериям *перестает*

квалифицироваться как коррупция. Идентификация коррупции все чаще сводится к релятивным, количественным показателям – превышению сословиями и их отдельными представителями узаконенного (*конечно, условно-скрыто*) для них объема политической ренты [6, с. 24–25; 7, с. 31–48].

10. Важным фактором преодоления рентно-сословного неравенства доступа граждан к общественным ресурсам по сословным, отраслевым, должностным, географическим и иным критериям является реализация идеи (концепции) *сервисного государства в современном публичном праве*, как системы взаимосвязанных принципов построения публичной власти и публичного управления [8, с. 132–140]. При оценке перспектив формирования структурной модели сервисного государства очень важно обеспечить сохранение фундаментального разграничения публичного и частного интереса в процессе предоставления публичных услуг, создание открытого реестра публичных (государственных) услуг, а также рассматривать отношения между публичными (государственными) органами, предоставляющими услуги, и получателями публичных (государственных) услуг как публичные правоотношения, а ответственность сторон (субъектов) выстраивать подобно частноправовым отношениям. Позитивным моментом этого процесса, по мнению А. С. Фалина, должна стать стандартизация и цифровизация порядка предоставления государственных услуг, что само по себе снижает коррупционные риски в этой сложной коррупциозной сфере государственного управления [8, с. 132].

При этом следует иметь в виду, что очень важно, чтобы реестр публичных услуг был открытым, полным и определенно значимым для потребителя. Коррупционный негатив сегодня, по мнению Н. А. Филипповой, связан именно с наличием скрытых (скрываемых) компетентными государственными органами государственных услуг, обладающих огромным коррупционным потенциалом неправомерного властвования [9, с. 138]. На основе обобщения практики антикоррупционной государственной политики Республики Казахстан автор предлагает рассматривать скрытые государственные и муниципальные услуги в качестве самостоятельного коррупциогенного фактора [10]. Выявление и легализация скрытых государственных услуг требуют как активности государственных органов, непосредственно решающих задачу противодействия коррупции, так и участия субъектов гражданского общества (экспертных некоммерческих организаций). Это очень важное стратегическое направление, которое необходимо осуществить в рамках структурных реформаций систем государственного управления по предотвращению возникновения коррупционных рисков в деятельности органов государственной власти.

11. О. М. Рой отмечает, что основная проблема неэффективности борьбы с коррупцией заключена в методологической непроработанности понятия коррупции *в системе государственного управления*. По мнению автора, эффективная борьба с коррупцией должна осуществляться в рамках институционального подхода. Она же ведется исключительно в рамках бихевиорального подхода, когда карательный меч правосудия используется не столько для предотвращения коррупционных фактов, сколько для пресечения

уже произведенных противоправных действий. Ориентация на бихевиоральные способы регулирования коррупционной деятельности повышает роль силовых ведомств и уменьшает значение законодательных и институциональных норм в подавлении коррупционных намерений [11, с. 149]. Более того, ориентация на бихевиоральные способы регулирования коррупционной деятельности мотивирует вовлечение субъектов правоохранительной деятельности в сетевые коррупционные отношения. Чтобы исключить это, вся система государственного антикоррупционного контроля и надзора должна быть встроена в систему обслуживания общественных интересов, а не довлеть над ней, пользуясь при этом всеми благами, которые формируются в экономической сфере общества. В этом контексте следует обратить внимание, что одним из способов борьбы с коррупцией в Сингапуре (разрушение сетевых коррупционных отношений) стала увязка норм вознаграждения государственных чиновников с уровнем зарплаты в бизнесе, способствующая заинтересованности силовых ведомств в развитии деловой сферы и повышении ее капиталоемкости. Формула зарплат чиновников определяется тем, что уровень оклада госслужащего должен составлять $\frac{2}{3}$ дохода работника частного сектора сопоставимого ранга, отмеченного им в налоговой декларации.

12. Сложность потенциального отказа общества, в том числе его властных и не властных элит, от рентно-сословных в пользу общегражданских эгалитарных ценностно-институциональных регуляторов, по мнению В. С. Мартыанова, заключается в том, что коррупция – это продукт не только архаичных институтов, устаревшей морали, но и человеческих слабостей и пороков. Часто она проистекает именно из тех человеческих качеств, которые *считаются в обществе достоинствами* – взаимопомощи, благодарности, верности, дружбы, добрососедства, предпочтительных родительских и родственных чувств. И все это входит в явное противоречие с обезличенностью и универсальностью рыночных обменов. Поэтому надо учитывать и то, что расширение чистого рынка имеет четкие границы и пределы, за которыми он обнаруживает резкое падение своей привлекательности в сравнении с прочими альтернативами при решении разнообразных социальных задач государства. И тем не менее, автор полагает, что с точки зрения классово-рыночной онтологии противодействия коррупции рынок представляется большим общественным благом и более предпочтительным регулятивным механизмом противодействия коррупции. Поэтому общей стратегической целью противодействия коррупции должна стать постепенная институциональная реформация государства под рынок, реализуемая посредством сокращения регулятивных функций распределяющего государства, выступающим безусловным благом для народа [7, с. 43].

13. Необходимо последовательное осуществление реформ в системе государственного управления и государственной службы на принципах оптимизации социальной экономии и социальной прозрачности власти и развитие систем независимого государственного и общественного антикоррупционного контроля лиц, наделенных полномочиями властного администрирования.

Вырабатывая политическую стратегию преодоления коррупции в системе государственного устройства и государственного управления, ответственные представители власти должны ответственно осознать, что коррупция исходит из давно укоренившихся в системе властных отношений деструктивных форм ее построения и использования в личных или узкокорпоративных целях. И это пока самый непреодолимый барьер в формировании оптимальных антикоррупционных моделей систем, структур и функций государственного управления и властного администрирования.

Формирование антикоррупционных стандартов и моделей государственного управления следует начинать с объективной оценки социальных истоков коррупции, которые обусловлены, с одной стороны, деструктивными и неподконтрольными гражданскому обществу формами организации властного администрирования (управления), а с другой, – корыстными или иными асоциальными устремлениями представителей власти, которые искусственно формируют административные обременения при осуществлении государственных управленческих функций. На этом социальном фоне в самых различных сферах государственного управления вольно и невольно формируется рынок потребителей государственных услуг (решений) на основе коррупционных соглашений посредством отказа властной бюрократии от ожидаемых должных стандартов служебного поведения.

Выход из этой ситуации – выработка прозрачных критериев распределения общественных ресурсов, закрепляемых посредством ответственных процедур осуществления контроля и выражения общественного согласия, поддержка государством эгалитарных принципов распределения общественных ресурсов, упрощение регламентов взаимодействия граждан с органами власти, которое сократит цепочки разнообразных рент, извлекаемых из возможностей произвольного служебного поведения органов власти и ее представителей.

Сильное государство – это социально-эффективное государство, способное в том числе поддерживать антикоррупционный стандарт деятельности во всех своих системах власти как по вертикали, так и по горизонтали.

Список цитированных источников

1. Сукало, В. О. По закону и справедливости: Разговор у Президента (Печатная версия о деталях общения с Президентом Председателя Верховного Суда Респ. Беларусь В. О. Сукало) // Беларусь сегодня. – 26.02.2019. – № 38 (25676). – С. 1–4.

2. Фаварель-Гарриг, Ф. Борьба с коррупцией как общественная проблема / Ф. Фаварель-Гарриг // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции : сб. тр. по итогам Третьей Всерос. науч. конф. с междунар. участием / отв. ред. В. Н. Руденко ; вып. ред. В. С. Мартьянов ; Ин-т философии и права Урал. отдел-я Рос. акад. наук. – Екатеринбург, 2019. – С. 52–64.

3. Ершов, Ю. Г. Коррупция как угроза государственности / Ю. Г. Ершов // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции : сб. тр. по итогам Третьей Всерос. науч. конф. с междунар. участием / отв. ред. В. Н. Руденко ; вып. ред. В. С. Мартьянов ; Ин-т философии и права Урал. отд-я Рос. акад. наук. – Екатеринбург, 2019. – С. 80–89.

4. Оболкина, С. В. Коррупция и «механизмы» повседневности / С. В. Оболкина // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции: сб. тр. по итогам Второй Всерос. науч. конф. с междунар. участием / отв. ред. В.Н. Руденко. – Екатеринбург : УрО РАН, 2016. – С. 71–78.

5. Чирун, С. Н. Консенсусная (сетевая) коррупция и проблемы эффективности государственной политики / С. Н. Чирун // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции : сб. тр. по итогам Третьей Всерос. науч. конф. с междунар. участием / отв. ред. В.Н. Руденко ; вып. ред. В.С. Мартьянов ; Ин-т философии и права Урал. отд-я Рос. акад. наук. – Екатеринбург, 2019. – С. 91–110.

6. Мартьянов, В. С. Двойные стандарты в определении коррупции как вызов общественному согласию / В. С. Мартьянов // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции : сб. тр. по итогам Третьей Всерос. науч. конф. с междунар. участием / отв. ред. В.Н. Руденко ; вып. ред. В.С. Мартьянов ; Ин-т философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. – Екатеринбург, 2019. – С. 24–52.

7. Мартьянов, В. С. Коррупция и сословно-статусная рента в России / В. С. Мартьянов // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции : сб. тр. по итогам Второй Всерос. науч. конф. с междунар. участием / отв. ред. В.Н. Руденко. – Екатеринбург : УрО РАН, 2016. – С. 31–48.

8. Фалина, А. С. Сервисное государство: истоки теории, элементы практики / А. С. Фалина // Социология власти. – 2012. – № 1. – С. 132–140.

9. Филиппова, Н. А. Скрытые государственные и муниципальные услуги как коррупциогенный фактор / Н. А. Филиппова // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции : сб. тр. по итогам Третьей Всерос. науч. конф. с междунар. участием / отв. ред. В.Н. Руденко ; вып. ред. В.С. Мартьянов ; Ин-т философии и права Урал. отд-я Рос. акад. наук. – Екатеринбург, 2019. – С. 138–148.

10. «Скрытые» государственные услуги, выявленные Министерством по делам государственной службы Республики Казахстан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kyzmet.gov.kz/ru/pages/skrytye-gosudarstvennyyeuslugi-vyyavlennyye-ministerstvom-po-delam-gosudarstvennoy-sluzhby>. – Дата доступа: 12.07.2020.

11. Рой, О. М. Кампания по предотвращению коррупции как источник коррупционных угроз / О. М. Рой // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции : сб. тр. по итогам Третьей Всерос. науч. конф. с междунар. участием / отв. ред. В.Н. Руденко ; вып. ред. В.С. Мартьянов ; Ин-т философии и права Урал. отд-я Рос. акад. наук. – Екатеринбург, 2019. – С. 149–164.

ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТОВ В ОБЛАСТИ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ

Шаблинская Д.В., Ладутько В.К.

Эффективность деятельности по борьбе с коррупцией выступает одним из условий успешности социально-экономических преобразований белорусского общества и государства. На сегодняшний день коррупция справедливо определена как острейшая социально-экономическая и политико-

правовая проблема, угроза национальной безопасности. С другой стороны, коррупцию следует рассматривать как глобальную проблему мирового сообщества. В этой связи на международном уровне разработан комплекс мер, направленных на противодействие коррупции. Особый интерес представляют антикоррупционные стандарты в сфере уголовно-правовых средств борьбы с коррупцией. В качестве таких стандартов необходимо отметить положения модельного Уголовного кодекса (постановление Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств № 7-5 (ред. от 27 ноября 2015 г.) «О модельном Уголовном кодексе для государств – участников Содружества Независимых Государств») (далее – модельный УК) и Конвенции Совета Европы от 27 января 1999 г «Об уголовной ответственности за коррупцию».

В целях реализации международных антикоррупционных стандартов в законодательстве Республики Беларусь можно предложить следующее.

1. Закрепить универсальные признаки коррупционного преступления в Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее – УК). Подобное определение могло бы включать не только перечень коррупционных преступлений, в настоящее время содержащийся в ст. 90 УК, но и указание на содержание коррупционного преступления и его субъект. При конструировании понятия коррупционного преступления следует учитывать положения ст. 1 Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З «О борьбе с коррупцией» (далее – Закон о борьбе с коррупцией), а также опыт модельного законодательства – ч. 2 примечания к ст. 301 модельного УК.

Не менее значимым видится предложение о закреплении субъекта коррупционного административного правонарушения и определении круга административных правонарушений и соответствующих признаков (условий), при наступлении которых данные административные правонарушения будут относиться к коррупционным.

2. Привести в соответствие с международными антикоррупционными стандартами, а также с понятием «коррупция», закрепленным в ст. 1 Закона о борьбе с коррупцией, признаки преступления, предусмотренного ст. 430 УК («Получение взятки»). Так, на сегодняшний день получением взятки признается принятие должностным лицом для себя или для близких материальных ценностей либо приобретение выгод имущественного характера. В понятие коррупции включается противоправное получение имущества или другой выгоды в виде работы, услуги, покровительства, обещания преимущества (во взяточничестве – только имущественных благ) для себя или для третьих лиц (во взяточничестве – только для себя или для близких). Международные антикоррупционные стандарты также содержат отличное от положений ст. 430 УК понимание взятки: взятка (подкуп) – это любое неправомерное преимущество. К неправомерному преимуществу можно относить и нематериальное благо (покровительство, информация и т. д.).

Преступлением следует считать получение неправомерных преимуществ и в том случае, когда они предназначаются не только для конкретного

должностного лица или его близких, но и для иного физического или юридического лица. Реализация подобного антикоррупционного стандарта в уголовном законодательстве Республики Беларусь позволит расширить адресатов получения взятки, что обеспечит возможность применения уголовно-правовых средств борьбы с коррупцией в отношении коррупционных проявлений должностных лиц, совершаемых в интересах представляемых ими организаций или третьих лиц.

3. Ввести в УК специальные составы преступлений против интересов службы. В частности, следует рассмотреть возможность криминализации нецелевого расходования бюджетных средств или государственных внебюджетных фондов, присвоения подарка, злоупотребления влиянием. В целях предотвращения коррупционных правонарушений можно выделить в отдельный состав такое деяние, как заключение заведомо невыгодного контракта. Объективную сторону данного преступления может составлять заключение должностным лицом заведомо невыгодного для государства контракта (договора), а равно осуществление таким должностным лицом государственной закупки, причинившие крупный ущерб. Конкретные редакции предлагаемых к криминализации норм содержатся в модельном УК.

4. Оптимизировать институт конфискации имущества. Эффективным уголовно-правовым и организационным инструментом противодействия коррупции следует признать институт конфискации имущества. Поддерживая решение об исключении из УК общей конфискации имущества, считаем целесообразным совершенствовать правовое регулирование специальной конфискации. Предлагаем рассмотреть возможность введения в законодательство Республики Беларусь такого антикоррупционного механизма, как расширенная конфискация. Расширенная конфискация предполагает принудительное безвозмездное изъятие имущества осужденного, стоимость которого существенно превышает доходы, полученные данным лицом законным путем. Подобная конфискация будет касаться в том числе имущества, переданного осужденным третьим лицам в целях сокрытия от специальной конфискации. Например, лицо «накапливает» имущество в результате совершения коррупционных преступлений, а затем отчуждает (продает или дарит его), оформляет эти доходы на имя других людей. В подобных случаях расширенная конфискация может быть проведена, если имущество продается по цене, ниже рыночной, выступает в качестве пожертвования либо существуют признаки того, что сделка является ничтожной.

5. Совершенствовать деятельность комиссий по противодействию коррупции. Данное направление относится к числу организационных мер, необходимых для повышения эффективности борьбы с коррупцией в организациях. В соответствии с постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 26 декабря 2011 г. № 1732 «Об утверждении Типового положения о комиссии по противодействию коррупции» руководство комиссиями по противодействию коррупции возложено на руководителя организации. Вместе с тем должность руководителя организации входит

в перечень лиц с наиболее высоким коррупционным риском. Складывается ситуация, когда объект и субъект профилактики совпадают в одном лице, что, на наш взгляд, не способствует повышению эффективности борьбы с коррупцией.

Полагаем, разрешение данного противоречия заключается во внедрении стандартов корпоративного управления. На сегодняшний день видится целесообразной реализация организационно-правовых и экономических отношений в области преобразования государственных унитарных предприятий в открытые акционерные общества. Стандарты корпоративного управления предполагают в том числе формирование института «наблюдательных советов», независимых от руководителя организации. Таким образом, функции по руководству антикоррупционной деятельностью в организации могли бы быть возложены на независимого управляющего.

В заключение отметим, что при решении задач повышения эффективности борьбы с коррупцией полагаем необходимым рассмотреть возможность внедрения в отечественное законодательство международных стандартов в области борьбы с коррупцией. В этой связи предлагается: закрепить универсальные признаки коррупционного преступления в УК, а также определить круг административных правонарушений и соответствующих признаков (условий), при наступлении которых данные административные правонарушения будут относиться к коррупционным; внести изменения в ст. 430 УК в целях расширения признаков предмета преступления до «любых выгод (преимуществ)» и адресата взятки до «себя и третьих лиц»; ввести в УК специальные составы преступлений против интересов службы; оптимизировать правовое регулирование специальной конфискации; внедрить стандарты корпоративного управления в части возложения функции по руководству антикоррупционной деятельностью в организации на независимого управляющего.

2. Состояние и тенденции коррупционной преступности; направления совершенствования законодательства в сфере противодействия коррупции

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИОННЫМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ В УКРАИНЕ

Биленко П.С.

Принцип верховенства права относительно деятельности правоохранительных органов государства, в том числе и Украины, означает выполнение правоохранителями всех без исключения требований закона и действия любого должностного лица только на основании закона. Однако даже в практике европейских государств этот принцип не соблюдается полностью из-за большого количества факторов, что приводит к многочисленным «отклонениям» в исполнении требований закона сотрудниками правоохранительных органов, нарушению ими прав человека при исполнении служебных обязанностей. Эта тенденция, к сожалению, в полной мере касается и Национальной полиции Украины, в системе которой по данным некоторых исследований, несмотря на происходящее реформирование, продолжают совершаться коррупционные преступления. Это подтверждается и данными, которые мы бы хотели привести – полиция сохранила присущий для прежней милиции отрицательный баланс доверия / недоверия населения (доверяет 40,7 %, не доверяет 41,9 % опрошенных граждан) [1].

В Законе Украины от 2 июля 2015 г. № 580-VIII «О Национальной полиции» обозначено, что Национальная полиция Украины – это центральный орган исполнительной власти, который служит обществу для обеспечения охраны прав и свобод человека, противодействия преступности, поддержания публичной безопасности и порядка. Таким образом, говоря в целом о деятельности Национальной полиции Украины, следует отметить, что она направлена на сохранение баланса между потребностями внутренней дисциплины органа, от которого во многом зависит общественная безопасность, с одной стороны, и необходимостью борьбы с нарушениями основных прав человека, с другой.

О высоком уровне коррупции в Украине говорят данные международной организации *Transparency International*. По результатам ежегодного отчета в 2019 г. Украина опустилась к уровню 2017 г. и заняла 126 место среди 180 стран.

Говоря о состоянии коррупции в Украине, можно отметить, что по результатам опроса, проведенного в августе 2018 г. Фондом «Демократические инициативы» совместно с социологической службой Центра Разумкова, 91 % граждан считают коррупцию серьезной проблемой Украины, причем 61 % опрошенных убеждены в том, что это наиболее серьезная проблема, которая мешает развитию страны. Лишь 4 % опрошенных признают,

что проблема коррупции существует, но она не слишком серьезная, а надуманной эту проблему считают 0,5 %. За год, по сравнению с 2017 г., осознание серьезности проблемы коррупции существенно возросло: в сентябре 2017 г. коррупцию считали наиболее серьезной проблемой 44 %, сейчас же – 61 %; не слишком серьезной в 2017 г. – 12 %, сегодня – 4 % [2].

В октябре 2014 г. был принят пакет антикоррупционных документов, среди которых Закон Украины от 14 октября 2014 г. № 1700-VII «О предотвращении коррупции» (ныне действующий акт, в который постоянно вносятся изменения и дополнения). Но представленные выше данные указывают на то, что ситуация по искоренению коррупции в Украине не меняется.

Основная задача вышеуказанного антикоррупционного пакета – искоренение коррупции в Украине, что предопределило также принятие Основ государственной антикоррупционной политики в Украине (Антикоррупционная стратегия), утвержденных Законом Украины от 14 октября 2014 г. и определивших более высокий уровень ответственности органов государственной власти и должностных лиц за реализацию государственной антикоррупционной политики на 2014–2017 гг.; создание новой системы государственных специализированных антикоррупционных органов, деятельность которых направлена на предотвращение и выявление коррупции. Реализован ряд рекомендаций международных организаций по усилению правового, финансового и кадрового обеспечения антикоррупционных структур, международного сотрудничества, по улучшению форм их взаимодействия с общественными институтами в реализации антикоррупционных мер.

Следует отметить, что несмотря на ужесточение ответственности за совершение коррупционных правонарушений, это никоим образом не повлияло на их динамику. Например, в 2015 г. сотрудниками Национальной полиции Украины было выявлено 1956 лиц, совершивших уголовные коррупционные преступления, среди которых 203 было совершено сотрудниками милиции (полиции).

Что же касается 2018 г., то сотрудниками Национальной полиции выявлено и направлено в суд 7899 протоколов об административных правонарушениях, связанных с коррупцией; по 5903 из них судами принято решение, в том числе по 3392 – наложен штраф. Остаток не рассмотренных судами протоколов составляет 3864.

Также к уголовной ответственности в 2018 г. судами привлечено 3392 человек, из которых 326 – государственные служащие, 34 – депутаты областных советов, 1395 – депутаты сельских, поселковых и городских советов, 309 – лица местного самоуправления, 753 – должностные лица юридических лиц государственного сектора, 183 – должностные и служебные лица районных и 19 – областных администраций, 195 – сотрудники Национальной полиции, 65 – военнослужащие, 2 – налоговики, 34 – сотрудники государственной уголовно-исполнительной службы, 39 – работники органов гражданской защиты, 21 – таможенники, 4 – судьи.

Для сравнения приведем и другие цифры. Согласно официальным статистическим данным Генеральной прокуратуры Украины правоохранительными органами в 2018 г. зарегистрировано 9155 коррупционных уголовных преступлений, что на 2,9 % меньше, чем в 2017 г. По результатам расследования направлено в суд с обвинительным актом 3126 уголовных дел о коррупционных деяниях (в 2017 г. – 3139 уголовных производств). За совершение коррупционных преступлений осуждены 702 лица (в 2017 г. – 1692 лица).

Анализируя данные Генеральной прокуратуры Украины и Национальной полиции Украины за 2019 г. по противодействию коррупции, мы сделали вывод, что наиболее распространенными коррупционными преступлениями, которые регистрируются вышеуказанными субъектами, являются: присвоение, растрата имущества или завладение им путем злоупотребления служебным положением (ч. 2–5 ст. 191 УК), злоупотребление властью или служебным положением (ст. 364 УК), принятие предложения, обещания или получение неправомерной выгоды должностным лицом (ст. 368 УК), злоупотребление влиянием (ст. 369-2 УК).

В заключение хотелось бы отметить, что сегодня, на наш взгляд, стоит остро вопрос о сотрудничестве Национальной полиции Украины с общественностью в сфере реализации антикоррупционной политики, а также о принятии конкретной государственной (ведомственной) программы совместных организационных мероприятий, совершенствовании правового механизма урегулирования взаимодействия полиции и населения, внедрении инновационных форм и методов такого сотрудничества, системы стимулирования участия общественности в полицейской деятельности. Это позволит не только ускорить решение основных проблем современности, связанных с реализацией государственной антикоррупционной политики в Украине, но и предоставит возможность определить перспективы дальнейшего реформирования правоохранительной системы, улучшить организационно-правовой механизм обеспечения института взаимодействия полиции и общества в направлении преодоления проявлений коррупции в стране.

Список цитированных источников

1. Коррупция в полиции Украины: ситуация, причины, выводы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://antidot.info/authors/korruptsyya-v-polytsyy-ukraynyi-sytuatsyya-prychynyi-vyivodyi/>. – Дата доступа: 16.03.2020.

2. Ковальчук, Т. І. Стан протидії корупції органами системи МВС України у 2018 році [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://elar.naiu.kiev.ua/bitstream/123456789/12141/1/A71_p017-019.pdf. – Дата доступа: 16.03.2020.

КОРРУПЦИОННЫЕ РИСКИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА КАК ИНДИКАТОР ЕГО КАЧЕСТВА

Глинская Н.В., Клепка Д.И.

Мировым сообществом коррупция признана международной проблемой, свидетельством чего является принятие ряда международно-правовых актов, направленных на борьбу с этим негативным явлением (Конвенция по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок (Конвенция Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) по борьбе с подкупом) 1997 г., Конвенция Совета Европы о гражданско-правовой ответственности за коррупцию 1999 г., Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию 1999 г. и Дополнительный протокол к Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию 2003 г., Конвенция ООН против коррупции 2003 г.). Коррупционные практики проникли практически во все сферы общественных правоотношений, не исключая и сферу уголовного судопроизводства. Ввиду чего следует отметить, что предпосылкой коррупционных практик в уголовном процессе является несовершенство действующего уголовного процессуального законодательства, наличие в нем норм (положений), содержащих коррупционные риски, а также отсутствие сформированных стандартов антикоррупционной модели уголовного судопроизводства.

По этому поводу в юридической литературе выделяют несколько характеристик законодательства, которые могут привести к возникновению коррупционных практик. Во-первых, неопределенность отдельных положений нормативных правовых актов или всего нормативного правового акта в целом – это основа для двоякого толкования правовой нормы, соответственно, и наличия риска совершения коррупционных действий. Во-вторых, отсутствие четкой определенности в полномочиях государственных органов, дублирование полномочий, в особенности контролирующих, повышает риски возникновения коррупционных проявлений. В-третьих, неопределенность полномочий приводит к аналогичным действиям, вторичным правовым актам (официальным запросам, инструктивным письмам) и т. д., которые носят неопределенный характер [1].

В то же время, учитывая специфику уголовной процессуальной сферы правового регулирования, считаем нужным отнести к объективным факторам, которые могут привести к возникновению коррупционных рисков, такие:

1) юридико-лингвистическая коррупционность или несовершенство законодательной техники (пробельность, коллизионность, неточность используемых в законе формулировок, чрезмерное использование оценочных понятий, обозначение одного и того же процессуального понятия разными терминами, технические ошибки в тексте, пропуск слов и др.);

2) ненадлежащее качество регламентации требований (стандартов) к форме и содержанию уголовных процессуальных решений (отсутствие

единых стандартов качества, неопределенность процессуальной формы и процедуры принятия отдельных решений, неопределенность или недостаточная определенность оснований для принятия отдельных решений, отсутствие обязанности мотивировать принятое решение и др.);

3) чрезмерные требования к реализации права физического лица – участника уголовного судопроизводства, который имеет в нем собственный интерес;

4) заполнение законодательных пробелов при помощи подзаконных нормативно-правовых актов и руководящих разъяснений судебных органов;

5) непрозрачность механизма принятия определенных процессуальных решений и совершения процессуальных действий (отсутствие четких процедур, неопределенность сроков или их неадекватное определение);

6) отсутствие в отдельных случаях механизма обжалования решений, действий или бездействия органов и субъектов, осуществляющих уголовное производство, или установление такого его порядка, который не обеспечивает эффективную защиту прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства и одновременно позволяет уполномоченному лицу принимать процессуальное решение, руководствуясь не столько законом, сколько собственной заинтересованностью коррупционного характера;

7) несовершенство нормативного урегулирования реализации контрольных полномочий за соблюдением требований закона при осуществлении уголовного производства (несовершенство механизмов прокурорского надзора и судебного и ведомственного контроля);

8) ненадлежащая регламентация полномочий официальных субъектов уголовного производства (отсутствие в отдельных случаях четкого распределения компетенции по принятию уголовных процессуальных решений и совершения процессуальных действий, правил определения лица, компетентного осуществлять уголовное производство, правил подследственности и подсудности уголовных дел);

9) чрезмерное расширение дискреционных полномочий (при этом следует заметить, что само наличие дискреционных полномочий не может рассматриваться как признак коррупционности действующего законодательства; речь идет только о тех случаях, когда в законодательстве отсутствуют юридические средства, позволяющие обеспечить использование дискреционных полномочий в строго определенном объеме, с целью достижения которой они предусмотрены) [2, с. 21].

Анализ действующего уголовного процессуального законодательства Украины предоставляет возможность в качестве коррупционного риска проиллюстрировать следующие положения УПК Украины. Так, в соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 167 УПК Украины временно изъятым может быть имущество в виде вещей, документов, денег и т. д., в отношении которого имеются достаточные основания считать, что они являются предметом уголовного правонарушения, в том числе связанного с незаконным оборотом. Однако согласно ч. 7 ст. 236 УПК Украины предметы, которые изъяты законом из оборота, подлежат изъятию независимо от их отношения к уголовному

производству. Изъятые вещи и документы, не относящиеся к предметам, которые изъяты законом из обращения, считаются временно изъятым имуществом [3, с. 8–9]. Таким образом, противоречие указанных уголовных процессуальных норм может служить основанием для возникновения коррупционной практики.

На основании вышеизложенного можно обоснованно утверждать, что объективные причины коррупционных правонарушений прежде всего заключаются в несовершенстве действующего законодательства, что выражается в наличии определенных пробелов правового регулирования; коллизионности отдельных законодательных предписаний; отсутствии четкой регламентации полномочий правоприменительных органов при решении тех или иных юридически значимых вопросов; возможности применения лицами, осуществляющими уголовное производство, необоснованной дискреции, что создает условия и предоставляет пространство для злоупотребления предоставленными полномочиями. Указанные обстоятельства, не исчерпав все их многообразие, тем не менее являются одним из основных условий, способствующих возникновению, развитию, реализации и распространению коррупционных практик в сфере уголовного судопроизводства. Таким образом, прослеживается прямая связь между качеством законодательства и наличием коррупционных рисков в нем. Чем тщательнее законодатель будет подходить к формированию той или иной правовой нормы, тем меньше коррупционных практик может возникать по объективным причинам.

Список цитированных источников

1. Липинский, Д. А. Коррупционные риски в правовой сфере и состояние национальной безопасности / Д. А. Липинский, А. А. Мусаткина // Национальная безопасность / nota bene. – 2019. – № 4. – С. 75–88.
2. Глинская, Н. В. Корупційгенні фактори кримінального процесуального законодавства України / Н. В. Глинская, Л. М. Лобойко, О. Г. Шило // Вісн. кримінал. судочинства України. – 2015. – 4. – С. 17–24.
3. Туманянц, А. Р. Корупційні ризики нормативного врегулювання заходів забезпечення кримінального провадження / А. Р. Туманянц // Кримінальний процес: сучасний вимір та перспективі тенденції : II Харків. кримінальний процесуальний полілог, Харків, 12 грудня 2019 р. / редкол. : О. В. Капліна, В. І. Маринів, О. Г. Шило. – Харків : Право, 2020. – 164 с.

К ВОПРОСУ О ДЕТЕРМИНАНТАХ КОРУПЦИИ В ЧАСТНОЙ СФЕРЕ В УКРАИНЕ

Головкин Б.Н., Новиков О.В.

Коррупция в частной сфере является относительно новым явлением для стран постсоветского пространства. В СССР предприятия, учреждения и организации были фактически продолжением государственного аппарата, а их должностные лица владели довольно широкими служебными

полномочиями, которые (особенно на должностях руководителей предприятий военно-промышленного комплекса и стратегических отраслей промышленности) были соразмерными с полномочиями должностных лиц государственных органов, а иногда и превосходящими их. Фактически до начала 90-х годов сложился достаточно прочный тандем между «чиновниками» и «хозяйственниками», в который активно был вовлечен криминал [1, с. 95].

Уже после провозглашения независимости в Украине начались процессы трансформации ее экономики от административно-командной к рыночной, осуществлялась приватизация государственного и коммунального имущества, и появилось значительное количество частных предприятий и организаций. Указанное способствовало постепенному перенесению и распространению коррупционных отношений в сферу деятельности юридических лиц частного права, а также дальнейшему поражению всей бизнес-среды коррупционной практикой. Такая коррупция, по сути, имела три разновидности: а) коррупция в отношениях с государственными органами и учреждениями (отношения бизнес-власть); б) коррупция в частном секторе (отношения бизнес-бизнес); в) коррупция в отношениях с потребителями (отношения бизнес-население).

Если противодействие коррупционным отношениям между бизнесом и властью проходило в рамках общей борьбы с коррупцией в сфере государственного управления, то коррупция в частном секторе и коррупция в отношениях бизнеса с населением фактически оставалась без внимания. Такая ситуация сложилась в том числе из-за отсутствия в Уголовном кодексе Украины норм, которые бы устанавливали ответственность за те или иные формы проявления коррупции в частной сфере.

Лишь в 2011 г. такие нормы появились в связи с принятием Верховной Радой Украины Закона Украины от 7 апреля 2011 г. № 3207-VI «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины относительно ответственности за коррупционные правонарушения». Этот Закон, по сути, имплементировал положения Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию и Конвенции ООН против коррупции, которые были ратифицированы Украиной 18 октября 2006 г., в части противодействия коррупции в частном секторе.

После установления уголовной ответственности за коррупционные преступления в этой сфере коррупция в частном секторе в Украине начала исследоваться как самостоятельное явление, а в государстве постепенно начались процессы, связанные с противодействием этой особой разновидности коррупционных практик. Между тем следует отметить, что многие аспекты коррупции в частной сфере до сих пор остаются мало изученными. К ним, например, относятся вопросы, связанные с особенностями детерминации этой разновидности преступности.

Под детерминацией понимают подчиненный объективным законам природы и общественного развития сложный процесс порождения, предопределения, взаимных трансформаций и динамических изменений явлений, процессов, событий и состояний окружающей действительности.

В процессе детерминации происходит непрерывное воспроизведение и обновление различных форм жизни, типов отношений, классов явлений и процессов [2, с. 1]. В свою очередь, детерминация преступности является разновидностью общественной детерминации и представляет собой всю совокупность явлений, процессов, фактов, проявлений, с которыми преступность взаимосвязана и которыми она обусловлена [3, с. 184–185].

Следует отметить, что каждой сфере общественных отношений, в том числе и преступной, характерны свои закономерности детерминации [4, с. 55]. В связи с тем, что для системной коррупции в частной сфере невозможно найти ее непосредственные причины или исчерпывающий перечень факторов (детерминант), взаимодействие которых приводит к подобным коррупционным практикам, для нее характерно наличие совокупности детерминант, которые выступают взаимосвязанными причинами и последствиями коррупции одновременно, при которой устранение одного или нескольких из них не способно устранить проблему коррупции [5, с. 58]. Таким образом, для надлежащего предупреждения и предотвращения коррупции в частной сфере необходимо оказывать превентивное влияние на всю систему детерминант этого негативного социального явления.

На наш взгляд, детерминанты коррупции в частной сфере в Украине целесообразно классифицировать на следующие группы: экономические, нормативно-правовые, организационно-управленческие, социально-психологические.

К *экономическим детерминантам* относятся: монополизация наиболее прибыльных секторов общественного производства финансово-промышленными группами и корпорациями; большая часть теневой экономики (45 % от ВВП); дискриминационный подход органов государственной власти к предоставлению разрешений (лицензий), льгот, субсидий, дотаций, кредитов субъектам хозяйствования; искусственные препятствия на пути к публичным закупкам; низкий уровень экономической свободы и неразвитость конкурентной среды; высокая стоимость и ограниченность кредитования; манипулирование ценообразованием на товары и услуги; низкий уровень оплаты труда служебных (должностных) лиц субъектов хозяйствования; нерентабельность (невыгодность) честно и прозрачно вести бизнес в Украине из-за чрезмерного налогового обременения.

Нормативно-правовые детерминанты включают: правовую зарегулированность хозяйственной деятельности; несовершенную систему налогообложения хозяйственной деятельности; недостаточный уровень согласованности законодательства Украины с законодательством Европейского Союза; завышенные размеры штрафных санкций за налоговые, финансовые, таможенные правонарушения; нормативно закрепленные дискреционные полномочия должностных лиц государственных органов; недостаточную урегулированность ответственности за совершение коррупционных преступлений в частной сфере; пробелы, двусмысленность и нечеткость законодательства.

Организационно-управленческие детерминанты включают: конфликт интересов в деятельности значительной части служебных / должностных лиц юридических лиц частного сектора; непрозрачность информации о финансово-хозяйственной деятельности юридических лиц частного сектора; дискриминационное администрирование налогов в отношении малого и среднего предпринимательства (так называемое «фискальное давление»); создание бюрократических препятствий на пути к вхождению на рынки товаров и услуг для малых и средних субъектов предпринимательства; пассивность антикоррупционных и правоохранительных органов по выявлению и реагированию на коррупционные правонарушения; отсутствие в большинстве юридических лиц частного сектора антикоррупционных программ и специально уполномоченных подразделений для предотвращения и противодействия коррупции.

К *социально-психологическим детерминантам* относятся: низкая комплаенс-культура и уровень добропорядочности среди субъектов хозяйствования в частной сфере; непринятие рыночных ценностей, господство неформальных правил и норм в предпринимательской деятельности; традиции использования коррупционных практик как средства ведения прибыльного бизнеса и антиконкурентной борьбы; толерантное отношение руководящего звена субъектов хозяйствования к проявлениям коррупции; стремление руководителей и учредителей юридических лиц частного сектора к максимизации доходов и снижению расходов любым способом, в том числе незаконным.

Список цитированных источников

1. Нерсисян, А. С. Корупція та службова злочинність в приватному секторі: проблеми розуміння та нормативного регулювання / А. С. Нерсисян // Наук. вісник Інституту міжнарод. відносин НАУ. Сер. : Економіка, право, політологія, туризм. – 2010. – № 1. – Том 1. – С. 91–96.
2. Головкін, Б. М. Причинність у системі детермінації злочинності / Б. М. Головкін // Теорія і практика правознавства. – 2014. – Вип. 1 (5). – С. 1–9.
3. Закалюк, А. П. Курс сучасної української кримінології: теорія і практика : у 3 кн. / А. П. Закалюк. – К. : Видавничий Дім «Ін Юре», 2007. – Кн. 1 : Теоретичні засади та історія української кримінологічної науки. – 424 с.
4. Волков, Б. С. Детерминистическая природа преступного поведения : монография / Б. С. Волков. – М. : РУДН, 2004. – 128 с.
5. Копистира, А. М. Особливості та причини корупції в економічних системах перехідних країн / А. М. Копистира // Актуальні проблеми міжнародних відносин. – 2013. – Вип. 115. – С. 57–63.

КОРРУПЦИОННЫЕ РИСКИ, СВЯЗАННЫЕ С ДИДЖИТАЛИЗАЦИЕЙ ЭКОНОМИКИ³

Калинина А.В.

В наше время диджитализация стала ведущим трендом в развитии мирового сообщества. Она охватила множество аспектов жизни человека: от бытовых вопросов до развития бизнеса на высоком уровне.

Экономические процессы не стали исключением из общераспространенной тенденции диджитализации, и в 2009 г. в мире впервые заговорили о цифровых валютах (криптовалютах), которые стали частью цифровых (виртуальных) активов, как об одном из ее проявлений. Сам термин «криптовалюта» и его синонимы – цифровая, виртуальная и т. п. валюта, наделяются различным смыслом. Единого подхода к ее сущности на данный момент не существует. С целью понимания особенностей криптовалюты обратимся к ее определениям, предложенным различными авторитетными международными организациями в финансовой сфере. Так, Всемирный банк (World Bank) предлагает понимать под криптовалютой цифровые валюты, опирающиеся на криптографические методы для достижения консенсуса [1].

Европейский центральный банк (European Central Bank) определяет такую валюту как цифровое выражение ценностей, которые не были изданы центральным банком, кредитным учреждением или электронным денежным учреждением и при определенных обстоятельствах могут быть использованы как альтернатива деньгам [2, с. 4].

Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (FATF – Financial Action Task Force) как межправительственная организация, занимающаяся разработкой мировых стандартов в сфере противодействия отмыванию преступных доходов и финансированию терроризма, под криптовалютой подразумевает подмножество виртуальных валют, определенных как цифровые выражения ценности, которые могут быть обработаны в цифровом формате и функционировать как средство обмена; и /или расчетная единица; и /или хранилище ценности, однако не имеют статуса законного платежного средства в любой юрисдикции [3, с. 4].

Признание и правовое регулирование общественных отношений, связанных с криптовалютой, в разных государствах также не одинаково. В одних странах она рассматривается как расчётная денежная единица (например, в Германии), в других (например, в Японии) – является законным платежным средством с налогом на покупку. В иных государствах (например, в Китае) операции с криптовалютой (в частности, с биткоинами) запрещены для банков, но разрешены для физических лиц, и при этом страна лидирует

³ Материал подготовлен в рамках работы над темой фундаментального научного исследования Научно-исследовательского института изучения проблем преступности им. акад. В. В. Сташиса НАПрН Украины «Стратегия уменьшения возможностей совершения преступлений: теория и практика».

в области майнинга из-за наличия крупнейших производственных мощностей. В Швейцарии на криптовалюты распространяются такие же правила, как и на иностранные валюты [4]. Необходимо отметить, что первой страной в мире, узаконившей смарт-контракты, стала Республика Беларусь, декретом Президента которой в 2017 г. была создана фундаментальная правовая база для развития в стране криптоиндустрии [4; 5]. Однако не во всех странах современности, несмотря на развитие IT-технологий на достаточно высоком уровне, создана и функционирует соответствующая нормативная база. Например, в Украине до сих пор она находится на уровне декларативных программ и проектов нормативных актов.

Процессы диджитализации и перспективы ее развития в государстве, в том числе и в экономической сфере, создают и определенные условия для противоправных действий. Преступность всегда чувствительна к социальным изменениям. Особенно восприимчивыми для преступных действий становятся новые сферы, нормативное регулирование которых не стабильно и находится только в начале своего становления. Одним из видов преступной деятельности, которые могут быть связаны с криптовалютой, являются коррупционные преступления.

Учитывая значительную стоимость криптовалют, особенность их природы и специфику коррупции как явления, важно обратить внимание на возможную связь между ними, которая выражается в определенных коррупционных рисках:

Риск 1. Нормативная неопределенность – основа коррупционных схем. Анализ действующего законодательства свидетельствует, что законодательное регулирование рынка криптовалют в Украине находится на начальном, концептуальном и проектном уровне развития. Ни один из действующих законов или подзаконных актов не содержит оснований урегулирования общественных отношений, связанных с криптовалютой в Украине. Оценка популяризации распространения в Украине криптовалют, сделанная Национальным банком Украины в 2014 г., была однозначной: такие валюты является денежным суррогатом, который не имеет обеспечения реальной стоимостью [6]. В конце декабря 2018 г. финансовые учреждения (Национальный банк Украины, Национальная комиссия по ценным бумагам и фондовому рынку и Национальная комиссия, осуществляющая регулирование в сфере рынков финансовых услуг) сообщили, что криптовалюта не является денежным активом [6]. Нормативная неопределенность криптовалют играет и определенную роль в ходе судебного разбирательства гражданских споров и уголовных производств, которые с ней связаны.

Риск 2. Технологии использования криптовалют – теневая составляющая коррупции. Принципы, на основе которых функционирует криптовалюта, позволяют осуществлять децентрализованные, безопасные и анонимные транзакции через Интернет во всем мире, а также заключать смарт-контракты, связанные с использованием технологической системы Blockchain, фиксирующей соответствующие операции с цифровыми валютами в публичной цифровой книге [7, с. 310]. Таким образом, способ функционирования

криптовалют создает определенные условия для развития таких операций «в тени», когда невозможно отследить, от кого и куда она была направлена.

Риск 3. Невозможность проверки количества криптовалюты, которой владеет человек. По оценкам экспертов, этот риск назван «коррупционным курьезом», поскольку, даже имея информацию о количестве криптовалюты, которой владеет лицо, проверить ее не представляется возможным, что может быть использовано не в пользу правоохранительных органов. Лицо может скрывать информацию о моменте возникновения у него прав на криптовалюту, акцентируя внимание на том, что она была приобретена давно, а значительную стоимость в национальной валюте она приобрела только на момент проверки правоохранительными органами и т. п.

Итак, в настоящее время криптовалюта, одно из главных проявлений диджитализации в экономике, может рассматриваться как «удобный» легальный способ сокрытия нелегальных доходов и финансовых операций. В перспективе с развитием цифровой экономики будет развиваться и нормативное регулирование общественных отношений, связанных со спецификой криптовалюты, в том числе и на международном уровне, что будет способствовать созданию антипреступного фундамента для использования криптовалюты, в частности, нейтрализации связанных с ней коррупционных рисков и преступлений.

Список цитированных источников

1. Natarajan, H. Distributed ledger technology (DLT) and blockchain [Электронный ресурс] / H. Natarajan, S. K. Krause, H. L. Gradstein // Fintech Note. — 2017. — № 1. — 60 p. — Режим доступа: <http://documents.worldbank.org/curated/en/177911513714062215/pdf/122140-WP-PUBLIC-Distributed-Ledger-Technology-and-Blockchain-Fintech-Notes.pdf>. — Дата доступа: 14.03.2020.
2. European Central Bank. Virtual currency schemes – a further analysis [Электронный ресурс]. — Frankfurt am Main : European Central Bank, 2015. — 38 p. — Режим доступа: <https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/other/virtualcurrencyschemesen.pdf>. — Дата доступа : 14.03.2020.
3. Financial Action Task Force. Virtual currencies – key definitions and potential AML/CFT risks [Электронный ресурс]. — Paris : FATF/OECD, 2014. — 15 p. — Режим доступа: <http://www.fatf-gafi.org/media/fatf/documents/reports/Virtual-currency-key-definitions-and-potential-aml-cft-risks.pdf>. — Дата доступа: 14.03.2020.
4. Правовой режим криптовалют [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>. — Дата доступа: 14.03.2020.
5. О развитии цифровой экономики [Электронный ресурс] : Декрет Президента Респ. Беларусь, 21 дек. 2017 г., № 8. — Режим доступа: http://president.gov.by/ru/official_documents_ru/view/dekret-8-ot-21-dekabrya-2017-g-17716/. — Дата доступа: 14.03.2020.
6. Криптовалюта у деклараціях: чому НАЗК не слідкує за депутатськими біткойнами [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.radiosvoboda.org/a/29247836.html>. — Дата доступа: 14.03.2020.
7. Гребенюк, М. В. Правовой режим криптовалют: досвід ЄС / М. В. Гребенюк, Р. В. Лук'янчук // Наук. вісник Нац. акад. внутр. справ. — 2017. — № 4. — С. 310–323.

О ПРИЕМАХ КОНСТРУИРОВАНИЯ КВАЛИФИЦИРОВАННЫХ СОСТАВОВ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ИНТЕРЕСОВ СЛУЖБЫ

Караваяева В.А.

Одним из наиболее актуальных направлений совершенствования уголовного закона является повышение уровня нормотворческой техники его структурных элементов. Анализ изменений и дополнений, вносимых в Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК), свидетельствует о тенденции к усложнению конструкции статей Особенной части путем конструирования квалифицированных составов, характеризующихся повышенной степенью общественной опасности по сравнению с основным составом. Особую значимость приобретает проблема конструирования квалифицированных составов коррупционных преступлений против интересов службы, правильная юридическая оценка которых непосредственно влияет на эффективность противодействия коррупции в Республике Беларусь. Возникающие в следственной и судебной практике ошибки, обусловленные сложностью установления признаков общественно опасных деяний, совершаемых должностными лицами, нередко обусловлены недостатками нормотворческой техники, препятствующими правильной юридической оценке данных преступлений.

Отдельные вопросы конструирования квалифицированных составов коррупционных преступлений против интересов службы освещали в своих работах такие авторы, как Н. А. Бабий, А. В. Барков, Г. А. Василевич, И. О. Грунтов, А. В. Конюк, В. В. Лосев, В. В. Марчук, А. Л. Савенок, В. М. Хомич, Э. А. Саркисова и др. В большинстве случаев ученые указывают на недостатки в установлении конкретных квалифицирующих признаков, которые ввиду их сложности либо, наоборот, излишней абстрактности или оценочного характера затрудняют квалификацию содеянного. В то же время комплексного исследования приемов конструирования квалифицированных составов в отечественной литературе не проводилось; не разработаны требования нормотворческой техники, способствующие эффективности их применения.

При конструировании квалифицированных составов коррупционных преступлений против интересов службы законодатель нередко использует словосочетания в скобках, которые в большинстве случаев дословно повторяют названия статей. Так, в ч. 2 ст. 424 УК в скобках закреплено словосочетание «злоупотребление властью или служебными полномочиями»; в ч. 2 ст. 425 УК – «бездействие должностного лица»; в ч. 1 ст. 426 УК – «превышение власти или служебных полномочий»; в ч. 1 ст. 430 УК – «получение взятки» и т. д. Обозначая таким образом основной состав преступления, законодатель использует их в дальнейшем при конструировании всех квалифицированных составов. Например, сочетание «посредничество во взяточничестве», закрепленное в ч. 1 ст. 432 УК, выступает в роли абстрактного приема

отражения основного состава в квалифицированном и присутствует как в ч. 2, так и в ч. 3 указанной статьи. Подобный подход представляется понятным и логичным с точки зрения нормотворческой техники уголовного закона.

В некоторых случаях словосочетание в скобках, расположенное в основном составе, используется при конструировании квалифицированного состава, предусмотренного ч. 2 статьи, а в ч. 3 не используется. Так, словосочетание «получение взятки», закрепленное в ч. 1 ст. 430 УК, встречается в ч. 2 данной статьи, отражая признаки основного состава преступления. Однако в ч. 3 ст. 430 УК используется выражение «действия, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи». Подобная конструкция представляется не совсем логичной, поскольку в ч. 3 также можно было использовать словосочетание «получение взятки». Схожая ситуация характерна для ст. 426 УК: в ч. 2 данной статьи используется выражение «превышение власти или служебных полномочий», а в ч. 3 – «действия, предусмотренные частями 1 или 2 настоящей статьи». Формулировка ч. 3 ст. 426 с учетом расположенного в ней самостоятельного основного состава преступления, по конструкции объективной стороны относящегося к формальным, не позволяет использовать словосочетание в скобках. Насильственное превышение власти или служебных полномочий не предполагает наступление последствий, закрепленных в ч. 1 ст. 426 УК. На данный факт при характеристике преступлений против интересов службы справедливо указывает В. В. Лосев [1].

Нередко закрепленное в основном составе словосочетание в скобках не используется в дальнейшем при конструировании квалифицированных составов. Данная ситуация характерна, например, для ст. 425 УК «Бездействие должностного лица». В ч. 3 ст. 425 УК законодатель прибегает к выражению «деяния, предусмотренные частью 2 настоящей статьи». Буквальное толкование уголовно-правовой нормы позволяет констатировать, что привлечение лица к уголовной ответственности по ч. 3 ст. 425 УК возможно при отсутствии в его действии либо бездействии последствий, указанных в ч. 2 ст. 425 УК. Однако, конструкция основного состава преступления, закрепленного в ч. 2 ст. 425 УК, является формально-материальной [2, с. 89] и может предполагать наступление альтернативных последствий в виде невыполнения показателей, достижение которых являлось условием оказания государственной поддержки, либо причинения ущерба в крупном размере или существенного вреда правам и законным интересам граждан либо государственным или общественным интересам. В связи с этим использование в ч. 3 ст. 425 УК словосочетания «деяния, предусмотренные частью 2 настоящей статьи» представляется не совсем удачным.

При конструировании квалифицированного состава злоупотребления властью или служебными полномочиями законодатель использует выражение «действия, предусмотренные частью 2 настоящей статьи», несмотря на тот факт, что в основном составе в скобках указывается словосочетание, которое в точности повторяет название ст. 424 УК. Для квалификации содеянного по ч. 3 ст. 424 УК необходимо наступление общественно опасных последствий,

предусмотренных в ч. 2, поэтому прием, с помощью которого происходит конструирование квалифицированного состава, также является нецелесообразным.

Наличие такого количества способов использования словосочетаний в скобках в конструкциях квалифицированных составов коррупционных преступлений против интересов службы позволяет констатировать, что в настоящее время единый научно обоснованный подход к их использованию отсутствует. Прибегая к словосочетаниям в скобках как к абстрактному приему, очевидно, законодатель стремился упростить конструкцию статей, сократить их объем, сделать более доступными. Однако отсутствие конкретных требований нормотворческой техники уголовного закона, предъявляемых к конструированию квалифицированных составов, не способствует повышению качества уголовно-правовых норм и порождает проблемы квалификации.

Учитывая, что словосочетания в скобках, закрепленные в основных составах коррупционных преступлений против интересов службы, дословно повторяют названия статей и сами по себе не содержат признаков состава, на наш взгляд, они могут быть исключены. При этом для конструирования квалифицированного состава, с нашей точки зрения, необходимо использовать название статьи, понимая под ним основной состав.

Безусловно, на сегодняшний день не все статьи, содержащиеся в Особенной части УК, можно сформулировать при помощи данного приема. Представленный подход требует дальнейшей теоретической разработки, включающей вопросы исключения случаев закрепления основных составов во второй и последующих частях статьи, использования формально-материальной конструкции основного состава и т. д. Однако он представляется логичным и будет способствовать исключению ошибок в правоприменительной деятельности.

Список цитированных источников

1. Лосев, В. В. Определение злоупотребления служебными полномочиями как родового понятия умышленных преступлений должностных лиц [Электронный ресурс] : по состоянию на 29.08.2017 / В. В. Лосев // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

2. Ключко, Р. Н. Бездействие должностного лица (ст. 425 УК Республики Беларусь): история становления и развития признаков состава преступления / Р. Н. Ключко // Уголовно-правовые нормы об экономических и служебных преступлениях: проблемы правоприменительной и законодательной техники / отв. ред. Л. Л. Кругликов. – Ярославль, 2010. – С. 83–97.

О СУБЪЕКТАХ, ВЕДУЩИХ АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ Ч. 3 СТ. 12.7 КоАП РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Карсюк Д.С.

С целью предотвращения проявлений коррупции и их выявления в систему мер борьбы с коррупцией согласно абз. 3 ч. 1 ст. 5 Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З «О борьбе с коррупцией» (далее – Закон) законодатель включает установление ограничений, а также специальных требований, направленных на обеспечение финансового контроля в отношении государственных должностных и приравненных к ним лиц.

В частности, для недопущения действий, которые могут привести к использованию государственными должностными лицами своего служебного положения и связанных с ним возможностей и основанного на нем авторитета в личных, групповых и иных внеслужебных интересах, на таких лиц возложена обязанность подписать письменные обязательства по соблюдению ограничений, установленных в ст. 17–20 Закона, за нарушение которых государственное должностное лицо привлекается к ответственности в соответствии с законодательными актами.

Одним из таких ограничений является запрет на занятие предпринимательской деятельностью лично либо через иных лиц (абз. 2 ч. 1 ст. 17 Закона). Аналогичный запрет для отдельных категорий государственных должностных лиц установлен и иными нормативными правовыми актами: например, для судей – в ст. 111 Конституции Республики Беларусь, для государственных служащих – в подп. 1.1 п. 1 ст. 22 Закона Республики Беларусь от 14 июня 2003 г. № 204-З «О государственной службе в Республике Беларусь» и др.

Правопослушное поведение должностных лиц обеспечивается мерами государственного принуждения, разновидностью которых является привлечение к юридической ответственности.

Незаконная предпринимательская деятельность, учитывая ее вовлеченность в частноправовые и публично-правовые отношения, может привести к различным видам юридической ответственности. На наш взгляд, в юридической литературе и практической деятельности недостаточное внимание уделено административной ответственности.

Административное принуждение, необходимость которого не должна подвергаться сомнению и в современных условиях, является наиболее реальным правовым средством (методом), обеспечивающим соблюдение законности и государственной дисциплины, должное поведение разнообразных по своим качествам участников управленческих общественных отношений [1, с. 10].

Административная ответственность, являясь одной из самых распространенных видов ответственности, обладает рядом преимуществ. Административно-процессуальную деятельность отличают от иных видов

процесса такие черты, как известная упрощенность и ускоренность отдельных процессуальных действий, множественность субъектов, уполномоченных на назначение административных наказаний и т. п. [1, с. 366].

За занятие предпринимательской деятельностью лицом, для которого установлен запрет на осуществление такой деятельности законодательными актами, предусмотрена административная ответственность по ч. 3 ст. 12.7 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях» (далее – КоАП), которая предусматривает наложение штрафа в размере от десяти до тридцати базовых величин. Названная ответственность наступает за любой факт занятия государственным должностным лицом предпринимательской деятельностью при отсутствии в его действиях состава преступления.

На наш взгляд, снижает эффективность проводимой борьбы с незаконным предпринимательством, в том числе обусловленным нарушением законодательства о борьбе с коррупцией, узкий круг должностных лиц и органов, уполномоченных на ведение административного процесса по анализируемому административному правонарушению.

Правонарушение, предусмотренное ч. 3 ст. 12.7 КоАП, характеризуется основным и дополнительным объектами. В качестве основного объекта выступают общественные отношения в области предпринимательской деятельности. Дополнительным объектом являются общественные отношения, складывающиеся по вопросам порядка управления, поскольку административная ответственность за совершение данного правонарушения в том числе предусмотрена за нарушение установленного законодательством о борьбе с коррупцией запрета на занятие предпринимательской деятельностью.

Таким образом, анализируемое правонарушение следует отнести к категории экономических, а в случае совершения его государственным должностным лицом – коррупционных.

Вместе с тем не все субъекты, призванные бороться с названными категориями правонарушений, обладают возможностью государственного принуждения проверяемых лиц к правомерному поведению посредством привлечения их к административной ответственности.

Так, исходя из анализа главы 3 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях, составлять протоколы об административных правонарушениях по ч. 3 ст. 12.7 КоАП уполномочены только должностные лица органов Комитета государственного контроля Республики Беларусь, а при осуществлении надзорных функций – прокуроры. Рассматривают такие дела соответственно органы Комитета государственного контроля Республики Беларусь, а в случае осуществления подготовки дела к рассмотрению прокурорами – суды.

В то же время согласно ст. 6 Закона государственными органами, осуществляющими борьбу с коррупцией, а равно обязанными реагировать на нарушения законодательства в сфере борьбы с коррупцией, являются органы прокуратуры, внутренних дел и государственной безопасности.

С целью обеспечения такой деятельности в названных правоохранительных органах создаются специальные подразделения по борьбе с коррупцией, обладающие расширенными полномочиями, которые отражены в ст. 8 Закона. Согласно подп. 2.1.6 п. 2.1 Критериев оценки деятельности государственных органов и иных организаций по борьбе с коррупцией и экономическими правонарушениями, утвержденных постановлением Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, Совета Министров Республики Беларусь, Комитета государственного контроля Республики Беларусь, Следственного комитета Республики Беларусь от 30 декабря 2014 г. № 30/1257/2/260, одним из критериев оценки деятельности органов внутренних дел, государственной безопасности в сфере борьбы с коррупцией и экономическими правонарушениями является именно количество выявленных административных правонарушений в сфере экономики.

При этом должностные лица органов внутренних дел и государственной безопасности в случае обнаружения признаков административного правонарушения, предусмотренного ч. 3 ст. 12.7 КоАП, фактически имеют возможность лишь направить соответствующую информацию в органы Комитета государственного контроля Республики Беларусь или органы прокуратуры Республики Беларусь, что снижает оперативность реализации возможностей административно-правового принуждения.

На основании изложенного полагаем, что наделение полномочием на ведение административного процесса по ч. 3 ст. 12.7 КоАП только органов Комитета государственного контроля Республики Беларусь не в полной мере согласовывается с положениями законодательства о борьбе с коррупцией, сужает возможности административно-правового реагирования на факты незаконного занятия предпринимательской деятельностью государственными должностными лицами. В свою очередь, расширение перечня уполномоченных субъектов административной юрисдикции приведет к активизации работы по борьбе с коррупцией, сопряженной с незаконной предпринимательской деятельностью.

Список цитированных источников

1. Комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях / Ю. М. Козлов [и др.] ; под ред. Ю. М. Козлова. – М. : Юристъ, 2002. – 449 с.

ОБОСНОВАНИЕ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ ОБ ИЗДАНИИ НОРМАТИВНОГО ПРАВОВОГО АКТА БЕЗ ПРОВЕДЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬНОЙ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Касьянова Е.В.

В настоящее время криминологическая экспертиза проектов нормативных правовых актов и нормативных правовых актов в Республике Беларусь входит в систему мер по предупреждению преступности и созданию

надлежащих условий для прогнозирования возможных криминогенных последствий принятия (издания) правовых актов. Функция по проведению криминологической экспертизы возложена на государственное учреждение «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Проведение криминологической экспертизы проектов нормативных правовых актов и нормативных правовых актов является одним из средств противодействия коррупции и представляет собой обязательный этап подготовки нормативного правового акта. Проведение обязательной криминологической экспертизы принятого нормативного правового акта осуществляется в порядке, определенном Положением о порядке проведения криминологической экспертизы, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 29 мая 2007 г. № 244 «О криминологической экспертизе» (далее – Положение).

Обязательная криминологическая экспертиза предшествует стадии принятия (издания) нормативного правового акта и проводится в период, когда нормативный правовой акт является проектом, поскольку цель экспертизы состоит в выявлении в проектах нормативных правовых актов (нормативных правовых актах) норм, применение которых может повлечь (повлечло) возникновение негативных последствий в различных сферах общественных отношений в связи с наличием рисков криминогенного характера.

В настоящее время обязательной криминологической экспертизе подлежат проекты законов, правовых актов Президента Республики Беларусь, Совета Министров Республики Беларусь, Комитета государственного контроля, Национального банка, Управления делами Президента Республики Беларусь, Следственного комитета, Государственного комитета судебных экспертиз. В исключительных случаях проект нормативного правового акта может быть принят (издан) до проведения обязательной криминологической экспертизы, с последующим ее проведением, кроме закона и декрета.

Решение о принятии (издании) правового акта, кроме проектов правовых актов Президента Республики Беларусь, которые подлежат внесению на рассмотрение Главы государства, без проведения обязательной криминологической экспертизы и последующем направлении его для проведения данной экспертизы принимается уполномоченным (уполномоченными) на его принятие (издание) нормотворческим органом (нормотворческими органами). Например, Совет Министров Республики Беларусь имеет право принять такое решение в отношении проектов постановлений Совета Министров Республики Беларусь.

Порядок направления официально опубликованного нормативного правового акта на обязательную криминологическую экспертизу определен п. 14 Положения. Следует отметить, что к нормативному правовому акту, направляемому на экспертизу, прилагаются документы, как к проекту нормативного правового акта. В частности, это сопроводительное письмо, обоснование необходимости принятия (издания) правового акта, включая финансово-экономическое обоснование, аналитические и статистические

материалы, обосновывающие необходимость принятия (издания) правового акта, сведения о согласовании и визировании проекта правового акта, в том числе о неучтенных замечаниях и предложениях, заключение по результатам проведения обязательной юридической экспертизы и иные экспертные заключения по проекту правового акта при их наличии.

Следует обратить внимание, что в законодательстве отсутствует четкое требование к оформлению в сопроводительных материалах принятого на уровне уполномоченного нормотворческого органа решения о принятии (издании) нормативного правового акта без проведения обязательной криминологической экспертизы. По нашему мнению, в обосновании необходимости принятия (издания) правового акта, прилагаемого к документам, направляемым на обязательную криминологическую экспертизу, необходимо указывать обоснование решения о принятии (издании) нормативного правового акта без проведения обязательной криминологической экспертизы, ссылку на документ, в котором содержится такое решение. Данную информацию следует включать в обосновании необходимости принятия (издания) правового акта в целях исключения коррупционных проявлений со стороны должностных лиц, принимающих решение о принятии (издании) нормативного правового акта до его прохождения обязательной криминологической экспертизы.

На основании изложенного считаем, что отсутствие обоснования необходимости принятия (издания) правового акта в документе (обосновании необходимости принятия (издания) правового акта), направляемом вместе с пакетом документов на криминологическую экспертизу, не позволяет определить исключительность случая, не терпящего отлагательства издания нормативного правового акта. Таким образом, в целях обеспечения реализации антикоррупционных мер нормотворческого процесса считаем целесообразным в п. 10 Положения уточнить требования к предоставлению информации о принятии решения на издание проекта нормативного правового акта без проведения обязательной криминологической экспертизы.

О НАКАЗУЕМОСТИ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В УКРАИНЕ

Книженко О.А., Шамара А.В.

Сравнительно недавно в уголовное законодательство Украины были внесены изменения, касающиеся наказуемости коррупционных преступлений. Речь идет о принятии Закона Украины от 14 октября 2014 г. № 1698-VII «О Национальном антикоррупционном бюро Украины». Именно им были ужесточены меры, касающиеся уголовной ответственности за коррупцию. В частности, изменились редакции ст. 45–48, 69, ч. 1 ст. 75 Уголовного кодекса Украины (далее – УК Украины). За совершение коррупционного преступления сегодня невозможно освободить лицо от уголовной ответственности в связи

с деятельным раскаянием, примирением с потерпевшим, передачей лица на поруки, а также в связи с изменением обстановки. Невозможным является и назначение наказания ниже нижнего предела (ст. 69 УК Украины). Не позволяют указанные изменения применить и освобождение от отбывания наказания с испытанием в случае осуждения за указанные преступления.

Таким образом, сложилась ситуация, при которой законодатель позволяет применить освобождение от отбывания наказания с испытанием за более тяжкие преступления, в результате которых либо невозможно восстановить нарушенное право, или же его восстановление будет иметь относительный характер. К примеру, лицо совершило убийство при нескольких смягчающих обстоятельствах. Санкция ч. 1 ст. 115 УК Украины предусматривает наказание в виде лишения свободы от семи до пятнадцати лет. Применяя ст. 69 УК Украины («Назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено законом»), суд, назначив пять лет лишения свободы, на основании ст. 75 УК Украины может освободить это лицо от отбывания наказания с испытанием. При совершении же коррупционного преступления такое невозможно.

Ограничения по применению ст. 69 УК Украины имеются лишь относительно коррупционных преступлений. То есть речь идет о тех деяниях, которые посягают на возобновляемое благо. Государство может восстановить нарушенное право от коррупционного преступления, чего не скажешь о преступлениях против жизни и здоровья или иных преступлениях, где в качестве последствия имеется и нарушение права на жизнь или здоровье (к примеру, террористический акт, геноцид и т. д.).

Таким образом, украинский законодатель за преступления, более опасные, нежели коррупционные, предоставляет возможность избрать суду меру реагирования, в результате применения которой на лицо возлагается выполнение ряда обязательств в течение испытательного срока без лишения свободы.

Такая нормативная практика не может быть признана справедливой и способной выполнить поставленные перед уголовным законодательством задачи.

Свидетельством этого является как нарабатанная судебная практика, так и доктрина уголовного права. В частности, в уголовно-правовой науке уже давно известны случаи, когда практика применения законодательства корректировала слишком строгие санкции. Суды их просто не применяли.

Подобная ситуация сложилась и касательно освобождения от отбывания наказания с испытанием за совершение коррупционных преступлений.

По общему правилу, изложенному в ч. 1 ст. 75 УК Украины, суд не может лицо освободить от отбывания наказания с испытанием в случае осуждения за коррупционное преступление. В то же время в ч. 2 этой статьи определяется, что суд принимает решение об освобождении от отбывания наказания с испытанием в случае утверждения соглашения о примирении или о признании вины, если сторонами этого соглашения согласовано наказание в виде исправительных работ, служебного ограничения для военнослужащих, ограничения свободы, лишения свободы на срок не более пяти лет, а также согласовано освобождение от отбывания наказания с испытанием. Следует

отметить, что такие соглашения заключаются в соответствии со ст. 468–472 Уголовного процессуального кодекса Украины (далее – УПК Украины).

Указанные положения ч. 2 ст. 75 УК Украины позволили Пленуму Высшего специализированного суда Украины по рассмотрению гражданских и уголовных дел в 2015 г. в постановлении «О практике осуществления судами уголовного производства на основании соглашений» прийти к следующим выводам. По его мнению, действующий УК и УПК Украины регулируют две разновидности освобождения от отбывания наказания с испытанием:

1) общую – когда требуется установление возможности исправления осужденного без отбывания наказания;

2) специальную – в случае утверждения соглашения о примирении или о признании виновности, для заключения которого выяснение вопросов, определенных в ч. 1 ст. 75 УК Украины, не является обязательным [1].

Такое толкование закона является ошибочным, поскольку необходимо учитывать положения и иных статей Общей части УК Украины (а именно ст. 65 УК Украины).

Оценивать ч. 1 и 2 ст. 75 УК Украины как две самостоятельные, абсолютно независимые нормы нельзя. Этот вывод следует из того, что в ч. 1 ст. 75 УК Украины определены основания и условия применения освобождения от отбывания наказания с испытанием. В частности, условиями его применения является назначение наказания в виде исправительных работ, служебного ограничения для военнослужащих, ограничения свободы, а также лишение свободы на срок не более пяти лет. Исходя из изменений, внесенных в 2014 г., добавилось еще одно условие – преступление не должно быть коррупционным.

Основания освобождения от отбывания наказания с испытанием обусловлены общественной опасностью совершенного преступления и лица, его совершившего. Применение освобождения от отбывания наказания с испытанием возможно прежде всего в отношении тех лиц, общественная опасность которых невелика, и данные, характеризующие виновного, свидетельствуют о возможности достижения исправления лица без отбывания основного наказания.

Поскольку условиям и основаниям осуждения с испытанием было уделено внимание в предыдущих работах [2; 3], данный вопрос в рамках этой публикации подниматься не будет.

В случае же признания самостоятельности указанных норм основания применения освобождения от отбывания наказания с испытанием при утверждении соглашения о примирении или о признании вины являются иными, а не теми, которые указаны в ч. 1 ст. 75 УК Украины. Это означало бы, что при заключении такого соглашения не имеет значения ни тяжесть совершенного преступления, ни личность виновного, ни обстоятельства дела, позволяющие сделать вывод о возможности исправления осужденного без отбывания наказания. Достаточно всего лишь достигнуть соглашения о примирении или о признании вины, что само по себе является нарушением положений ст. 65 УК Украины.

Указанное доказывает, что освобождение от отбывания наказания с испытанием в любом случае должно происходить при наличии оснований и условий, определенных в ч. 1 ст. 75 УК Украины. Исключение составляют несовершеннолетние, беременные женщины и женщины, имеющие детей в возрасте до семи лет, поскольку для них законодатель предусмотрел особенности, которые определены в ст. 79, 104 УК Украины.

Игнорирование положений ч. 1 ст. 75 УК Украины, а именно обстоятельств дела, которые дают основание сделать вывод о возможности исправления осужденного без отбывания наказания, будет свидетельствовать о том, что соглашение будет заключаться и в отношении коррупционера, который негативно характеризуется, не способен исправиться без отбывания наказания, но к нему вопреки указанным требованиям, однако в силу достигнутой договоренности, применяется освобождение от отбывания наказания с испытанием. Это еще раз свидетельствует о том, что слишком суровые санкции корректируются в ходе правоприменительной практики.

Список цитируемых источников

1. Про практику здійснення судами кримінального провадження на підставі угод : постанова Пленуму Вищого спеціалізованого суду України з розгляду цивільних і кримінальних справ от 11 грудня 2015 р. № 13 [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/v0013740-15>. – Дата доступу: 02.03.2020.

2. Книженко, О. О. Звільнення від відбування покарання з випробуванням за кримінальним правом України : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / О. О. Книженко. – Харків, 2003. – 207 с.

3. Книженко, О. А. Условное осуждение или система испытания / О. А. Книженко // Законность. – 2002. – № 9. – С. 38–40.

К ВОПРОСУ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В УКРАИНЕ

Крайник Г.С., Дунаева Т.Е.

Благодаря конструктивному сотрудничеству специализированных субъектов противодействия коррупции в Украине (Служба безопасности Украины, Государственное бюро расследований, Национальное антикоррупционное бюро Украины, Специализированная антикоррупционная прокуратура, Национальное агентство по предупреждению коррупции, Национальное агентство Украины по вопросам выявления, розыска и управления активами, полученными от коррупционных и других преступлений (АРМА), Специализированный антикоррупционный суд и др.) за последние годы есть конкретные результаты, свидетельствующие об эффективности реформы правоохранительных органов, противодействующих коррупции, в Украине. Так, по материалам расследований зарегистрировано свыше 670 уголовных производств за 2018–2019 годы [1, с. 174–175].

В ст. 216 «Подследственность» Уголовного процессуального кодекса Украины от 13 апреля 2012 г. № 4651-VI (далее – УПК Украины) указан не полный перечень преступлений, предусмотренный Уголовным кодексом Украины от 5 апреля 2001 г. № 2341-III (далее – УК Украины). Некоторые коррупционные преступления, не указанные в ст. 216 УПК Украины, расследует Национальная полиция Украины. Согласно ч. 1 ст. 216 УПК Украины следователи органов Национальной полиции осуществляют досудебное расследование уголовных правонарушений, предусмотренных законом Украины об уголовной ответственности, кроме тех, которые отнесены к подследственности других органов досудебного расследования. Например, Национальная полиция Украины расследует коррупционные преступления, предусмотренные ст. 262, 308, 312, 313, 320, 357, 368-3, 368-4, 368-5, 369-1 УК Украины. Следователи органов безопасности и следователи органов, осуществляющих контроль за соблюдением налогового законодательства, на данный момент не осуществляют досудебное расследование коррупционных преступлений. При этом в ч. 2 ст. 216 УПК Украины указаны «органы безопасности» (абз. 2 ч. 1 ст. 216) и «органы, осуществляющие контроль за соблюдением налогового законодательства» (ч. 3 ст. 216), но их перечень не раскрыт в УПК Украины. Считаем целесообразным в ст. 3 УПК Украины «Определение основных терминов Кодекса» закрепить следующие определения: «органы безопасности» и «органы, осуществляющие контроль за соблюдением налогового законодательства». Наличие определения этих терминов и перечня соответствующих органов будет способствовать более глубокому теоретическому осмыслению этих терминов и единому правоприменению.

УПК Украины (ч. 5 ст. 216) предусматривает, что детективы Национального антикоррупционного бюро Украины расследуют коррупционные преступления, предусмотренные ст. 191, 210, 354, 364, 369-2, 410 УК Украины. Считаем, что следует усовершенствовать ст. 216 «Подследственность» УПК Украины путем указания в этой статье исчерпывающего перечня правоохранительных органов, которые расследуют коррупционные преступления.

Без совершенствования перечня коррупционных преступлений, указанного в примечании к ст. 45 УК Украины, сохраняется возможность освобождения от уголовной ответственности за их совершение по ст. 45–48 УК Украины, применения более мягкого наказания, чем предусмотрено законом, в порядке ст. 69 УК Украины, освобождения от наказания с испытательным сроком (ст. 75 УК Украины) и др.

Законом Украины от 14 октября 2014 г. № 1698-VII «О Национальном антикоррупционном бюро Украины» ст. 45 УК Украины была дополнена примечанием, в котором был установлен перечень коррупционных преступлений. С учетом изменений, внесенных Законом Украины от 12 февраля 2015 г. № 198-VIII «О внесении изменений к некоторым законодательным актам Украины относительно обеспечения деятельности Национального антикоррупционного бюро Украины и Национального агентства по вопросам предупреждения коррупции», коррупционными

преступлениями признаются деяния, предусмотренные ст. 191, 262, 308, 312, 313, 320, 357, 410 УК, в случае их совершения путем злоупотребления служебным положением, а также деяния, предусмотренные ст. 210, 354, 364, 364-1, 365-2, 368–369-2 УК Украины.

В УК Украины предусмотрено 21 коррупционное преступление, содержащиеся в семи (из двадцати) разных разделах Особенной части УК: 1) раздел VI (преступления против собственности) – ст. 191; 2) раздел VII (преступления в сфере хозяйственной деятельности) – ст. 210; 3) раздел IX (преступления против общественной безопасности) – ст. 262; 4) раздел XIII (преступления в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов или прекурсоров и другие преступления против здоровья населения): ст. 308, 312, 313, 320; 5) раздел XV (преступления против авторитета органов государственной власти, органов местного самоуправления, объединений граждан и преступления против журналистов) – ст. 354, 357; 6) раздел XVII (преступления в сфере служебной деятельности и профессиональной деятельности, связанной с предоставлением публичных услуг): ст. 364, 364-1, 365-2, 366-1, 368 и др.; 7) раздел XIX (военные преступления) – ст. 410 УК Украины.

Однако перечень коррупционных преступлений следует усовершенствовать по двум направлениям:

1) исключить из этого списка преступления, не являющиеся коррупционными по сути (например, нецелевое использование бюджетных средств, осуществление расходов бюджета или предоставление кредитов из бюджета без установленных бюджетных назначений или с их превышением, предусмотренное ст. 210 УК Украины, может быть и не связано с получением неправомерной выгоды или ее обещанием или предложением);

2) включить в этот перечень действительно коррупционные преступления, которые на данный момент не признаны таковыми в Украине.

Например, похищение, присвоение наркотических средств или прекурсоров и т. д. (ст. 308 и 312 УК Украины) относятся к коррупционным преступлениям в случае злоупотребления должностным лицом своим служебным положением, а торговля людьми (ч. 2, 3 ст. 149 УК Украины) не является коррупционным деянием даже в случае совершения должностным лицом с использованием служебного положения. Иной пример – преступление, предусмотренное ст. 160 УК Украины («Подкуп избирателя, участника референдума»), является коррупционным по сути, но не входит в перечень таких преступлений [2; 3; 4].

Итак, сформулируем выводы и предложения.

1. В ст. 3 УПК Украины «Определение основных терминов Кодекса» считаем целесообразным закрепить определения таких терминов, как «органы безопасности» и «органы, осуществляющие контроль за соблюдением налогового законодательства». Наличие определения этих терминов и перечня соответствующих органов будет способствовать их более глубокому теоретическому осмыслению и единому правоприменению.

Следует усовершенствовать УПК Украины путем указания исчерпывающего перечня правоохранительных органов, которые расследуют коррупционные преступления.

2. Перечень коррупционных преступлений (указанный в примечании к ст. 45 УК Украины) в Украине следует усовершенствовать по двум направлениям: 1) исключить из него преступления, не являющиеся коррупционными по своей сути, например, деяние, предусмотренное ст. 210 УК Украины; 2) включить в этот перечень действительно коррупционные преступления, которые на данный момент не признаны таковыми, например, деяния, предусмотренные ч. 2, 3 ст. 149 УК Украины и ст. 160 УК Украины.

Список цитированных источников

1. Дунаєва, Т. Є. Спеціалізовані суб'єкти протидії корупції в Україні та їх роль у мінімізації рівня корупційної злочинності [Електронний ресурс] / Т. Є. Дунаєва // Вісник асоціації кримінального права України: електрон. наук. фахове вид. – 2018. – Вип. 1 (10). – С. 174–187. – Режим доступа: <http://vakp.nlu.edu.ua/article/view/161680/162639>. – Дата доступа: 12.03.2020.

2. Настюк, В. Я. Проблемные вопросы административной и уголовной ответственности за коррупционные правонарушения в Украине / В. Я. Настюк, Г. С. Крайник // Право Украины. – 2015. – Вып. 12. – С. 48–57.

3. Крайник, Г. С. Щодо визнання нецільового використання бюджетних коштів корупційним злочином / Г. С. Крайник, В. О. Заточна // Молодий вчений. – 2019. – № 10 (74). – С. 587–591.

4. Крайник, Г. С. Щодо визнання корупційним злочину, передбаченого ст. 160 Кримінального кодексу України, та удосконалення визначення неправомірної вигоди / Г. С. Крайник // 25 років становлення Сумської філії Харківського національного університету внутрішніх справ: славетна історія та горизонти майбутнього: матеріали Міжнарод. наук.-практ. конф., м. Суми, 21–22 лютого 2020 р. / Сумська філія Харківського нац. ун-ту внутр. справ. – Суми: Видавничий дім «Ельдорадо», 2020. – С. 194–195.

ВНЕДРЕНИЕ СИСТЕМ ЭЛЕКТРОННОГО СЛЕДСТВИЯ И ОЦИФРОВКИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ КАК ПРЕДПОСЫЛКА УСПЕШНОЙ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА

Мартынов Ю.А.

Одним из направлений совершенствования законодательства в сфере борьбы с коррупцией является разработка, обсуждение, принятие и последующее применение новых норм УК и УПК Республики Беларусь. Цифровизация экономики и других важнейших сфер нашего общества, как ни странно, почти не затронула уголовно-процессуальное законодательство. Робкие шаги белорусских законодателей по внедрению новейших информационно-коммуникативных технологий (ИКТ) в правовую ткань уголовного процесса (допущение производства некоторых следственных

действий с использованием видеоконференцсвязи и др.) являются явно запоздалыми и недостаточными в реагировании на новые вызовы и угрозы со стороны транснациональной организованной преступности [1, с. 49–54].

Регламентация процедуры окончания предварительного расследования, предусмотренная ст. 255–262 УПК Республики Беларусь, нуждается в серьезных изменениях. Экономическая неэффективность данной процедуры проявляется в том, что для ознакомления участников процесса с материалами оконченого производством уголовного дела (которое бывает многотомным) необходимы значительные материальные средства, а главное – время следователя и иных государственных служащих. Не урегулирован вопрос о техническом аспекте ознакомления: за чей счет производится копирование материалов уголовного дела; кем должны быть предоставлены средства копирования и т. д. Вместе с тем ученые признают совершенствование нормативной правовой базы исходной посылкой борьбы с коррупцией и теневой экономикой [2; 3; 4; 5].

Коррупционные риски появляются там, где законодателем не установлены четкие «правила игры», нормы взаимодействия чиновника и гражданина. В последнее десятилетие в Беларуси сделаны серьезные шаги по реализации проекта «Электронное правительство». Ныне любое лицо вправе направить электронное обращение в любую властную структуру, в том числе в правоохранительный орган. Несоизмеримо (в разы) увеличилась быстрота реакции и качество реагирования правоохранителей на заявления и сообщения граждан и представителей юридических лиц о преступлениях и происшествиях. Несомненно, это повлекло устойчивое снижение уровня преступности в Республике Беларусь. Так, по данным МВД Республики Беларусь уровень преступности существенно снизился за последнее десятилетие [6; 7].

Однако если проанализировать действующие нормы уголовного процесса, регламентирующие делопроизводство (документирование следственных и иных процессуальных действий, ознакомление участников процесса с материалами дела), то следует признать их несоответствие сегодняшним реалиям. Например, как можно следователю выполнить требование нормы УПК, устанавливающей месячный срок на ознакомление всех участников процесса с материалами многотомного дела? А если таких участников более тысячи? Ведь уголовные дела по фактам создания и деятельности «финансовых пирамид» в конце 90-х – начале 2000-ых уже возбуждались и были расследованы на территории Республики Беларусь. До сих пор многие белорусы так и не получили возмещение вреда, причиненного создателями печально известной пирамиды «МММ» Сергеем и Вячеславом Мавроди. А ведь даже по приблизительным подсчетам количество пострадавших по данному делу составило 10 миллионов человек. Из них более пятидесяти покончили жизнь самоубийством, потеряв последние сбережения [8].

В эру стремительных информационных потоков со стороны недобросовестных пользователей коммуникационных сетей (прежде всего «Всемирной паутины») все чаще происходят попытки обмана неограниченного

круга лиц. Завладевая конфиденциальной информацией, преступники наносят огромный как материальный, так и моральный вред добросовестным пользователям-потребителям.

Современным вызовам и угрозам должны противостоять современные (и своевременно принятые Парламентом) нормы уголовного и уголовно-процессуального законодательства.

Главный редактор известного российского журнала «Уголовный процесс» И. Рамазанов в своей статье «Будущее уголовного процесса», опубликованной летом 2018 г., описал некоторые преимущества проекта системы «электронное уголовное дело»: «Представьте себе, что вы включаете компьютер, заходите на сайт уголовных дел в производстве, находите по реквизитам уголовное дело, в котором участвуете, авторизуетесь и получаете доступ ко всем материалам дела. Нумерация страниц в деле сквозная, проставляется программой, при этом каждый из участников видит, в какой момент и кто именно добавил документ к делу (ходатайство, жалобу, постановление, определение и т. д.). И нет больше никаких споров по поводу того, получил или нет адресат процессуальный документ, когда получил, нет злоупотреблений, фальсификаций и т. д. Это система электронного уголовного дела. Пока она существует только в виде предложений, но предпосылки для ее создания уже есть» [9].

Полагаем, что для максимального внедрения информационно-коммуникативных технологий и решения проблемы затягивания процессуальных сроков в деятельность следственных подразделений Следственного комитета Республики Беларусь следует разработать и реализовать два современных проекта: 1) систему электронного следствия; 2) систему оцифровки уголовных дел.

Сущность системы электронного следствия состоит во внедрении автоматизированного механизма непосредственного контроля за следствием в целях предотвращения нарушений прав человека; внедрении автоматизированных систем напоминания об истечении процессуальных сроков в целях предотвращения нарушений и обеспечения разумных сроков следствия; разработке и унификации форм процессуальных постановлений и протоколов следственных действий; использовании поисковых систем, аккумулирующих ключевую информацию, отраженную в постановлениях о привлечении лица в качестве обвиняемого и в иных процессуальных актах; ведении статистического учета следственных и иных действий.

Система оцифровки уголовных дел представляет собой специальный комплекс, хранящий копии уголовных дел в электронном виде, что позволяет обеспечить бессрочное хранение уголовного дела, а при необходимости дистанционно ознакомиться следователям, сотрудникам процессуального контроля и прокурорам с результатами предварительного расследования, использовать отдельные процессуальные документы из других дел в досудебном производстве. Результаты использования систем электронного следствия и оцифровки уголовных дел позволят значительно повысить эффективность работы сотрудников Следственного комитета, прокуратуры и органов дознания.

Так, в Армении для максимального внедрения информационных технологий в следственную деятельность уже к середине 2017 г. были реализованы описанные выше два современных проекта: система электронного следствия и система оцифровки уголовных дел [10, с. 73–75].

Полагаем, что реализация данных проектов позволит следователям рационально использовать высвободившееся дополнительное время для проведения следственных и иных процессуальных действий, позволит оптимизировать процессуальное оформление предварительного расследования, а для контролирующих и надзирающих органов – повысить оперативность процессуального контроля, качество надзора за предварительным следствием.

Однако внедрять информационные технологии необходимо и в деятельность смежных ведомств, таких как МВД, МЧС, ГТК, ГПК, ГКСЭ и др. Например, пункты 10, 23 и 28 совместного Постановления Генеральной прокуратуры, Следственного комитета, МВД, МЧС, Министерства обороны, КГК, КГБ, Государственного пограничного комитета, Государственного таможенного комитета и Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь от 26 декабря 2016 г. № 36/278/338/77/42/7/32/17/28/24, регламентирующие передачу материалов уголовного дела и материалов проверки из одного ведомства в другое, полагаем, необходимо дополнить словами «и их электронные копии», предусмотрев одновременное направление электронных копий документов, что в обозримом будущем приведет к использованию только электронного документооборота.

Список цитированных источников

1. Шкаплеров, Ю. П. Проведение следственных действий с использованием систем видеоконференцсвязи в уголовном процессе Республики Беларусь / Ю. П. Шкаплеров // Предвар. расследование. – 2017. – № 2. – С. 49–54.
2. Аслаханов, А. А. Преступность в сфере экономики (криминологические и уголовно-правовые проблемы) / А. А. Аслаханов. – М., 1997.
3. Дадалко, В. А. Теневая экономика и кризис власти: проблемы и пути решения / В. А. Дадалко, Е. Е. Румянцева, Д. А. Пешко. – Минск : Армита-Маркетинг, Менеджмент, 2000.
4. Пешко, Д. А. Мафия: бизнес, идеология, политика / Д. А. Пешко, В. А. Дадалко. – Минск, 1994.
5. Филиппович, С. И. Социально-экономические аспекты формирования и эффективного ограничения теневых сфер экономики / С. И. Филиппович. – Минск, 1998.
6. Статистика Министерства внутренних дел Республики Беларусь за 2018 год. – Режим доступа: <https://www.mvd.gov.by/ru/page/statistika/stats>. – Дата доступа: 18.02.2020.
7. Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Число зарегистрированных преступлений и уровень преступности в Республике Беларусь. – Режим доступа: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/pravonarusheniya/grafiki_diagrams/uroven-prestupnosti-po-respublike-belarus/. – Дата доступа: 18.02.2020.
8. Интервью начальника отдела по расследованию тяжких и особо тяжких преступлений СК при МВД России В. Ващенко каналу РТР по уголовному делу об обвинении Сергея и Вячеслава Мавроди // Программа «Вести Плюс». Канал РТР. 6 февр. 2003 г., 22 часа 20 минут.
9. Рамазанов, И. Будущее уголовного процесса / И. Рамазанов // Уголов. процесс. – 2018. – № 7. – С. 6.

ПРЕВЫШЕНИЕ ВЛАСТИ ИЛИ СЛУЖЕБНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ: ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ

Никитин Ю.А.

В соответствии с ч. 1 ст. 426 УК уголовно наказуемым является умышленное совершение должностным лицом действий, явно выходящих за пределы прав и полномочий, предоставленных ему по службе, повлекшее причинение ущерба в крупном размере или существенного вреда правам и законным интересам граждан либо государственным или общественным интересам.

Рассматриваемое преступление состоит в совершении действий, *явно выходящих за пределы прав и полномочий должностного лица*, предоставленных ему по службе, то есть относящихся к полномочиям другого должностного лица, в том числе вышестоящего по службе, либо действий, которые могли быть совершены самим должностным лицом только при наличии особых обстоятельств, либо действий, которые никто ни при каких обстоятельствах не вправе совершать (п. 21 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 16 декабря 2004 г. № 12 «О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (ст.ст. 424–428 УК)» (далее – постановление Пленума).

Таким образом, исходя из смысла установленного уголовно-правового запрета, должностное лицо при совершении указанного преступления нарушает предъявляемое к нему законное требование действовать строго в пределах полномочий, которые предоставлены ему в рамках служебной компетенции. Действия должностного лица в этом случае изначально незаконны только потому, что они совершены неуполномоченным должностным лицом, юридически не наделенным правом на их совершение [1].

Превышение власти или служебных полномочий влечет уголовную ответственность в случае причинения ущерба в крупном размере или существенного вреда правам и законным интересам граждан либо государственным или общественным интересам.

Уголовно наказуемым по ст. 426 УК являются два альтернативных преступных деяния:

– *превышение власти*, которое может совершить только лицо, наделенное властными полномочиями, т. е. представитель власти;

– *превышение служебных полномочий*, ответственность за которое несет любое другое должностное лицо, вышедшее за пределы полномочий, предоставленных ему правовыми актами.

Для состава рассматриваемого преступления важно установить, что совершенные должностным лицом по службе действия *явно* выходили за пределы предоставленных полномочий, т. е. очевидно, бесспорно (прежде всего для самого должностного лица). Если вопрос о превышении власти или служебных полномочий является неоднозначным, и должностное лицо превысило полномочия вследствие нечеткого определения круга служебных обязанностей или недостаточно четкого распределения полномочий между вышестоящими и нижестоящими должностными лицами, уголовная ответственность за превышение власти или служебных полномочий исключается [2].

Говоря о квалификации действий должностного лица, которые могут быть совершены им только при наличии особых обстоятельств, на наш взгляд, следует согласиться с мнением исследователей, полагающих, что подобные противоправные действия не представляют собой *явный выход за пределы должностных полномочий*. Превышая должностные полномочия, виновный выходит за пределы предоставленных ему прав, а не за пределы «оснований и условий их реализации» [3].

В данном случае возникает обоснованный вопрос о соотношении ст. 424 и ст. 426 УК. Так, при злоупотреблении полномочиями должностное лицо незаконно, вопреки интересам службы использует предоставленные ему законом права и полномочия, так же как и при одной из форм превышения полномочий (совершение должностным лицом действий при исполнении служебных обязанностей в пределах своей компетенции, но при отсутствии особых обстоятельств, указанных в законе или подзаконном акте) [4].

Исходя из разъяснений Пленума, совершение должностным лицом действий, которые могли быть совершены самим должностным лицом только при наличии особых обстоятельств, должны квалифицироваться как превышение служебных полномочий. К таким обстоятельствам относятся, например, обстоятельства, позволяющие сотрудникам милиции применять оружие и специальные средства. Например, в ст. 29 Закона Республики Беларусь «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» перечисляются случаи, когда сотрудник органов внутренних дел имеет право на применение оружия (в частности, совершение лицом действий, правомерно запрещенных ему сотрудником органов внутренних дел, которые могут быть истолкованы им как угроза применения насилия, опасного для жизни или здоровья его или иных граждан). Также в названной статье указано, при каких обстоятельствах запрещается применять или использовать оружие, в том числе в отношении несовершеннолетних, когда их возраст очевиден или известен, за исключением случаев совершения указанными лицами вооруженного либо группового нападения или иных действий, угрожающих жизни или здоровью граждан.

Таким образом, при применении оружия в случаях, не оговоренных вышеуказанным Законом (например, производство выстрела в убегающего подростка, совершившего хищение и не угрожающего жизни или здоровью граждан), сотрудник милиции совершает действия по службе, которые формально соответствуют его компетенции и полномочиям, но по существу

являются незаконными, поскольку совершены в нарушение требований законности (объективной необходимости), т. е. вопреки интересам службы.

Поэтому, на наш взгляд, использование должностным лицом своих прав, которые могут быть им реализованы только при наличии особых обстоятельств, более правильным было бы квалифицировать как злоупотребление должностными полномочиями.

Между тем вопрос квалификации подобных деяний (как превышения или злоупотребления должностными полномочиями) порожден проблемой разграничения этих двух преступлений в целом.

В юридической литературе по поводу соотношения двух названных преступлений высказываются различные мнения.

Большинство ученых превышение служебных полномочий считают формой или частным случаем злоупотребления полномочиями.

Однако высказывается и другое вполне обоснованное мнение о том, что правомерная реализация должностных полномочий предполагает соблюдение двух требований в совокупности: 1) наличие правомерного основания реализации полномочия (юридического факта, при наличии которого полномочие может быть и одновременно должно быть реализовано); 2) соблюдение процедурной формы. Очевидно, что нарушение либо материального, либо процессуального основания реализации должностного полномочия представляет собой его превышение. В ситуации использования должностным лицом принадлежащих ему полномочий вопреки интересам службы субъект неизбежно либо нарушает процедуру осуществления полномочия, либо действует без легитимного основания. Поэтому злоупотребление должностными полномочиями невозможно как таковое: юридическая природа злоупотребления предполагает нарушение либо основания, либо процесса реализации предоставленного лицу права, то есть фактически злоупотребление представляет собой один из видов превышения должностных полномочий [5].

В этой связи возникает еще один обоснованный и поднимаемый в юридической литературе вопрос: как следует квалифицировать «неявный» выход за пределы должностных полномочий, то есть неочевидное отступление от регламентированных прав и полномочий (компетенции должностного лица) [6]?

Как свидетельствует правоприменительная практика, одни и те же действия должностных лиц, связанные с незаконным использованием служебных полномочий, могут квалифицироваться органами следствия и судами и как злоупотребление служебными полномочиями, и как их превышение.

Одним из выходов из сложившейся ситуации видится признание злоупотребления служебными полномочиями формой их превышения и соответствующей квалификации по ст. 426 УК, тем более что многими учеными и практиками признается, что данное преступление обладает более высокой общественной опасностью по сравнению с преступлением, предусмотренным ст. 424 УК. Однако это является прерогативой законодателя.

1. Любавина, М. А. Разграничение злоупотребления должностными полномочиями и превышения должностных полномочий / М. А. Любавина // КриминалистЪ. – 2010. – № 1. – С. 44–46.
2. Хомич, В. М. Постатейный комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь. Особенная часть. Раздел XIII. Преступления против государства и порядка осуществления власти и управления. Глава 35. Преступления против интересов службы (статьи 424–433) [Электронный ресурс] / В. М. Хомич // ИБ «КонсультантПлюс. Комментарии Законодательства. Белорусский Выпуск» / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2020.
3. Борков, В. Н. Преступления против осуществления государственных функций, совершаемые должностными лицами: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / В. Н. Борков. – Омск, 2015. – С. 14.
4. Гааг, И. А. Проблемы квалификации преступлений, связанных со злоупотреблением и превышением должностных полномочий / И. А. Гааг, Е. Н. Разыграева // Вестн. Кемеровского гос. ун-та. – 2014. – № 3. – Т. 1. – С. 258.
5. Греков, К. А. Квалификация преступлений, совершаемых путем превышения должностных полномочий: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / К. А. Греков. – Ростов н/Д, 2007. – С. 8–9.
6. Хилjuta, В. В. Превышение власти или служебных полномочий (ст. 426 Уголовного кодекса Республики Беларусь) [Электронный ресурс] / В. В. Хилjuta // ИБ «КонсультантПлюс. Комментарии Законодательства. Белорусский Выпуск» / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2020.

О КВАЛИФИКАЦИИ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ МЕР ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ КОРРУПЦИИ

Новикова Е.В.

Одним из направлений реализации стратегии противодействия коррупции должно стать совершенствование правоприменительной практики правоохранительных органов и судов по делам, связанным с коррупцией.

К сожалению, в правоприменительной практике нередко допускаются ошибки в квалификации преступлений. Причины таких ошибок носят многоплановый характер. Для правильного применения уголовно-правовой нормы требуется наличие как минимум двух составляющих: научно обоснованной криминализации общественно опасных деяний и правильного толкования норм уголовного закона со стороны принимающих решение субъектов. Для правильного применения нормы закона недостаточно руководствоваться «всеми обстоятельствами дела». Требуется высокий уровень профессиональных знаний и значительный практический опыт. Современное правоприменение подчас характеризуется примитивно-механическим толкованием уголовного закона. Это попытка применить норму закона без понимания смысла уголовно-правового запрета, поверхностно, без учета критериев криминализации того или иного общественно опасного поведения, без анализа сути уголовной противоправности определенного преступления. Особенно важно глубинное понимание содержания преступления в случаях

использования законодателем для его описания оценочных признаков, что характерно для коррупционных преступлений. Как известно, законодатель при конструировании нормы может использовать обобщенные понятия, тем самым расширяя пределы для принятия решения правоприменителем. Возможен и другой подход, при котором законодатель строго формализует признак преступления. Такой подход имеет существенный недостаток, заключающийся в опасности создания пробела уголовно-правового регулирования или запрета. Многое сказано о квалификационных ошибках, связанных с неверным толкованием оценочных понятий. Не будем повторяться. Вместе с тем обратим внимание на участвовавшие в последнее время призывы формализации оценочных признаков. Многолетнее применение уголовного закона доказало неизбежность сохранения оценочных признаков и невозможность их формализации посредством легального толкования («иная личная заинтересованность», «существенный вред», «иные тяжкие последствия») в УК. Идея исключения из составов коррупционных преступлений оценочных признаков и сохранения только признака «причинения имущественного ущерба» удобна для правоприменения, но не обеспечивает эффективной уголовно-правовой охраны общественных отношений, не связанных непосредственно с материальными ценностями. Оценочные понятия позволяют, не меняя уголовный закон, учитывать содержание и изменения многообразных факторов объективного и субъективного характера. Кроме того, не представляется возможным оценить в денежном выражении такие серьезные последствия, как неосновательное лишение человека избирательного права, лишение возможности получить качественную медицинскую помощь, причинение вреда здоровью нескольких лиц и т. п.

Анализ судебной практики демонстрирует наличие квалификационных ошибок, которые связаны с правовой оценкой достаточно простых фактических обстоятельств. Например, суды не всегда учитывают при вменении ст. 210 УК, что злоупотребление служебными полномочиями хотя и совершено по корыстным мотивам и причинило имущественный вред, однако не связано с безвозмездным завладением имуществом. Такие ошибки встречаются в случаях фиктивного трудоустройства работника и начисления заработной платы другому лицу, фактически выполнявшему оплачиваемую работу. В обобщенном виде ситуация может выглядеть так. По приговору одного из районных судов М. была признана виновной в том, что, являясь должностным лицом, в чьи обязанности входило руководство работой обслуживающего персонала, составила заведомо ложные документы о приеме на работу К. В течение двух лет вносила в таблицы учета рабочего времени недостоверные сведения, которые предоставляла в бухгалтерию для начисления заработной платы К. за выполненную работу. Суд, квалифицировав содеянное по ст. 210 УК, не учел, что хотя М. и составляла фиктивные договоры, фактически она сама выполняла предусмотренную договором работу, т. е. отсутствует обязательный признак хищения – безвозмездность. Несмотря на однозначное разъяснение, содержащееся в п. 15 постановления Пленума Верховного Суда от 21 декабря 2001 г. № 3, в материалах дел можно встретить

утверждение о том, что факт выполнения работ в подобных ситуациях не имеет значения и не исключает ответственность за хищение, поскольку денежные средства получены незаконно, по фиктивным трудовым соглашениям.

Встречаются разночтения в квалификации ситуаций, связанных с получением должностным лицом незаконного вознаграждения за совершение преступных действий. Правила квалификации в данном случае также закреплены в постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь. Так, в п. 9 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 26 июня 2003 г. № 6 сказано: «Если действия (бездействие) должностного лица содержат состав преступления против интересов службы, содеянное квалифицируется по совокупности ст.ст. 430, 431 УК и соответствующей статье, предусматривающей ответственность за преступление против интересов службы». Получение взятки признается юридически окончанным преступлением «с момента принятия должностным лицом материального вознаграждения» (п. 6 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 26 июня 2003 г. № 6). Все обусловленные взяткодателем деяния, совершенные должностным лицом за пределами факта взяточничества и относящиеся к правонарушениям, требуют самостоятельной юридической оценки. Идеальной совокупности преступлений быть не может. Это всегда реальная совокупность, т. к. получение взятки и последующие «преступные услуги» совершаются разными деяниями. В диспозиции ч. 1 ст. 430 УК сказано: «Принятие должностным лицом для себя или для близких материальных ценностей либо приобретение выгод имущественного характера, предоставляемых исключительно в связи с занимаемым им должностным положением...». Если дача незаконного указания связана с должностным положением обвиняемого и осуществлена в сфере его служебной деятельности, то есть все основания констатировать превышение власти или служебных полномочий как самостоятельное преступление (при наличии всех его признаков).

Несмотря на бесспорную недопустимость «квалификации с запасом», подобные примеры продолжают встречаться в судебной практике. Так, согласно установленным судом обстоятельствам И., занимая должность первого заместителя председателя начальника управления сельского хозяйства и продовольствия райисполкома, используя свои служебные полномочия, в период с марта по апрель 2018 г., являясь организатором, разработал преступную схему хищения бычка в ОАО «И» и вовлек в совершение данного преступления исполняющую обязанности главного зоотехника этого хозяйства П., которая, следуя незаконным указаниям И., при помощи иных лиц противоправно завладела предварительно подобранным И. бычком, передав его после этого в распоряжение И. Указанные действия И. квалифицированы судом по ч. 4 ст. 16, ч. 2 ст. 210 и ч. 3 ст. 426 УК. В порядке надзора установлено, что с момента окончания хищения, когда И. смог распоряжаться похищенным бычком по своему усмотрению, он никаких иных действий, свидетельствующих о превышении власти либо ином злоупотреблении им своими служебными полномочиями, не совершал, поэтому в данном случае отсутствует совокупность хищения имущества и преступления против

интересов службы. Все совершенные И. как должностным лицом и государственным служащим действия являются способом хищения, охватываются составом преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 16, ч. 2 ст. 210 УК, и дополнительной квалификации по ч. 3 ст. 426 УК не требуют [1].

Указанные примеры, на наш взгляд, не относятся к разряду сложных, дискуссионных, допускающих различную интерпретацию уголовного закона или правил квалификации преступления. В связи с чем возникает вопрос о причинах подобного рода ошибок. Если мыслить масштабно в контексте разрабатываемой стратегии борьбы с коррупцией, то хотелось бы заметить, что подобные «мелкие» квалификационные недочеты со стороны правоприменителя способны создать весьма неблагоприятный фон для реализации самых благих идей противодействия коррупции.

Список цитированных источников

1. Об изменении приговора и апелляционного определения [Электронный ресурс] : постановление Президиума областного суда от 23 авг. 2019 г. // Консультант Плюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

ГРАЖДАНСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ С ОСУЖДЕННЫМ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ДОСТИЖЕНИЯ ЦЕЛЕЙ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ (С УЧЕТОМ ПОЛОЖЕНИЙ УК ГРУЗИИ)

Павлова Л.В.

Законом Республики Беларусь от 11 ноября 2019 г. № 253-З в Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК) были внесены дополнения, касающиеся вопросов ответственности и отбывания наказания лицами, совершившими коррупционные преступления. В частности, осужденные за совершение коррупционных преступлений, не подлежат условно-досрочному освобождению от наказания (ч. 8 ст. 90 УК), к ним не применяется замена неотбытой части наказания более мягким наказанием (ч. 7 ст. 91 УК); перечень коррупционных преступлений приведен в примечании к ст. 90 УК.

Появившиеся нововведения были неоднозначно восприняты в обществе, особое внимание было обращено не столько на правовые, сколько на социальные аспекты [1]. В качестве дискуссионных вопросов отмечалось применение наказания к виновным лицам как безоговорочной кары, без учета возможности лица твердо стать на путь исправления или доказать свое исправление для смягчения назначенного наказания. Это нивелирует идею эффективности мер уголовно-исправительного воздействия в среднесрочном порядке их применения, а также отрицательно сказывается на возможности принятия судом решения о смягчении уголовно-правового воздействия в период отбывания лицом наказания. Указанное предопределяет и дополнительные сложности при назначении наказания, особенно в виде лишения свободы, в частности в выборе адекватных ограничений, которые будут применяться к лицу

значительное время после вынесения приговора. В этой связи представляется уместным привести точку зрения А. В. Баркова по вопросам назначения наказания, отметившего, что «исчерпывающая правовая регламентация этого процесса невозможна и, вероятно, вредна. Важно найти оптимальное сочетание правовых предписаний и усмотрения суда. Если назначение наказания будет «зарегулировано», то при видимом соблюдении законности пострадают такие принципы уголовной ответственности как справедливость и гуманизм, вряд ли будут достигаться цели уголовной ответственности» [2].

Согласно ст. 44 УК в числе целей уголовной ответственности рассматривается исправление лица, совершившего преступление, и предупреждение совершения новых преступлений. Полагаем, что в качестве одного из средств достижения приведенных целей уголовной ответственности возможно рассматривать стимулирование положительного постпреступного поведения. В дополнение к имеющимся в белорусском УК положениям целесообразно рассмотреть вопрос о смягчении уголовно-правового воздействия в отношении лица, осужденного за совершение ненасильственного преступления (в том числе осужденного за совершение коррупционного преступления), в виду его особых характеристик (способностей), имеющих высокое общесоциальное значение. В основу данного предложения положен опыт Грузии, где предусмотрена возможность заключения гражданского соглашения с осужденным, проявившим образцовое поведение и выразившим готовность поделиться своими знаниями и опытом в определенной сфере, а также соблюсти иные условия соглашения. Соответствующие положения введены в Уголовный кодекс Грузии (далее – УК Грузии) в 2012 г. и направлены на гуманизацию уголовного законодательства и обеспечение общественных интересов посредством возложения на осужденного определенных обязанностей [3].

Указанное соглашение может быть заключено прокурором с условно осужденным и влечь отмену условного осуждения и снятие судимости до истечения половины испытательного срока (ч. 1 ст. 67-1 УК Грузии). При этом законодателем Грузии сформирован особый подход относительно условного осуждения как меры реагирования; например, при назначении лишения свободы на определенный срок суд правомочен приговором постановить отбывание части наказания, а зачет остальной части наказания при соблюдении некоторых условий – в качестве условного осуждения (ч. 5 ст. 50 УК Грузии).

Согласно ч. 2 ст. 67-1 «Гражданское соглашение» УК Грузии «прокурор может с учетом поведения условно осужденного оформить с ним гражданское соглашение, если он имеет желание и возможность поделиться с другими своими знаниями и опытом в определенной сфере. Гражданским соглашением определяются обязанности условно осужденного, а также время, в течение которого должны быть выполнены указанные обязательства и по истечении которого условно осужденному могут быть отменено условное осуждение и снята судимость». Надзор за исполнением обязательств, принятых по гражданскому соглашению, осуществляет Бюро пробации, которому

прокурор периодически представляет информацию в связи с выполнением условий указанного соглашения (ч. 3 ст. 67-1 УК Грузии).

Тем самым выполнение осужденным соглашения, заключение которого обусловлено исключительно высокой социальной значимостью имеющегося у данного лица уникального опыта и специальных знаний, которыми он готов поделиться в интересах общества и государства, грузинским законодателем рассматривается как основание, значимое для улучшения правового положения указанного лица. В УК Грузии не раскрыт вопрос о том, каким образом при решении вопроса о целесообразности заключения с лицом гражданского соглашения происходит оценка его способностей как уникальных; представляется, что это может быть отнесено к компетенции специально создаваемой комиссии в соответствующей сфере деятельности (международное сотрудничество, медицина, экономика, IT-индустрия, др.).

Теоретико-правовое обоснование данного подхода связано с вопросами уголовно-правового компромисса. Для нашей республики практика обращения к уголовно-правовому компромиссу не нова [4], соответствующий опыт правового регулирования применен в отечественном уголовном законе, что соответствует международно-правовым рекомендациям расширения практики использования альтернативных мер воздействия в отношении лица, совершившего преступление. Однако до настоящего времени в УК Беларуси не предусмотрены компромиссные нормы о соглашении с лицом, в отношении которого судом постановлен обвинительный приговор. Ориентируясь на цели уголовной ответственности, представляется, что социально-полезный эффект освобождения из мест лишения свободы лица, обладающего уникальными профессиональными способностями, совершившего ненасильственное преступление и согласившегося продолжить трудовую деятельность в интересах общества, будет значительно выше, чем применение к нему исправительного воздействия в общеустановленном порядке. Об актуальности данной проблематики свидетельствуют официальные признания достижений таких лиц и периодически поступающие ходатайства от трудовых коллективов, общественных объединений [5; 6]. Безусловно, данные вопросы требуют широкого общественного обсуждения, закрепления соответствующих гарантий для сторон, составления протокола согласования условий и срока реализации такого соглашения, детализации порядка его реализации и др.

Вместе с тем полагаем, что вышеприведенный законодательный опыт Грузии о заключении гражданского соглашения с осужденным заслуживает внимания и может быть учтен при проведении научных исследований и совершенствовании отечественного законодательства по вопросам смягчения уголовно-правового воздействия в отношении осужденных, в том числе лиц, совершивших коррупционные преступления.

Список цитированных источников

1. Родственники осужденных по экономическим статьям объединились и обратились в АП [Электронный ресурс] // News.tut.by: Информационный портал. – Режим доступа: <https://news.tut.by/economics/667961.html>. – Дата доступа: 26.02.2020.

2. Барков, А. В. Правовая регламентация назначения наказания / [Электронный ресурс] : [по состоянию на 23.03.2005 г.] / А. В. Барков // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

3. Georgia Republic Criminal Laws, Regulations and Procedures. Strategic Information and Basic Laws // World Business and Investment Library ; IBP, Inc. – Vol. 1. – Lulu.com, 2015. – 312 p.

4. Семин, А. А. Уголовно-правовой компромисс и его влияние на ответственность субъекта : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А. А. Семин. – Минск, 2006. – 144 л.

5. Экс-руководитель РНПЦ травматологии академик Белецкий обжаловал приговор [Электронный ресурс] // Sputnik.by: Информационный портал. – Режим доступа: <https://sputnik.by/incidents/20190527/1041319739/Eks-rukovoditel-RNPTs-travmatologii-akademik-Beletskiy-obzhaloval-prigovor.html>. – Дата доступа: 04.03.2020.

6. Анна Норкус удостоена почетного звания «Человек года Витебщины – 2018» [Электронный ресурс] // Belta.by: Белорусское телеграфное агентство. – Режим доступа: <https://www.belta.by/regions/view/anna-norkus-udostoena-pochetnogo-zvanija-chelovek-goda-vitebschiny-2018-336150-2019/>. – Дата доступа: 04.03.2020.

НОРМАТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ЗАПРЕТА КОРРУПЦИОННЫХ ДЕЯНИЙ В УКРАИНЕ

Пащенко А.А.

1. Объявление определенного общественно опасного деяния противоправным не является прерогативой норм уголовного права. Как правило, уголовно-правовой запрет основывается на провозглашении защиты тех или иных общественно значимых ценностей иными отраслями. Так, уголовно-правовые нормы, обеспечивающие защиту жизни и здоровья, основываются на положениях Конституции Украины, а также Всеобщей декларации прав человека; нормы, предусматривающие уголовную ответственность за посягательства на собственность, тоже основываются на конституционных положениях, а также на нормах гражданского и хозяйственного законодательства. Не являются в этом смысле исключением и уголовно-правовые нормы, являющиеся результатом процесса криминализации коррупционных деяний в Украине.

Переходя к анализу предписаний соответствующих нормативно-правовых актов, считаем целесообразным подразделить их на положения украинского и международного законодательства в сфере противодействия коррупции.

2. Следует отметить, что начиная с 2014 г. украинское законодательство в исследуемой сфере претерпело ряд изменений, которые, на наш взгляд, следует признать существенными. Основными новеллами являются положения Закона Украины от 14 октября 2014 г. «О предотвращении коррупции», который определяет правовые и организационные основы функционирования системы предотвращения коррупции в Украине, содержание и порядок применения превентивных антикоррупционных механизмов, правила по устранению последствий коррупционных правонарушений; Закон Украины от 14 октября 2014 г. «Об основах государственной антикоррупционной политики в Украине (Антикоррупционная стратегия) на 2014–2017 гг.»,

определяющий первоочередные меры по предотвращению и противодействию коррупции, которые должны создать основу для дальнейшего проведения реформы в этой сфере; Закон Украины от 14 октября 2014 г. «О национальном антикоррупционном бюро Украины», который определяет правовые основы организации и деятельности Национального антикоррупционного бюро Украины; Закон Украины от 10 ноября 2015 г. «О Национальном агентстве Украины по вопросам выявления, розыска и управления активами, полученными от коррупционных и других преступлений», определяющий правовые и организационные основы функционирования Национального агентства Украины по вопросам выявления, розыска и управления активами, полученными от коррупционных и других преступлений; Закон Украины от 16 сентября 2014 г. «Об очищении власти», который определяет правовые и организационные основы проведения очищения власти (люстрации) для защиты и утверждения демократических ценностей, верховенства права и прав человека в Украине; Закон Украины «Об утверждении Государственной программы по реализации основ государственной антикоррупционной политики в Украине (Антикоррупционной стратегии) на 2015–2017 гг.», целью этой программы является создание эффективной общегосударственной системы предотвращения и противодействия коррупции на основе новых принципов формирования и реализации антикоррупционной политики; постановление Кабинета Министров Украины от 18 марта 2015 г. № 118 «О создании Национального агентства по вопросам предотвращения коррупции» (образован центральный орган исполнительной власти со специальным статусом, деятельность которого направляется и координируется Кабинетом Министров Украины); Указ Президента Украины от 14 октября 2014 г. № 808/2014 «О национальном совете по вопросам антикоррупционной политики». Согласно этому указу создан соответствующий консультативно-совещательный орган при Президенте Украины.

3. Характеризуя международные договоры Украины об ответственности за коррупционные правонарушения и их уголовно-правовое значение, необходимо отметить следующее. По своей сути коррупционные преступления являются конвенционными, их существование определяется международным правом. Так, ст. 8 «Криминализация коррупции» Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. (ратифицирована Украиной с оговорками и заявлениями 4 февраля 2004 г.) указывает на необходимость признавать уголовно-наказуемыми такие деяния:

а) обещание, предложение или предоставление публичному должностному лицу, лично или через посредников, какого-либо неправомерного преимущества для самого должностного лица или иного физического или юридического лица для того, чтобы это должностное лицо совершило какое-либо действие или бездействие при выполнении своих служебных обязанностей;

б) вымогательство или принятие публичным должностным лицом, лично или через посредников, какого-либо неправомерного преимущества для самого должностного лица или иного физического или юридического лица для того,

чтобы это должностное лицо совершило какое-либо действие или бездействие при выполнении своих служебных обязанностей.

Кроме того, Конвенция предусматривает, что каждое государство-участник должно рассмотреть возможность признать уголовно-наказуемыми: 1) случаи, о которых идет речь выше, если в них принимает участие любое иностранное публичное должностное лицо или международный гражданский служащий; 2) участие в качестве сообщника в совершении какого-либо преступления, признанного таковым в соответствии со ст. 8 указанной Конвенции; 3) любые другие формы коррупции.

О коррупционных преступлениях, а точнее «преступлениях, связанных с коррупцией» (в соответствии с официальным переводом на украинский язык), упоминает Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию (ETS 173), принятая 27 января 1999 г. в Страсбурге и ратифицированная Украиной 18 октября 2006 г. О «коррупционных действиях» говорится в Конвенции о гражданско-правовой ответственности за коррупцию (ETS 174), принятой 4 ноября 1999 г. в Страсбурге и ратифицированной Украиной 16 марта 2005 г. Также в Конвенции ООН против коррупции от 31 марта 2003 г. (ратифицирована Украиной с заявлениями 18 октября 2006 г.) говорится о «преступлениях, признанных (определенных) настоящей Конвенцией». Эта конвенция основывается на ряде важных международно-правовых документов по предотвращению и противодействию коррупции.

Кроме того, как отмечает А. В. Савченко, понятие «коррупционное преступление» является широко применяемым в законодательстве многих стран мира, в том числе возникших на территории бывшего СССР (Киргизия, Молдова и др.), правовые системы которых близки к правовой системе Украины. Поэтому считаем необходимым поддержать вывод указанного ученого о том, что имплементация термина «коррупционное преступление» в национальное уголовное законодательство является вполне обоснованным и необходимым шагом [1, с. 10–12]. Изложенное позволяет сделать вывод о наличии нормативных оснований уголовно-правового запрета коррупционных деяний в Украине.

Список цитированных источников

1. Савченко, А. В. Корупційні злочини (кримінально-правова характеристика) : навч. посіб. / А. В. Савченко. – Київ : Центр учбової літератури, 2016. – 168 с.

УЧАСТИЕ ПРОКУРОРА В РАССМОТРЕНИИ ДЕЛ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Сенько А.С.

На современном этапе важнейшим направлением деятельности органов прокуратуры является борьба с коррупцией. Это связано также с тем обстоятельством, что Генеральная прокуратура Республики Беларусь признана

государственным органом, ответственным за организацию борьбы с коррупцией. Обладая данным статусом, прокуратура наделена многоплановыми полномочиями, позволяющими ей обеспечивать правореализацию предусмотренной Законом Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. «О борьбе с коррупцией» (далее – Закон о борьбе с коррупцией), а также иными правовыми актами комплексной системы мер борьбы с коррупцией, в том числе направленными на противодействие административным правонарушениям, создающим условия для коррупции, и административным коррупционным правонарушениям.

Противодействие данным административным правонарушениям осуществляется в рамках административно-деликтного процесса, правовой основой которого являются Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – ПИКоАП), Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях, Закон Республики Беларусь от 8 мая 2007 г. «О прокуратуре Республики Беларусь», Закон о борьбе с коррупцией.

Воздействие прокуратуры на административные правонарушения коррупционной направленности прослеживается в русле трех процессуальных направлений (функций) – функции прокурорского надзора за исполнением законов при ведении административного процесса и исполнением административного взыскания; функции административно-деликтного обвинения лиц; функции участия прокурора в рассмотрении дел об административных правонарушениях.

Следует отметить, что институт участия прокурора в рассмотрении дел об административных правонарушениях в целом и административных правонарушениях коррупционной направленности в частности не достаточно регламентирован действующим законодательством и практически не освещен в юридической литературе. Как результат, он недостаточно интенсивно реализуется в правоприменительной деятельности надзорного органа.

Подобное положение дел требует тщательной теоретической проработки анализируемого вопроса с целью выработки конкретных предложений по его осуществлению, в том числе путем внесения соответствующих изменений в действующее законодательство.

Прокурор вправе участвовать в рассмотрении дел об административных правонарушениях коррупционной направленности на основании предписаний ч. 1 ст. 3.29 ПИКоАП, в соответствии с которыми должностное лицо органа, ведущего административный процесс, направившее дело об административном правонарушении на рассмотрение, может участвовать в его рассмотрении, если ходатайствует об этом, а также давать объяснения и представлять доказательства по делу об административном правонарушении. Таким образом, на сегодняшний день законодатель предоставляет право прокурору только в одном случае принять участие в рассмотрении дела об административном правонарушении, а именно, когда он лично составил протокол об административном правонарушении коррупционной направленности.

Вместе с тем такая правовая модель, как представляется, по ряду причин не может адекватно отвечать правовым ожиданиям государства относительно эффективности деятельности органов прокуратуры по борьбе с коррупцией.

Во-первых, прокуратура как государственный орган, ответственный за организацию борьбы с коррупцией, призвана аккумулировать информацию о фактах, свидетельствующих о коррупции; анализировать эффективность применяемых мер по противодействию коррупции; координировать правоохранительную деятельность иных государственных органов, осуществляющих борьбу с коррупцией; осуществлять надзор за исполнением руководителями государственных органов и иных организаций требований Закона о борьбе с коррупцией и иных актов законодательства в сфере борьбы с коррупцией и в случае выявления правонарушений принимать меры по привлечению лиц, их совершивших, к ответственности, установленной законодательными актами; готовить предложения по совершенствованию правового регулирования борьбы с коррупцией; осуществлять иные полномочия в сфере борьбы с коррупцией, установленные законодательными актами (ст. 7 Закона о борьбе с коррупцией). Выполнению данных задач во многом бы содействовала возможность участия прокурора в рассмотрении всех дел об административных правонарушениях коррупционной направленности.

Во-вторых, необходимость участия прокурора в рассмотрении дел об административных правонарушениях вызывается, как видится, конституционными предписаниями об отправлении правосудия на основе состязательности и равенства сторон в процессе (ст. 115 Конституции Республики Беларусь). Данная норма дублируется в ст. 8 Кодекса Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей.

Дело в том, что определенные категории дел об административных правонарушениях подлежат рассмотрению судами (ст. 3.2 ПИКоАП). Дела об административных правонарушениях рассматриваются судами в рамках административного судопроизводства [1, с. 11–12; 2, с. 46–56]. Несмотря на то что в ПИКоАП принцип состязательности и равенства сторон напрямую не закреплен, следует согласиться с авторами, утверждающими, что данный принцип находит свое проявление в ходе производства по делам об административных правонарушениях [3, с. 33–40]. В связи с этим для обеспечения при рассмотрении судами дел об административных правонарушениях рассматриваемого конституционного принципа необходимо ввести такого обязательного участника судебного рассмотрения дел об административных правонарушениях, как прокурора.

В-третьих, прослеживаемая тенденция сближения административно-деликтного и уголовного законодательства также требует определенной унификации в вопросе процессуального сопровождения уголовных дел и дел об административных правонарушениях [4, с. 13–20]. В частности, речь идет о расширении категорий дел об административных правонарушениях, в рассмотрении которых участвует прокурор.

В-четвертых, в ряде государств – членов Евразийского экономического союза и Содружества Независимых Государств прокуратуре предоставлены широкие полномочия по участию в рассмотрении дел об административных правонарушениях [5, с. 338–342]. Подобный опыт, несомненно, должен учитываться при решении вопроса содержательного наполнения функциональной деятельности прокуратуры Республики Беларусь по участию в административно-деликтном процессе.

Исходя из вышеизложенного, учитывая правовой статус отечественной прокуратуры, полагаем, что должностных лиц органов прокуратуры необходимо наделить правомочиями по участию в рассмотрении всех дел об административных правонарушениях, в том числе дел об административных правонарушениях коррупционной направленности. Данную задачу целесообразно решать поэтапно. На первом этапе – предоставить возможность участия по инициативе прокурора в рассмотрении дел об административных правонарушениях коррупционной направленности, а также всего круга дел об административных правонарушениях, рассматриваемых судами. На втором – определить категории дел об административных правонарушениях, рассматриваемых иными органами, ведущими административный процесс. На третьем и последующих этапах – ввести категории дел об административных правонарушениях, участие в рассмотрении которых для прокуроров является обязательным.

Список цитированных источников

1. Гвоздев, Д. В. Административная юстиция: теоретико-правовой анализ / Д.В. Гвоздев; вступ. ст. Л. М. Рябцева; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Академия МВД, 2019. – 307 с.
2. Панкова, О. В. Проблемы соотношения и разграничения административного судопроизводства и производства по делам об административных правонарушениях / Панкова О. В. // Государство и право. – 2019. – № 12. – С. 46–56.
3. Антонов, С. Н. Реализация конституционного принципа состязательности и равноправия сторон в производстве по делам об административных правонарушениях / С. Н. Антонов, К. С. Баканов // Законы России. – 2012. – № 12. – С. 33–43.
4. Шергин, А. П. Современные тенденции интеграции административно-деликтного и уголовного законодательства / А. П. Шергин, К. Ф. Шергина // Законы России. – 2019. – № 11. – С. 13–20.
5. Головки, И. И. Участие прокурора в рассмотрении судами дел об административных правонарушениях в некоторых государствах СНГ / И. И. Головки // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции : сб. науч. тр. / ГУ «Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь»; редкол. : В. В. Марчук (гл. ред.) [и др.]; под ред. В. В. Марчука, А. В. Солтановича. – Минск : Изд. центр БГУ, 2018. – Вып. 11. – С. 227–343.

О РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРИНЦИПОВ ОХРАНЫ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ СОБСТВЕННОСТИ И ОБЖАЛОВАНИЯ СУДЕБНЫХ ПОСТАНОВЛЕНИЙ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О КОРРУПЦИОННЫХ И ИНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Солтанович А.В., Богданович Н.А.

Законом Республики Беларусь от 18 июля 2017 г. № 53-З «О внесении изменений и дополнений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Республики Беларусь» ст. 132 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК), регламентирующая основания и порядок наложения ареста на имущество, изложена в новой редакции. Так, в частности, ч. 2 указанной статьи предусматривает, что органом дознания или следователем с санкции прокурора или его заместителя, прокурором или его заместителем, судом может быть наложен арест на имущество, находящееся в собственности других лиц, для проверки его фактической принадлежности, источников происхождения и законности отчуждения, если есть достаточные основания полагать, что это имущество было отчуждено подозреваемым, обвиняемым в целях сокрытия принадлежности или источников происхождения такого имущества либо для финансирования террористической деятельности, терроризма, экстремистской деятельности (экстремизма), организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступной организации, распространения или финансирования распространения оружия массового поражения; ч. 3 определяет, что арест на имущество, находящееся в собственности других лиц, налагается на время предварительного расследования и (или) судебного разбирательства.

Наложение ареста на имущество, находящееся в собственности других лиц, при установлении фактической принадлежности обвиняемому такого имущества и незаконности его происхождения, является необходимым и обоснованным средством реализации положений ст. 46-1 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) в части специальной конфискации, т. е. принудительного безвозмездного изъятия в собственность государства имущества, добытого преступным путем или приобретенного на средства, добытые преступным путем. Не секрет, что изъятие такого имущества в доход государства имеет в современных условиях особую значимость и злободневность по коррупционным преступлениям, перечень которых дается в примечании к ст. 90 УК.

Способом оспаривания законности наложения ареста на имущество, находящееся в собственности других лиц, является обжалование последними постановления (определения) о наложении ареста на имущество в порядке, установленном УПК (ч. 19 ст. 132 УПК), что соответствует общей норме о предоставлении права на подачу жалобы на действия и решения органа, ведущего уголовный процесс, не только участникам уголовного процесса,

но и иным физическим и юридическим лицам, если проводимые процессуальные действия и решения затрагивают их интересы (ст. 138 УПК).

Совершенно иная ситуация имеет место в случае, если приговором суда принято решение в отношении имущества, находящегося в собственности лиц, не привлеченных к участию в деле, и эти лица не согласны с таким решением. Согласно специальным нормам, определяющим закрытый перечень субъектов, имеющих право подачи апелляционных и надзорных жалоб (ст. 370 и ст. 408 УПК), у лиц, не привлеченных к участию в деле, такое право, несмотря на то что вынесенный судом приговор затрагивает их права и законные интересы, отсутствует. Такое положение нельзя признать нормальным и разрешать проблему необходимо, исходя из следующего.

Задача эффективного противодействия коррупционным и иным преступлениям корыстной направленности должна решаться в строгом соответствии с положениями Конституции Республики Беларусь.

Во-первых, ст. 44 Конституции устанавливает, что государство гарантирует каждому право собственности, содействует ее приобретению, обеспечивает неприкосновенность и защиту собственности, приобретенной законным способом. Принудительное отчуждение имущества допускается лишь по мотивам общественной необходимости при соблюдении условий и порядка, определенных законом, со своевременным и полным компенсированием стоимости отчужденного имущества, а также согласно постановлению суда.

Во-вторых, ст. 60 Конституции гарантирует каждому защиту прав и свобод компетентным, независимым и беспристрастным судом в определенные законом сроки. Данная норма основана на закреплённом во Всеобщей декларации прав человека праве каждого на эффективное восстановление в правах компетентными национальными судами. Значение судебной защиты прав человека в том, что без нее все остальные юридические институты, методы, влияющие на реализацию прав, остаются недействительными.

В-третьих, как составляющую судебной защиты следует рассматривать право на обжалование в вышестоящий суд решений, приговоров и других судебных постановлений, что является одной из форм осуществления гражданами права направлять личные обращения в государственные органы и должностным лицам (ст. 40 Конституции). Такие жалобы позволяют вышестоящим судам своевременно проверять решения нижестоящих судов, выявлять ошибки, отменять или изменять незаконные и необоснованные решения. Поэтому своевременное обжалование судебных постановлений (актов) следует рассматривать как действенное условие недопущения исполнения неправосудных решений, средство укрепления законности и правопорядка.

В-четвертых, уголовно-процессуальный закон гарантирует всем лицам, участвующим в уголовном процессе, равенство перед законом и предоставляет право без всякой дискриминации на равную защиту их прав и законных интересов (ч. 1 ст. 20). Эта гарантия напрямую вытекает из ст. 22 Конституции. Вместе с тем, если процессуальные гарантии лиц, указанных в ст. 132 УПК, определены, что позволяет им обжаловать приговор во второй и исключительной

инстанциях, то гарантии лиц, не привлеченных к участию в уголовном деле, но на имущество которых также может быть наложен арест, в уголовно-процессуальном законе отсутствуют. При этом суд первой инстанции при постановлении приговора в совещательной комнате разрешает в том числе вопросы, связанные с дальнейшей судьбой имущества указанных лиц (п. 12–13 ч. 1 ст. 352 УПК). Несмотря на это, УПК лишает их возможности обжаловать приговор в апелляционном и надзорном порядке в той части, которая затрагивает их права и законные интересы.

В-пятых, гарантированная ст. 44 Конституции защита права собственности распространяется также и на случаи, когда приговор включает в себя решение по гражданскому иску. Отметим, что Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь (ч. 1 ст. 399 ГПК) и Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь (ч. 1 ст. 267, ст. 282 и ч. 1 ст. 303 ХПК) предоставляют возможность защиты интересов лиц, не привлеченных к участию в деле, путем обжалования принятых судебных постановлений. Однако такое право возможно реализовать лишь в гражданском и хозяйственном процессах, но никак ни в уголовном.

В-шестых, интересно обратиться к зарубежному опыту. Возможность обжаловать приговор суда в апелляционном порядке лицам, не являющимся сторонами в деле, в той части приговора, которая затрагивает их права и законные интересы предусмотрена, например, в уголовно-процессуальном законе Республики Узбекистан (абз. 4 ст. 497-2 УПК), Российской Федерации (ч. 1 ст. 389.1 УПК), Республики Казахстан (ч. 3 ст. 414 УПК) и пр.

Таким образом, возникает объективная необходимость предоставления права на обжалование приговора в апелляционном и надзорном порядке в части, затрагивающей права и законные интересы лиц, не привлеченных к участию в уголовном деле, в целях реального обеспечения гарантированных Конституцией равенства всех перед законом и права без всякой дискриминации на равную защиту прав и законных интересов.

Пробел, который имеет место в законодательстве, должен быть в установленном порядке устранен путем внесения изменений и дополнений в ст. 370 и 408 УПК в части предоставления права на принесение жалобы в апелляционном и надзорном порядке лицам, не являющимся сторонами в деле, в той части приговора, которая затрагивает их права и законные интересы.

Это обстоятельство будет способствовать реализации задач, связанных с эффективным противодействием коррупционным и иным преступлениям корыстной направленности, и соответствовать основным положениям Конституции Республики Беларусь.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ СПОРТА В РОССИИ⁴

Топильская Е.В.

Серьезную озабоченность на национальном уровне и в международном сообществе вызывает коррупция в сфере спорта, так как она угрожает развитию спорта, дискредитирует спортивные ценности, в частности, этические основы честной конкуренции в спорте, и подрывает доверие зрителей.

Это – договорные матчи, тотализатор, основанный на подкупе участников и организаторов спортивных состязаний и незаконном влиянии на результат этих состязаний, несправедливое судейство, обусловленное корыстными мотивами. Кроме того, коррупция в сфере спорта тесно связана с финансовыми махинациями и отмыванием преступных доходов, на это обращает внимание Генеральная прокуратура Российской Федерации [1, с. 5]

18 сентября 2014 г. Российская Федерация (далее – РФ) подписала Конвенцию Совета Европы против манипулирования спортивными соревнованиями, которая до настоящего времени не ратифицирована РФ, однако в 2017 г. Распоряжением Правительства РФ от 12 октября 2017 г. № 2221-р утвержден план по реализации мер, необходимых для обеспечения готовности РФ к выполнению обязательств государства – участника данного международного соглашения.

Кроме того, уже на момент подписания Конвенции в российском уголовном законодательстве были соблюдены основные условия противодействия коррупции в спорте, требуемые Конвенцией. Так, в Уголовном кодексе РФ, помимо запрета общекоррупционных преступлений и легализации доходов, полученных преступным путем, предусмотрена уголовная ответственность за оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования в виде подкупа спортсменов, судей и других участников и организаторов спортивных соревнований (ст. 184).

К сожалению, этот уголовно-правовой запрет не работает. За более чем двадцать лет существования УК РФ – с момента вступления его в силу в 1997 г. по настоящее время – в России нет ни одного осужденного по ст. 184, в то время как и ученые, и спортивные инсайдеры отмечают, что коррупция в спорте существует более ста лет и приобрела масштабный характер [2, с. 302]. Известный в прошлом футбольный арбитр С. Хусаинов в недавнем интервью приводит примеры систематического подкупа спортивных судей и организации договорных матчей [3].

Официальная уголовная статистика даже приблизительно не отражает реального состояния коррупционной преступности в сфере спорта, этот вид

⁴ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00414 А «Уголовно-правовые и криминологические проблемы противодействия преступности в сфере спорта».

преступлений еще более латентен, чем коррупционные преступления общего плана: уровень латентности коррупции в сфере спорта в России достигает практически 100 %. Восстановление реального объема этих преступлений возможно лишь специальными криминологическими методами, в частности – методом экспертных оценок. Так, в ходе исследования проблем латентности преступности в сфере спорта были получены экспертные мнения девяти респондентов: двух спортивных функционеров, двух спортивных комментаторов, четырех профессиональных спортсменов – участников состязаний в одном из наиболее массовых видов спорта, а также футбольного арбитра с большим опытом. Опрошенные эксперты высказали совпадающие мнения о том, что реальный удельный вес договорных матчей достигает, в зависимости от периода игрового сезона, от 25 до 30 % (более – в футболе, менее – в хоккее). Весьма распространенной практикой, по мнению экспертов, является прямое нарушение конвенционного запрета на размещение участниками соревнований ставок на те игры, в которых они сами принимают участие [4], например, в хоккее это практикуют не менее 60 % игроков, не считая свои действия серьезным проступком и объясняя их недостаточными доходами. По результатам опроса, проведенного Профсоюзом футболистов и тренеров России в 2012 г., около 40 % футболистов признались, что им известно о наличии договорных матчей; «кто знает о договорных матчах? Судьи, руководители клубов и игроки» [5].

Причинами латентности этих нарушений эксперты называют круговую поруку в спортивной сфере, а также низкий уровень правовой культуры и пропаганды соблюдения этических принципов в спорте. На последнее обстоятельство еще в 2007 г. указывали 21 % опрошенных футбольных болельщиков [6], и со временем эта оценка практически не меняется.

Что касается криминологической характеристики личности, совершающей коррупционные преступления в сфере спорта, А. П. Алексеевой приведены следующие данные: в структуре преступников преобладают представители спортивных клубов – 39 %; далее идут судьи, арбитры – 25 %; организаторы тотализаторов – 14 %; работники министерств, комитетов и их властных структур – 9 %; другие категории – 13 %. Средний возраст коррупционеров – 38 лет, большинство (57 %) лиц с высшим и неоконченным высшим образованием, 22 % коррупционеров – женщины [7, с. 75].

В качестве мер по противодействию коррупции в спорте Профсоюзом футболистов и тренеров России предлагалось, например, создание «сильного компетентного органа с большими полномочиями» [5], но специально созданный в 2011 г. для этой цели экспертный совет РФС не сумел оздоровить обстановку. Президент Национальной ассоциации букмекеров России О. Журавский указывал на необходимость ужесточения уголовной и административной ответственности [5], однако преступление, предусмотренное ст. 184 УК РФ, и так при наличии квалифицирующих обстоятельств отнесено к категории тяжких, и, кроме того, отсутствие судебной практики по таким преступлениям не дает возможности оценить обоснованность ужесточения санкции этой статьи.

Представляется, что нашему обществу необходимо в первую очередь повышать уровень правосознания и культивировать нетерпимое отношение к коррупции вообще, а также пропагандировать необходимость соблюдения спортивной этики в интересах не только спортсменов, но и зрителей спортивных состязаний. И только после достижения определенных изменений в общественном сознании целесообразно корректировать механизм правового регулирования, поскольку исполнение закона будет осознанным лишь тогда, когда это подготовлено общественной моралью.

Список цитированных источников

1. Противодействие коррупции в спорте. Памятка [Электронный ресурс] / Генеральная прокуратура Российской Федерации, Министерство спорта Российской Федерации. – Режим доступа: www.genproc.gov.ru. – Дата доступа: 04.03.2020.
2. Смирнов, А. А. Коррупция в спорте и меры ее предупреждения / А. А. Смирнов, Л. А. Кирьянова, Л. В. Морозова, П. К. Кузнецов, С. Л. Федоров // Учен. записки ун-та имени П. Ф. Лесгафта. – 2018. – № 10 (164). – С. 302–305.
3. Взятки, договорные игры, скандалы в сборной России: откровения судьи-диссидента Хусаинова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.championat.com/football/article-3993939-otkrovennoe-intervju-s-sergeem-husainovym-vzjatki-dogovornjaki-sbornaja-pismo-14.html>. – Дата доступа: 14.03.2020.
4. Конвенция Совета Европы против манипулирования спортивными соревнованиями [Электронный ресурс] / Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа: www.pravo.gov.ru. – Дата доступа: 10.03.2020.
5. Россия оказалась в лидерах по коррупции в футболе [Электронный ресурс] / BBC, Русская служба новостей, 4 дек. 2012 г. – Режим доступа: https://www.bbc.com/russian/sport/2012/12/121203_russian_football_fixed_matches. – Дата доступа: 10.03.2020.
6. Коррупция в российском футболе: мнения россиян [Электронный ресурс] / Информационный материал ВЦИОМ. Информационное агентство маркетинга и консалтинга. – Режим доступа: <https://iamik.ru/news/tekhnologii/57278/>. – Дата доступа: 10.03.2020.
7. См. : Алексеева, А. П. Коррупционная преступность в сфере профессионального спорта / А. П. Алексеева. – Вестн. Москов. ун-та. – 2009. – № 8. – С. 74–77.

ПАССИВНАЯ ФОРМА КОРРУПЦИИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Хилута В.В.

Пассивной формой коррупции в настоящее время признается умышленное использование должностным лицом своего *служебного положения* и связанных с ним возможностей в *целях* противоправного получения имущества или другой выгоды в виде работы, услуги, покровительства, обещания преимущества для себя или для третьих лиц.

Данная форма коррупции указывает нам на то, что должностное лицо (государственное должностное или приравненное к нему лицо, иностранное должностное лицо) умышленно использует свое *служебное положение*

и связанные с ним возможности. Именно такая формулировка заставляет нас говорить о крайне широком понимании должностных злоупотреблений, т. к. речь не идет о злоупотреблении служебными полномочиями, а, напротив, – о злоупотреблении служебным положением и связанными с ним возможностями.

Под *использованием служебного положения* следует понимать использование служащим полномочий, предоставленных ему в связи с занимаемой должностью, а также использование авторитета власти, личных связей или занимаемого служебного положения. Содержание признака «использование своего служебного положения» определяется особенностями объективной стороны состава коррупционного преступления, и в одних случаях указанный признак характеризует обстановку (наличие служебного помещения, форменного обмундирования, знаков отличия и др., т. е. обстановка создает особый статус субъекта, который облегчает совершение преступления), в других – способ (характеризуется использованием предоставленных лицу служебных полномочий) совершения преступления.

Таким образом, под использованием своего служебного положения понимается не только осуществление служебных полномочий (реализация юридических возможностей виновного лица), но и использование авторитета власти, должности, служебных связей, влияние аппарата управления, совершение заведомо незаконных действий по службе и т. д. (реализация практических возможностей субъекта преступления). В отличие от служебных полномочий, использование служебного положения в качестве способа совершения преступления может трактоваться крайне широко. Это использование наряду со служебными полномочиями преимуществ правового статуса, авторитета занимаемой должности, служебных связей, которые возникли благодаря занимаемой должности, влияния на подчиненных и т. п. Одной потенциальной возможностью отнесения лица к числу тех субъектов должностных преступлений, которым присуща характеристика – наличие «служебного положения», недостаточно для признания совершившего преступление виновным в том, что он действовал именно указанным способом – использовал свое служебное положение, т. к. данные лица могут и не воспользоваться преимуществами своего статуса для облегчения совершения преступления.

Именно по этой причине в Законе Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией» указывается на то, что должностное лицо использует свое служебное положение и *связанные с ним возможности*, т. е. фактически речь идет о злоупотреблении влиянием. Подтверждением чему может являться ч. 1 ст. 16 Закона Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией», где говорится, что государственное должностное лицо, лицо, претендующее на занятие должности государственного должностного лица, в целях недопущения действий, которые могут привести к *использованию ими своего служебного положения и связанных с ним возможностей и основанного на нем авторитета* в личных, групповых и иных внеслужебных интересах, дают обязательство по соблюдению ограничений и ставятся в известность о правовых последствиях неисполнения такого обязательства.

Использование должностным лицом своей власти включает в себя не только использование официальных прав в рамках своей служебной компетенции (злоупотребление полномочиями), но и фактических возможностей, авторитета власти и занимаемой должности, служебных связей, основанных на положении или влиянии должностного лица. Все это не охватывается понятием злоупотребления служебными полномочиями, о котором идет речь в диспозиции ст. 424 УК.

Более того, держа в уме то обстоятельство, что Закон Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией» использует широкое понимание должностного злоупотребления – использование своего служебного положения и связанных с ним возможностей, тем не менее, при определении перечня коррупционных правонарушений, относящихся к должностным злоупотреблениям, говорится об использовании лицом при совершении правонарушений имеющихся полномочий, а не служебного положения, т. е. здесь очевиден более узкий подход к данному вопросу. Так, в ст. 37 Закона Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией» сказано, что коррупционными правонарушениями являются: действие или бездействие государственного должностного или приравненного к нему лица либо иностранного должностного лица *при исполнении служебных (трудовых) обязанностей* в целях незаконного извлечения выгоды в виде услуги, покровительства, обещания преимущества для себя или для третьих лиц; использование государственным должностным лицом своих *служебных полномочий* в целях получения кредита, ссуды, приобретения ценных бумаг, недвижимого и иного имущества; мелкое хищение имущества *путем злоупотребления служебными полномочиями*. Отсюда вытекает, что если должностное лицо при совершении вышеназванных коррупционных правонарушений использует исключительно свое должностное положение, а не полномочия (служебные, трудовые обязанности), то такого рода действия коррупционными не являются, несмотря на то что к коррупции и относится использование служебного положения и связанных с ним возможностей.

В этой части будет уместным обратиться к содержанию ряда международных документов. Например, в ст. 19 Конвенции ООН против коррупции (принята Резолюцией 58/4 на 51-ом пленарном заседании 58-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН 31 октября 2003 г.) проводится разграничение между злоупотреблением полномочиями и положением, хотя фактически идет речь о злоупотреблении функциональными обязанностями: «Каждое Государство-участник рассматривает возможность принятия таких законодательных и других мер, какие могут потребоваться, с тем чтобы признать в качестве уголовно наказуемого деяния, когда оно совершается умышленно, злоупотребление *служебными полномочиями или служебным положением, т. е. совершение какого-либо действия или бездействия, в нарушение законодательства, публичным должностным лицом при выполнении своих функций* с целью получения какого-либо неправомерного преимущества для себя самого или иного физического или юридического лица». О том, что данные понятия нетождественные, свидетельствует и ст. 18

данной Конвенции, где расшифровывается, что представляет собой злоупотребление влиянием в корыстных целях: «обещание, предложение или предоставление публичному должностному лицу или любому другому лицу, лично или через посредников, какого-либо неправомерного преимущества, с тем чтобы это публичное должностное лицо или такое другое лицо *злоупотребило своим действительным или предполагаемым влиянием* с целью получения от администрации или публичного органа Государства-участника какого-либо неправомерного преимущества для первоначального инициатора таких действий или любого другого лица».

Далее, необходимо обратить внимание на следующее обстоятельство. Использование должностным лицом своего служебного положения и связанных с ним возможностей будет являться коррупцией лишь тогда, когда оно осуществляется в *целях противоправного получения имущества или другой выгоды в виде работы, услуги, покровительства, обещания преимущества для себя или для третьих лиц*.

Говоря о получении имущества, необходимо заметить, что таковым признаются недвижимые и движимые вещи (включая деньги и ценные бумаги), в том числе имущественные права, установленные гражданским законодательством (ст. 1 Закона Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией»). С другой стороны, также указывается на получение «другой выгоды», однако эта выгода четко детализирована: «*в виде работы, услуги, покровительства, обещания преимущества для себя или для третьих лиц*». Сказанное заставляет нас прийти к выводу, что такая выгода носит исчерпывающий характер и имеет в большей степени имущественный характер.

Например, в п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 26 июня 2003 г. № 6 «О судебной практике по делам о взяточничестве» указывается, что «предметом взятки могут быть материальные ценности (деньги, ценные бумаги, вещи и т. п.) либо *выгоды имущественного характера* (здесь и далее – выделено *авт.*) независимо от их стоимости, предоставляемые должностному лицу исключительно в связи с занимаемым должностным положением (различного вида *услуги*, оказываемые безвозмездно либо на льготных основаниях, но подлежащие оплате, производство строительных, ремонтных, иных *работ* и т. п.)». В п. 4 названного постановления также обращается внимание на то, что «проявление *покровительства* по службе может выражаться в действиях, связанных с незаслуженным поощрением, продвижением (повышением) по должности, установлением персональной надбавки к заработной плате, созданием льготного режима работы, и т. п.».

Немного сложнее с толкованием такого термина, как обещание преимущества. Как национальное законодательство (в первую очередь Закон Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией»), так и международное активно употребляют данный термин в правовых определениях коррупции и коррупционных преступлений (правонарушений). Однако смысл данного термина («обещание преимущества») не раскрывается. Тем не менее, международно-правовые акты в сфере противодействия коррупции

употребляют такие термины, как «предложения и обещания любых неправомерных имущественных или иных преимуществ». Такой контекст заставляет нас уже по-другому ставить вопрос, ибо наряду с имущественными могут осуществляться и иные преимущества, нематериального характера. В то же время международно-правовые нормы не содержат дополнительных разъяснений о понимании вышеуказанных дефиниций, тем самым подразумевая возможность конкретизации данного вопроса национальным законодателем. В этой связи остается только надеется, что законодателем и правоприменителем будет найден консенсус в данном вопросе, что скажется на тождественном понимании этого признака теоретиками и практиками.

Законодательное определение коррупции в вопросе должностного злоупотребления всегда указывает нам на то, что использование должностным лицом своего служебного положения и связанных с ним возможностей будет являться коррупцией лишь тогда, когда оно осуществляется в особых *целях* (противоправного получения имущества или другой выгоды в виде работы, услуги, покровительства, обещания преимущества для себя или для третьих лиц). С этой точки зрения такое коррупционное правонарушение, как «передача государственным должностным лицом физическим лицам, а также негосударственным организациям бюджетных средств или иного имущества, находящегося в государственной собственности либо в собственности организаций, в уставных фондах которых 50 и более процентов долей (акций) находится в собственности государства и (или) его административно-территориальных единиц, если это не предусмотрено законодательными актами» (ст. 37 Закона Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией») не вполне вписывается в законодательное определение коррупции, т. к. из вышеуказанного коррупционного правонарушения не вытекает конкретная цель, к которой стремится должностное лицо, злоупотребляя своим положением. А такая цель может быть как корыстной, так и некорыстной, и мотив совершения такого правонарушения может быть различен (например, передача денег в детский дом – это тоже коррупция?).

ПРОБЛЕМА ОЦЕНКИ СУЩЕСТВЕННОГО ВРЕДА ПРИ СОВЕРШЕНИИ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Хмарук С.К., Никитин Ю.А.

Одним из обязательных признаков таких составов преступлений, как злоупотребление властью или служебными полномочиями (ст. 424 УК), их превышение (ст. 426 УК) или бездействие власти (ст. 425 УК), является причинение *существенного вреда* правам и законным интересам граждан либо государственным или общественным интересам.

В п. 19 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 16 декабря 2004 г. № 12 «О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (ст.ст. 424–428 УК)» разъяснено, что при решении

вопроса о том, является ли вред, причиненный правам и законным интересам граждан либо государственным или общественным интересам, существенным, нужно учитывать степень отрицательного влияния противоправного деяния на нормальную работу организации, число потерпевших граждан, тяжесть причиненного физического или морального вреда и т. п. Существенный вред может выражаться в нарушении конституционных прав и свобод граждан, в подрыве авторитета органов власти, государственных, общественных и других организаций, в нарушении общественного порядка.

Вместе с тем понятие существенного вреда является весьма относительным и устанавливается в основном по усмотрению судьи, рассматривающего конкретное уголовное дело.

На оценочный и, соответственно, субъективный характер указанного признака обращают внимание многие ученые и практики.

Так, например, В. В. Лосев обоснованно отмечает, что понятие «существенный вред» относится к оценочным признакам состава преступления, вследствие чего установление его содержания представляет значительную сложность. Четких критериев разграничения существенного и несущественного вреда, т. е. преступного и не преступного поведения должностного лица, нет. Это расширяет рамки усмотрения правоприменителя, что может привести (а нередко и приводит) на практике к неоправданному расширению уголовной репрессии, увеличивает вероятность ошибок, заключающихся в признании преступлениями тех деяний, которые таковыми в силу недостаточной общественной опасности не являются [1].

Подтверждением сказанного являются примеры из правоприменительной практики.

Так, в частности, при направлении органами дознания в следственные подразделения для принятия решения в порядке ст. 174 УПК материалов проверок по фактам, связанным с сокрытием должностными лицами сельскохозяйственных предприятий падежа крупного рогатого скота под видом его реализации живым весом либо по фактам «мнимой» выписки молока в счет зарплаты работникам указанных предприятий с целью завышения показателей предприятия по производству молока, в обоснование существенности вреда правам и законным интересам гражданам указывается удержание из заработной платы работников предприятия любой, даже незначительной, суммы денег.

Как правило, такие материалы возвращаются в орган дознания для организации проведения дополнительной проверки.

В качестве примера можно привести материалы проверки в отношении бригадира МТФ «К» ОАО «З» Ж.

Из постановления о направлении материала проверки в следственное подразделение следует, что Ж., являясь должностным лицом, из корыстной и иной личной заинтересованности, выразившейся в стремлении избежать материальной и дисциплинарной ответственности за невыполнение показателей по объемам производства молока, доведенным райисполкомом, явно выходя за пределы предоставленных полномочий, предоставила в бухгалтерию ОАО «З» сведения о выписке молока в счет заработной платы сторожем

МТФ «К» П., на основании которых из зарплаты последнего произведены незаконные удержания на сумму 500,6 рублей за приобретенное молоко в количестве не менее 961 литра, которое он фактически не приобретал, что повлекло причинение существенного вреда его правам и законным интересам, а также государственным интересам, выразившегося в подрыве авторитета и престижа органов государственной власти.

Органом дознания сделан вывод о наличии в действиях Ж. состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 426 УК.

Материал проверки обоснованно возвращен в орган дознания в том числе по причине отсутствия объективных данных, свидетельствующих о существенности причиненного вреда правам и законным интересам П., из заработной платы которого за два с половиной года проводились незначительные удержания от 6,45 рублей в месяц, а также неподтверждения материалами проверки того факта, что ОАО «З» относится к органам государственной власти, и, соответственно, действиями Ж. подорван авторитет и престиж государственных органов власти.

Однако имеют место случаи, когда по таким фактам возбуждаются уголовные дела по ст. 426 УК, а отдельные руководители сельхозорганизаций даже осуждаются за совершение подобных преступлений.

Например, М., работая директором ОАО «Ш», действуя из иной личной заинтересованности, выразившейся в стремлении избежать критики со стороны должностных лиц райисполкома за ненадлежащую организацию работы по производству продукции животноводства и ее низкую результативность, с целью искусственного завышения количества произведенного предприятием молока и его товарности, желая приукрасить действительное положение дел, в период с января по август 2018 г., явно выходя за пределы предоставленных прав и полномочий, неоднократно давал указания подчиненным работникам на выписку молока в счет заработной платы, на подписание, составление товарных накладных и иных официальных документов, содержащих недостоверные сведения, а также удостоверял их своей подписью, что повлекло за собой производство удержаний денежных средств из заработной платы и причинение существенного вреда их правам и законным интересам. Всего действиями М. 11 потерпевшим причинен ущерб на сумму более 5 тыс. руб.

Приговором районного суда М. осужден за совершение преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 426 УК и ч. 2 ст. 427 УК.

В связи с рассматриваемой проблемой следует обратить внимание на то, что дефиниция «существенный вред» напрямую связана с понятием и сущностью преступления. Так, в ч. 4 ст. 11 УК установлено, что малозначительным признается деяние, которое не причинило и по содержанию и направленности не могло причинить *существенный вред охраняемым уголовным законом интересам*. Малозначительное деяние свидетельствует об отсутствии признака общественной опасности, который в силу требований уголовного закона является сущностным признаком любого преступления. Таким образом, под понятие «существенный вред» подпадают минимально необходимые

негативные последствия, по наличию которых отграничивают преступление от административных правонарушений.

Поэтому представляется, что количественная характеристика существенного вреда должна связываться именно с понятием малозначительности деяния. В частности, применительно к имуществу граждан ущерб, в 10 и более раз превышающий размер базовой величины, можно характеризовать как существенный вред. Однако вернемся к вышеприведенным примерам.

Поскольку право на труд и получение справедливой доли вознаграждения в экономических результатах труда в соответствии с его количеством, качеством и общественным значением гарантировано гражданам Конституцией Республики Беларусь и законодательством о труде, формально незаконное удержание нанимателем из зарплаты работника денежных средств (в любом размере) является нарушением его конституционных прав и свобод, что относится к существенному вреду по разъяснениям Пленума.

В то же время в каждом конкретном случае для решения вопроса о возбуждении уголовного дела нужно обязательно учитывать мнение потерпевшего (каждого из них, если потерпевших несколько) о том, является ли для него причиненный вред существенным, а также уровень доходов потерпевшего (с соотношением его с размером причиненного ущерба), количество потерпевших и другие конкретные обстоятельства содеянного.

В целом же, на наш взгляд, органам уголовного преследования следует избегать излишней уголовной репрессии в отношении руководителей субъектов хозяйствования, допускающих нарушения служебных обязанностей, и более активно применять положения Декрета Президента Республики Беларусь от 15 декабря 2014 г. № 5 «Об усилении требований к руководящим кадрам и работникам организаций», позволяющего привлекать таких руководителей к дисциплинарной ответственности.

Список цитированных источников

1. Традиции и инновации в праве : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 20-летию юрид. фак. и 50-летию Полоц. гос. ун-та, Новополоцк, 6–7 окт. 2017 г. : в 3 т. / Полоц. гос. ун-т, Регион. учеб.-науч.-практ. юрид. центр ; редкол.: И. В. Вегера (отв. ред.) [и др.]. – Новополоцк : Полоцкий гос. ун-т, 2017. – Т. 3. – 304 с.

СОСТОЯНИЕ КОРРУПЦИОННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В ЧАСТНОЙ СФЕРЕ

Христич И.А.

Коррупция как социальное явление присуща всем странам мира только в разных объемах. В последние годы большое внимание уделяется противодействию коррупции в различных сферах жизнедеятельности различных государств и Украины в частности. При этом в Украине на существование коррупции в частной сфере долгие годы совсем

не обращалось внимание, хотя зарубежные ученые давно этому вопросу уделяют должное внимание, потому что ее существование является ограничителем развития экономики.

Основы государственной политики в сфере борьбы с коррупцией установлены Законом Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З «О борьбе с коррупцией», который вобрал в себя многие принципиальные положения Конвенции в сфере предупреждения коррупции. Согласно Закону его основными целями являются защита прав и свобод граждан, общественных интересов от угроз, вытекающих из проявлений коррупции, обеспечение эффективной деятельности государственных органов, иных организаций, государственных должностных и приравненных к ним лиц путем предупреждения, выявления, пресечения правонарушений, создающих условия для коррупции, и коррупционных правонарушений, устранения их последствий. Борьба с коррупцией в Республике Беларусь основывается на принципах законности, справедливости, равенства перед законом, гласности, неотвратимости ответственности, личной виновной ответственности и гуманизма. В систему мер борьбы с коррупцией включены планирование и координация деятельности государственных органов и иных организаций по борьбе с коррупцией, обеспечение правовой регламентации деятельности государственных органов и иных организаций, а также государственный и общественный контроль и надзор за этой деятельностью.

В белорусском обществе преобладает негативное отношение к коррупции. Согласно результатам республиканского опроса, проведенного Информационно-аналитическим центром при Администрации Президента Республики Беларусь (далее – ИАЦ) в IV квартале 2017 г., 77,5 % респондентов считают, что это недопустимое явление, с которым надо решительно бороться. При этом для белорусских граждан основным источником формирования мнения о коррупции являются публикации СМИ (58,5 %). Значительно реже опрошенные указывают на произошедшие случаи с родственниками и близкими (13,5 %), полученную в общественных местах информацию, слухи (10 %), личный опыт (8 %) и др. ИАЦ был создан в 2006 г. в целях совершенствования информационно-аналитического обеспечения деятельности Президента и Администрации Главы государства по стратегическим направлениям политической, социальной и духовной жизни общества. Основными задачами ИАЦ являлась оценка политической ситуации в стране, анализ источников возможных политических конфликтов, разработка стратегий и технологий формирования имиджа политиков, системный мониторинг СМИ. Просуществовал он до февраля 2019 г. После этого вместо него был создан Белорусский институт стратегических исследований.

В Республике Беларусь считается, что в частном секторе коррупция чаще всего проявляется в форме коммерческого подкупа. Это могут быть случаи таких злоупотреблений, как операции инсайдера – это любые сделки с ценными бумагами, осуществляемые лицом, имеющим доступ к конфиденциальной информации и вследствие этого получающим доход от обладания этой информацией. Имеет коррупционный характер продажа

такой информации сотрудником третьему лицу, которое в состоянии более прибыльно и менее заметно использовать ее, осуществляя куплю-продажу ценных бумаг. Возможность коррупции в частном секторе возникает также при оценке товаров, услуг или активов (например, при покупке футбольным клубом игрока менеджер клуба-покупателя может принять взятку от клуба, продающего игрока, чтобы завысить его ценность). Коррупция в частном секторе чаще всего имеет место на монополистических и плохо информированных рынках [1, с. 8].

Аналогичные законодательные акты существуют и в Украине. В целом частная сфера – это совокупность общественных отношений, которые находятся в среде отдельных лиц (юридических или физических) по поводу реализации частных интересов [2, с. 29].

Коррупционную преступность в частной сфере некоторые ученые в Украине подразделяют на такие виды, как коррупционные неправомерные действия, которые совершаются по отношению к юридическим лицам частной сферы; подкуп-продажность внутри компании; использование служащими частных коммерческих структур для получения неправомерной выгоды [3, с. 888, 890]. Подчеркивая, что показатели, которые характеризуют коррупционные проявления в частной сфере, не являются стабильными, они систематически видоизменяются.

Практически исследовать такое явление, как коррупция, в частности коррупция в частной сфере, можно только при помощи социологических методов. При этом можно проводить массовые опросы в виде анкетирования или интервью. Поэтому в большинстве стран мира очень широко используются разные виды социологических опросов. Наиболее часто используется анкетирование, когда бланки анкет с вопросами различными способами направляются опрашиваемым (респондентам). [4, с. 30].

Результаты оценки уровня коррупции в бизнесе свидетельствуют о ее существенной распространенности во всех странах мира. Так, эксперты Мирового Банка считают коррупцию главной проблемой современности. По их данным 40 % предпринимателей во всем мире вынуждены давать взятки (в развитых странах – 15 %, в азиатских – 30 %, в странах СНГ – 60 %).

По официальным данным в Украине в последние годы наблюдается тенденция стабильности зарегистрированных коррупционных преступлений. Но это далеко не отражает реальную картину. Так, в начале 2019 г. Transparency International Ukraine сформулировала 12 рекомендаций, которые реально могли бы улучшить показатели Украины. По состоянию на конец года было выполнено или частично выполнено только 6 из них (в последнем квартале 2019 г.).

С уничтожением коррупции в Украине 54 % руководителей компаний – членов Американской торговой палаты связывают улучшение бизнес-климата и увеличение прямых иностранных инвестиций в экономику. Эти данные были представлены 29 октября 2019 г. на Инвестиционном форуме «RE:THINK Invest in Ukraine» как результат опроса топ-менеджеров из 110 компаний – членов Американской торговой палаты (АСС) [5].

В заключение сформулируем следующие выводы.

1. К сожалению, коррупция в частной сфере присуща всем странам мира в большей или меньшей степени. Это относится и к Беларуси, и к Украине.

2. Тенденции коррупционной преступности в частной сфере в Украине в последние годы отличаются стабильностью.

3. 40 % опрошенных топ-менеджеров надеются на улучшение бизнес-климата в Украине в течение ближайшего полугодия [5].

Список цитированных источников

1. Коррупция и ее общественная опасность. Учеб. издание. – ГУ ВПО «Белорусско-Российский университет», 2005. – 41 с.

2. Романов, М. В. Основні засади запобігання корупції / М. В. Романов. – Харків : ТОВ «Видавництво «Права людини», 2017. – 176 с.

3. Некрасова, Т. А. Социально-правовая природа и последствия коррупции в частноправовой сфере / Т. А. Некрасова // Административное и муниципальное право. – 2013. – № 9 (69). – С. 885–892.

4. Кримінологія : підручник / В. В. Голіна, Б. М. Головкін, М. Ю. Валуйська [та ін.] ; за ред. В. В. Голіни, Б. М. Головкіна. – Харків : Право, 2014. – 512 с.

5. Инвестиционный потенциал Украины – результаты опроса Американской торговой палаты (АСС) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://chamber.ua/uk/Media/News/12789>. – Дата доступа: 14.03.2020.

3. Предупреждение коррупционных проявлений

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ЛИЧНОСТИ СУБЪЕКТА КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Асабин А.Ю.

Коррупция как социально-правовой феномен является серьезной проблемой для личности и общества в различных государствах. Коррупционные деяния получили достаточно широкое распространение в большинстве стран мира, а процессы глобализации придали им транснациональный характер, сделав предметом пристального внимания научного и экспертного сообществ.

Успешная разработка правоприменительных мер противодействия коррупционным преступлениям детерминирует необходимость их глубокого познания, включающего определение причин и условий совершения, исследования криминологической характеристики коррупционных преступлений, центральное место в которой занимает понятие «субъект преступления».

Как указывает А. В. Гладков, криминологическое изучение личности коррупционера предполагает рассмотрение различных аспектов и характеристик, обозначающих её структурообразующие элементы, в частности социально-демографические, уголовно-правовые, нравственные и психологические признаки [1, с. 84].

В уголовном законодательстве Республики Беларусь субъект коррупционных преступлений определен как специальный – должностное лицо. Позиция белорусского законодателя в отношении указанного субъекта отличается некоторой спецификой. Во-первых, данным понятием охватываются работники любых государственных органов, предприятий и организаций независимо от формы собственности и ведомственной принадлежности. Во-вторых, понятие должностного лица формулируется не в Особой, а в Общей части Уголовного кодекса Республики Беларусь (ч. 4 ст. 4), что подчеркивает его универсальность и не требует дополнительного толкования в других разделах Кодекса [2].

Рассматривая субъекта коррупционных преступлений, следует констатировать, что большинством исследователей в качестве доминантных черт личности отмечаются корыстные акцентуации. А. М. Клим считает, что в поведении коррупционера преобладают гипертрофированные корыстные побуждения, удовлетворение которых невозможно правомерными способами [3, л. 51]. А. В. Гладков, исследуя типологию личности коррупционеров, отмечает, что в основе её классификации находится базовый критерий – «корыстная личностная установка» [1, с. 85].

Анализ психологических черт лиц, совершающих коррупционные преступления, свидетельствует также о наличии таких качеств как склонность к злоупотреблению властью, формальное или легкомысленно-безответственное

отношение к исполнению функционально-должностных обязанностей, а также к наступающим последствиям своих действий и принятых решений.

Особенностью формирования и развития психологической направленности на совершение коррупционных преступлений является то, что субъективные свойства личности, как правило, коррелируются с особенностями социальной действительности, когда в референтных группах общения коррупционные отношения могут не совпадать с рамками морально порицаемого поведения. Сложившаяся толерантность общественного мнения к коррупционной практике в условиях развития рыночных отношений способствует ее определению как универсального способа успешности бизнес-проектов, решения проблем с государственными органами и т. д.

Факторы материально-экономического характера не всегда являются доминирующими в развитии коррупционного умысла, неотъемлемыми элементами выступают низкий уровень правовой культуры, атрофия системы общих ценностей и правил этики как самого коррупционера, так и его ближайшего окружения. Вследствие этого коррупционные связи становятся значимой частью служебных практик, новой социальной реальностью.

Наличие правовой культуры является важнейшим элементом, обеспечивающим сознательное исполнение правовых норм каждым социальным субъектом. Следует согласиться с мнением А. Н. Фиророва, считающего, что правовая культура выступает формой осознания права как специфического явления социальной действительности. Как право немисливо без правовой культуры, так и правовая культура немислива без права и правовой системы [4].

Анализ судебной практики по уголовным делам о взяточничестве свидетельствует о том, что к уголовной ответственности привлекаются лица, занимающие высокопоставленное должностное положение, которые не только были осведомлены о юридической ответственности за совершение указанных деяний, но и в силу должностных обязанностей организовывали и осуществляли практические меры по противодействию коррупции.

В указанных случаях недостатки правовой культуры, выражающиеся в отсутствии трансформации полученных правовых знаний в правила правового поведения, несоблюдения в повседневной трудовой деятельности требований правовых предписаний, наряду с корыстными интересами, выступают фундаментальными причинами совершения высокопоставленными должностными лицами коррупционных преступлений.

Большое влияние на формирование коррупционных практик оказывает и морально-психологический климат в служебных коллективах. Государственные органы, организации как публично-правовые институты представляют собой сложную структуру с юридически закрепленными правилами поведения, установленным правовым статусом сотрудников, предполагающим нормативное закрепление прав и обязанностей. Принадлежность к определенному органу или организации налагает на должностных лиц дополнительные морально-этические обязанности, совокупно отражающие требования общества к данным структурам. Их формирование обусловлено как потребностью государства в устойчиво

функционирующих органах и организациях, так и потребностью общества в эффективных коммуникативных связях с ними, исключающих выход общественных отношений из правового поля, сформированного республиканским законодательством и локальными правовыми актами.

Изложенное детерминирует становление и функционирование особой корпоративной культуры, ценности которой в случаях эрозии механизмов внутреннего и внешнего контроля входят в противоречие с исполняемыми функциями и задачами, а в конечном итоге и действующими правовыми нормами.

Как указывает Е. В. Стебенева, изучение мотивации коррупционных преступлений свидетельствует о наличии так называемых псевдосоциальных мотивов, в частности ведомственно-корпоративных, в основе которых лежит предпочтение норм, интересов, ценностей социальных групп, противоречащих охраняемым законом нормам, интересам и ценностям общества в целом [5, с. 228].

Указанное в качестве первоочередных мер предупреждения коррупции актуализирует необходимость организации и осуществления правовых, воспитательных и иных мероприятий, направленных на улучшение морально-психологического климата в трудовых коллективах, создание стандартов, кодексов поведения должностных лиц, повышение эффективности процедур их практической реализации.

Таким образом, вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы:

криминологическое изучение личности лиц, совершивших коррупционные преступления, способствует разработке более действенных мер профилактики коррупционных практик, обеспечивая эффективное воздействие на проявление коррупции в целом;

значимой мерой противодействия коррупции выступает разработка, внедрение и контроль стандартов и правил поведения должностных лиц, ориентированных как на соблюдение основных ценностей, разделяемых обществом, так и установленных законодательством и локальными актами правовых предписаний.

Список цитированных источников

1. Гладков, А. В. Типология личности преступления коррупционной направленности / А. В. Гладков // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2017. – № 1. – С. 84–87.
2. Моисеева, И. А. Должностное лицо как субъект коррупционной преступности [Электронный ресурс] / И. А. Моисеева // Электрон. библ. Беларус. гос. ун-та. – Режим доступа: http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/41601/1/19_моисеева.pdf. – Дата доступа: 26.02.2020.
3. Клим, А. М. Взятничество: криминологическая характеристика и предупреждение : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А. М. Клим. – Минск, 2013. – 221 л.
4. Фионов, А. Н. Правовая культура и правосознание как механизм совершенствования национальной правовой системы [Электронный ресурс] / А. Н. Фионов // Электрон. библ. Беларус. гос. ун-та. – Режим доступа: http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/29404/1/46_Фионов.pdf. – Дата доступа: 26.02.2020.
5. Стебенева, Е. В. Особенности формирования мотивации как элемента субъективной стороны преступлений коррупционной направленности / Е. В. Стебенева // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра : материалы ежегод. всероссийской науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 16–17 мая 2018 г. / Санк-Петербургский ун-т МВД РФ ; под ред. А. Г. Хлебушкина, Т. Н. Тиминой. – Санкт-Петербург, 2018 г. – С. 227–230.

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ МЕР ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ И ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ (ПРАВОНАРУШЕНИЙ) КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Бурый В.Е.

Общесоциальные и специальные меры предупреждения и профилактики преступлений (правонарушений) коррупционной направленности характеризуются тем, что они справедливо признаются необходимым элементом стабильности экономической деятельности государства, устранения недостатков в социально-политической, кредитно-финансовой, духовно-нравственной и иных сферах жизни общества. Как правило, эти меры связаны с улучшением материального благосостояния и уровня жизни граждан, условий труда (отдыха), укреплением дисциплины и организованности, другими позитивными изменениями в обществе. Направленные на решение указанных задач меры минимизируют негативные процессы и явления в социуме, выполняя при этом функцию предупреждения и профилактики преступлений (правонарушений).

В рамках рассмотрения вопроса о мерах предупреждения и профилактики коррупционных правонарушений (преступлений) необходимо обозначить следующие позиции.

1. За последние 5 лет в нашей стране увеличилось количество преступлений, предусмотренных ст. 431 «Дача взятки» Уголовного кодекса Республики Беларусь: 2015 г. – 121, 2016 г. – 113, 2017 г. – 148, 2018 г. – 355, 2019 г. – 236. При этом выросло количество преступлений, совершаемых физическими лицами не в личных интересах, а в интересах юридических лиц. Однако факты привлечения физических лиц к уголовной ответственности за дачу взятки никак отрицательно не отразились на деятельности юридических лиц, от имени или в интересах которых давались взятки.

2. В свете проводимой в Республике Беларусь под руководством Главы государства политики либерализации осуществления предпринимательской деятельности и создания благоприятного инвестиционного климата особое внимание необходимо обратить на следующее.

Целесообразно устранить ответственность юридических лиц, которые не являются и в принципе не могут являться ни субъектами административного правонарушения, ни субъектами административной ответственности:

единство публично-правовой уголовной сферы, включающей в себя уголовное и административно-деликтное право, требует и единства субъектного состава правонарушителей; приоритетным должно быть определение субъекта правонарушения и ответственности в уголовном праве;

при публичном наказании юридического лица утверждается принцип коллективной ответственности, когда виновными признаются все работники юридического лица – от директора до уборщицы, что является продолжением ранее практиковавшейся негуманной ответственности членов семей репрессированных или членов семей врагов народа;

при привлечении к ответственности юридических лиц и одновременно их представителей – физических лиц, нарушается важнейший принцип «*non bis in idem*», или общепризнанный запрет двойной ответственности, поскольку юридическое лицо не совершает и не может совершить никакого деяния, а одно единственное деяние физического лица получает двойную оценку вначале как деяния физического лица, затем как «деяния» лица юридического;

при привлечении к ответственности юридических лиц нарушается принцип равенства всех перед законом, поскольку, во-первых, многие органы государственной власти и государственного управления, в том числе и сами органы, которые составляют протоколы об административных правонарушениях и применяют административные взыскания, «выпадают» из-под ответственности и, во-вторых, несоразмерна вероятность привлечения к ответственности мелких и средних предприятий и крупных, в том числе градообразующих предприятий, а также предприятий с государственной долей собственности, коих почти три четверти;

наложение административных взысканий на юридическое лицо отражает карательную и фискальную направленность Кодекса об административных правонарушениях Республики Беларусь (далее – КоАП), является узаконенным государственным побором, что порождает практику «планового» пополнения государственного бюджета за счет штрафных и конфискационных мер;

существующие меры пресечения и ответственности юридических лиц могут становиться причиной существенного ухудшения их экономического состояния вплоть до прекращения предпринимательской деятельности;

за правонарушения отдельных лиц при наложении взыскания на юридическое лицо фактически страдают все члены трудового коллектива, а также собственники юридического лица, абсолютное большинство которых совершенно непричастно к правонарушению, в связи с чем административные взыскания приобретают неперсонифицированный и лишенный справедливости характер;

привлечение к административной ответственности юридического лица, которое не совершает и не может совершить никаких деяний (действий или бездействия) и не имеет и не может иметь никакой вины в принципе, означает привлечение к ответственности при отсутствии состава правонарушения и является классическим проявлением объективного вменения, запрещенного в том числе и нормами КоАП (наличие в КоАП ст. 3.5. «Вина юридического лица» научно необоснованно);

административное воздействие на юридическое лицо не может служить достижению целей исправления правонарушителя и предупреждения правонарушений ввиду фактического отсутствия «субъекта» воздействия по причине неодушевленности юридического лица;

для юридических лиц невозможно обеспечить соразмерность правонарушения и меры взыскания, поскольку невозможно установить степень виновности из-за отсутствия у юридического лица субъективной стороны в целом и вины в частности;

привлечение к ответственности юридического лица оказывает разлагающее воздействие на виновных должностных лиц, поскольку порождает у них чувство безнаказанности, демотивирует их в вопросах защиты интересов юридического лица и создает предпосылки коррупционного поведения с целью уклониться от персональной ответственности.

3. Исключение публичной ответственности юридических лиц не отменяет их ответственность, в том числе гражданско-правового или административно-управленческого характера: за причинение материального или иного ущерба, за нарушение порядка осуществления предпринимательской деятельности (приостановление действия лицензии, запрет на участие в государственных закупках и т. п.).

Кроме того, в разрезе рассмотрения вопроса об ответственности юридических лиц целесообразно предусмотреть и следующие позиции:

запрет на одновременное привлечение к административной ответственности юридического лица и его представителя (должностного лица или иного работника);

закрепить четкие критерии разграничения ответственности юридических лиц и их представителей;

исключить статью о вине юридического лица и ввести в КоАП статью об основании административной ответственности юридического лица: «Основанием административной ответственности юридического лица является совершение в интересах этого юридического лица его руководителями или иными работниками административного правонарушения, повлекшего причинение имущественного ущерба чужой собственности и получение юридическим лицом выгоды имущественного характера»;

проработать вопрос о включении в КоАП отдельной главы об особенностях ответственности юридических лиц.

Таким образом, учитывая, что теме борьбы с коррупцией в Республике Беларусь уделяется самое пристальное внимание Главы государства, Правительства, Генеральной прокуратуры, а также различных подразделений правоохранительных структур страны, очевидно, что еще далеко не полностью задействован и реализован арсенал уголовно-правовых и административно-правовых мер (форм, методов и средств) минимизации этих противоправных проявлений, которые целесообразно комплексно задействовать в вопросе предупреждения коррупционной преступности (в целом), предупреждения формирования личности преступника-коррупционера (в частности), имеющего доминирующую корыстную мотивационную направленность.

К ВОПРОСУ О СТРАТЕГИЧЕСКИХ НАПРАВЛЕНИЯХ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КОРРУПЦИИ

Голина В.В.

В криминологии под коррупцией понимается социальное явление, разновидность правового цинизма, содержанием которого является система негативных взглядов, установок и действий, направленных на удовлетворение личных, групповых или корпоративных интересов путем использования служебного положения лицами вопреки интересам государства и общества. Этим определением мы подчеркиваем, что коррупция – явление триединое: лица, уполномоченные выполнять функции государства или местного самоуправления, которые, злоупотребляя предоставленными им полномочиями, получают неправомерную выгоду материального или нематериального характера; любые другие физические лица (подлежащие уголовной ответственности), склоняющие лиц к противоправному использованию указанных выше служебных полномочий и связанных с этим возможностей, и «коррупционных дух», то есть состояние общества, где в значительной мере капитализированы такие общечеловеческие ценности, как честность, достоинство, долг, совесть.

Коррупция – прежде всего социальное явление, которое на уровне криминологического обобщения означает тотальную продажу власти различными способами (злоупотребление служебным положением; прямое использование должностным лицом прав и полномочий в целях личного обогащения; продажность общественных и политических деятелей, работников управленческих органов и др.). Отметим, что коррупционные проявления не всегда одинаковы, они имеют конкретный отраслевой характер с определенным набором детерминирующих обстоятельств. Поэтому противодействие коррупции представляется не в бесконечном поиске ее мифических причин, которые издавна известны, и не в озвучивании чиновниками общедекларативных намерений, а в сокращении отраслевых условий, способствующих коррупционной мотивации или облегчающих совершение коррупционных правонарушений. Именно с устранением отраслевых условий сокращаются коррупционные проявления (например, введение независимого тестирования в сфере образования), хотя и не исчезают совсем. Таким образом, является необходимым постоянный поиск антикоррупционных стратегий с их конкретными практическими мерами.

На современном этапе противодействия коррупции усилия государства и общества должны сосредоточиться именно на сокращении коррупционных проявлений в главных сферах всех ветвей власти, наиболее пораженных коррупцией. К стратегиям, направленным на сокращение коррупции, относятся, на наш взгляд, следующие: сокращение практических возможностей совершения коррупционных правонарушений; вмешательство в кризисные ситуации; изменение структуры стимулов для коррупционных действий; привлечения бизнеса к антикоррупционным процессам, участие

общественности в противодействии коррупции [1, с. 7]. Это вовсе не означает, что уменьшается роль других стратегий тактического и перспективного характера в противодействии коррупции или поиск новых.

1. *Сокращение практических возможностей совершения коррупционных правонарушений.* Фактические масштабы этой стратегии ограничены. В разных странах она применяется по-разному: в технически развитых странах ее масштабы больше, а в технически слабых – меньше. Основная идея стратегии и соответствующих ей мероприятий состоит в создании более эффективных барьеров, преград, рисков для совершения коррупционных деяний или использования выгод, то есть минимизация отраслевых условий, способствующих совершению коррупционных проявлений. Мероприятия этой стратегии могут быть классифицированы на правовые, организационно-управленческие, кадровые, технические и технологические.

2. *Вмешательство в кризисные ситуации.* Эту стратегию следует понимать и использовать по-разному. Но главная ее идея – вмешательство в коррупционные процессы (телефоны доверия, расширение полномочий внешнего аудита по контролю за органами местной власти для охвата всех видов деятельности этих органов, внедрение системы внешнего аудита процедур государственных закупок, прекращение коррупционного деяния и др.).

3. *Изменение структуры стимулов для коррупционных деяний.* Изменение структуры стимулов предусматривает (как один из аспектов этой стратегии) осуществление эффективных мер, направленных на лишение правонарушителей возможностей использовать доходы, полученные в результате коррупционных деяний (декларирование расходов, доходов родственников; замораживание, конфискация и возвращение активов, полученных в результате коррупционных деяний; внедрение системы внешнего аудита процедур государственных закупок и др.).

4. *Привлечение бизнеса к антикоррупционным процессам.* Коррупция является самым большим препятствием для нормального функционирования бизнеса. Эксперты Мирового Банка считают коррупцию главной экономической проблемой современности. Их данные свидетельствуют, что 40 % предпринимателей во всем мире вынуждены давать взятки. В развитых странах этот показатель представляет 15 %, в азиатских – 30 %, в странах СНГ – 60 %. В связи с этим привлечение бизнеса к подготовке и реализации программ предупреждения коррупционных правонарушений станет важным шагом на пути к сокращению этого явления.

5. *Участие общественности в противодействии коррупции.* Как справедливо отмечает В. И. Борисов, отдельным направлением стратегии предотвращения коррупции должна стать атмосфера неприятия коррупции и содействие осознанию каждым гражданином, что его личное участие в антикоррупционном движении является весомым вкладом в наведение порядка [2, с. 14]. При этом следует отметить, что эффективность участия общественности в вопросах противодействия коррупции будет зависеть от степени взаимодействия с государственными органами.

В нормах международного законодательства акцентируется внимание на привлечении общественности к противодействию коррупции. В частности, в Конвенции ООН против коррупции от 31 октября 2003 г. отражены меры по укреплению такого участия, которые сводятся к усилению прозрачности и содействию привлечения населения к процессу принятия решений; обеспечению доступности информации государственного и местного значения для населения; проведению для граждан информационных и образовательных кампаний, способствующих созданию атмосферы неприятия коррупции; уважению, поощрению и защите права на поиск, получение, обнародование информации о коррупции.

Существуют и иные подходы к предупреждению и противодействию коррупции.

Список цитированных источников

1. Голіна, В. В. Нові підходи до запобігання корупції в Україні / В. В. Голіна // Взаємодія державних органів і громадськості у запобіганні та протидії корупції : матеріали наук.-практ. семінару, 24 квіт. 2014 р. / НАПрН України, НДІ вивч. проб. злочинності ім. акад. В. В. Сташиса. – Харків : НДІ вивч. проб. злочинності ім. акад. В. В. Сташиса НАПрН України, 2014. – С. 5–10.

2. Борисов, В. І. Державна політика у сфері боротьби з корупцією / В. І. Борисов // Правові та інституційні механізми протидії корупційним правопорушенням : матеріали наук.-практ. семінару, 20 квіт. 2012 р. / НАПрН України, НДІ вивч. проб. злочинності ім. акад. В. В. Сташиса. – Київ, Харків : Право, 2013. – С. 11–15.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ПРОФИЛАКТИКИ КОРРУПЦИИ

Грейбо И.С.

В республике выстроена и в целом эффективно функционирует комплексная система борьбы с коррупцией, включая законодательное регулирование данных вопросов.

Анализ криминогенной обстановки свидетельствует о том, что принятые в последние годы меры в целом позволили минимизировать так называемую «бытовую коррупцию».

В Республике Беларусь в 2015 г. учтено 1 603 коррупционных преступления, 2016 г. – 1 593, 2017 г. – 1 885, 2018 г. – 2 469, 2019 г. – 2 363. После устойчивого роста в 2015–2018 гг. основных показателей коррупционной преступности, в 2019 г. ситуация стабилизировалась. Количество таких деяний незначительно уменьшилось (на 4,3 %), число лиц, их совершивших, практически не изменилось – 1087 (1089). Удельный вес фактов коррупции в общей структуре преступности снизился до 2,7 % (в 2015 г. – 1,7 %, 2016 г. – 1,7 %, 2017 г. – 2,2 %, 2018 г. – 2,9 %).

Всего с 2015 г. по 2019 г. учтено 9913 коррупционных преступлений, большинство из которых взяточничество (ст. 430, 431, 432 УК) – 5323, фактов хищения путем злоупотребления служебным положением (ст. 210 УК) – 2734, злоупотребления властью или служебными полномочиями (ст. 424 УК) – 1099. В указанный период времени наибольшее число коррумпированных лиц привлечено к уголовной ответственности за совершение хищений путем злоупотребления служебными полномочиями – 371 (в 2015 г. – 384, 2016 г. – 377, 2017 г. – 337, 2018 г. – 427), получение взятки – 328 (в 2015 г. – 126, 2016 г. – 120, 2017 г. – 156, 2018 г. – 305) и дачу взятки – 167 (в 2015 г. – 55, 2016 г. – 57, 2017 г. – 74, 2018 г. – 186).

Наибольшую опасность для государства и его экономики представляют незаконные схемы, в которые наряду с представителями бизнеса втянуты чиновники и должностные лица предприятий, которые получают незаконное вознаграждение за благоприятное решение вопросов в интересах коммерческих структур. Росту напряженности в обществе способствуют выявляемые факты многоуровневой преступной деятельности в социально-значимых отраслях, таких как здравоохранение, торговля, транспорт и др.

Наряду с выявлением и пресечением преступлений, усилением ответственности за их совершение, решающее значение имеет комплексная профилактика коррупции. Ее суть – функционирование в государственных управленческих структурах и субъектах хозяйствования во взаимодействии с правоохранительными органами и общественностью системы противодействия коррупционным рискам в собственной деятельности, овладение ее методикой.

Определяющим условием эффективной профилактики является совершенствованием норм антикоррупционного законодательства. Проводимая в Беларуси нормотворческая деятельность в этой сфере правового регулирования должна носить комплексный характер и учитывать взятые республикой на себя обязательства в рамках международно-правового сотрудничества, предложения заинтересованных государственных органов и общественные инициативы.

Среди предлагаемых на сегодняшний день Генеральной прокуратурой новелл национального законодательства можно выделить три основные группы: общеправовые, нацеленные на совершенствование действующих и введение новых предупредительных механизмов, уголовно-правового и административно-деликтного характера, а также касающиеся процессуальных аспектов наложения взысканий за допущенные нарушения.

В области противодействия коррупции наибольший интерес всегда представляли механизмы, призванные предупредить или сделать изначально невыгодным противоправное поведение, т. е. механизмы профилактической направленности.

Один из основных антикоррупционных механизмов – институт предотвращения и урегулирования конфликта интересов. Надзорная практика показывает, что его потенциал пока задействован незначительно. В этой связи предлагается дополнить перечень субъектов, интересы которых влияют

или могут повлиять на надлежащее исполнение государственным должностным лицом своих служебных (трудовых) обязанностей, собственниками и супругами детей указанного лица. При этом полагаем необходимым установить обязательность ознакомления государственного должностного лица с порядком его предотвращения и урегулирования при подписании лицом обязательства по соблюдению ограничений, предусмотренных ст. 16 Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З «О борьбе с коррупцией» (далее – Закон). Кроме того, надлежит предусмотреть последствия нарушения данного порядка для всех категорий государственных должностных лиц независимо от наличия у них статуса государственного служащего – привлечение к дисциплинарной ответственности вплоть до увольнения.

Вполне очевидным является требование о подписании нового обязательства при изменении должностного положения лица, которое повлияло на объем возложенных на него антикоррупционных ограничений.

Необходимо расширить субъектный состав перечня близких лиц государственного должностного лица, вступая во взаимодействие с которыми, оно должно ограничиваться в определенных действиях (оказание содействия в осуществлении предпринимательской деятельности, совершение сделок от имени представляемой организации). Это обусловлено значительным числом случаев совершения государственными должностными лицами коррупционных деяний в интересах супругов своих детей.

Кроме этого, нами предлагаются изменения, предусматривающие распространение антикоррупционных механизмов, указанных в ч. 5 ст. 17 Закона (например, запрет на принятие дорогостоящих подарков или услуг в связи с исполнением государственным должностным или приравненным к нему лицом служебных или трудовых обязанностей) на супругу (супруга), близких родственников, супругов детей или собственников государственного должностного или приравненного к нему лица вне зависимости от ведения ими общего хозяйства. Факт совместного проживания близких лиц не влияет на возможность противоправного получения ими выгод через подкуп государственного должностного или приравненного к нему лица.

Также представляется целесообразным расширение института ограничения по совместной службе (работе) на должностях руководителя (заместителя) и главного бухгалтера (заместителя) или кассира супругов, близких родственников или собственников. Такое ограничение может быть введено не только в государственных органах и организациях, но и организациях с преобладающей долей собственности государства (50 и более процентов).

Существующая обоснованная необходимость участия государственных должностных лиц, возглавляющих организации-учредители, в деятельности органов управления дочерней структуры на сегодняшний день ограничивается требованиями абз. 6 ч. 1 ст. 17 Закона. Оптимальным решением данной проблемы является принятие на уровне правительства нормативного правового акта, регламентирующего вопросы представительства интересов основной организации в органах управления дочерней.

Дополнительной регламентации требуют вопросы правомерности использования государственными должностными лицами предоставленного им для выполнения служебных обязанностей имущества. Предлагается сохранить установленный в действующем законодательстве общий принцип запрета использования такого имущества во внеслужебных целях. Вместе с тем потребуется предусмотреть ситуации, в которых использование имущества государственного органа (организации) признается не противоречащим служебным интересам.

Внедрение дополнительных форм взаимодействия позволит государственному органу, иной организации запрашивать и получать от правоохранительных органов сведения о коррупционных деяниях работников. Такая информация поможет своевременно корректировать проводимые в органе (организации) профилактические мероприятия и осуществлять взвешенную кадровую политику.

Из числа наиболее значимых новелл в области материального права Генеральная прокуратура выступает за установление административной ответственности юридического лица за передачу незаконного вознаграждения от его имени или в его интересах. Привлечение физического лица к уголовной ответственности не освобождает от ответственности организацию, а является необходимым условием ее наказания. Однако ответственности можно избежать, если юридическое лицо способствовало выявлению данного правонарушения, и (или) раскрытию, и (или) расследованию преступления, связанного с этим правонарушением, либо в отношении юридического лица имело место вымогательство. Данное новшество будет способствовать выполнению Республикой Беларусь положений Конвенции Совета Европы от 27 января 1999 г. об уголовной ответственности за коррупцию, участником которой является наше государство.

ОБЩЕСОЦИАЛЬНЫЙ ВЕКТОР ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

Данильченко Ю.Б.

Не требует дополнительной аргументации тезис о том, что коррупция на сегодняшний день в Украине стоит в одном ряду с серьезнейшими угрозами национальной безопасности. Но в отличие от внешних их источников, коррупционные правонарушения являются, к сожалению, одними из базовых внутренних элементов всей социальной конструкции. И было бы большой ошибкой считать, что эти элементы относятся только к ее публичному сегменту. Проблема более глубокая и уходит своими корнями в индивидуально-психологические и трансперсональные составляющие коллективных практик. Иными словами, коррупция является инструментальным социально-психологическим феноменом, последствия воспроизводства которого распространяются далеко за пределы функциональности органов публичного администрирования.

Следует констатировать инклюзивность коррупции в механизм криминогенной самодетерминации наиболее широкого спектра действия. Он опосредуется проявлениями аномии, недостатками правосознания, комплексом произвола и правовых иллюзий. Последнее, по-видимому, является наиболее опасным и свидетельствует о неприятии как личных императивов правовых предписаний, отсутствии и на уровне интенций, и на уровне рациональной деятельности ощущения (как потребности, психологического запроса) и понимания необходимости существования упорядоченной и гарантированной правом меры ответственной свободы. В этом усматриваются корни зла, именуемого коррупцией.

Ясно, что изменение формата (прежде всего по критерию субъективного содержания и формы) правовой деятельности должно исходить из утверждения личностно резонансных аспектов участия социального субъекта в отношениях с государством, местной властью. А это, в свою очередь, задача изменения парадигмы социального управления, его философии в целом. В этом смысле следует осознавать, что реформистское движение подобного масштаба должно быть комплексным, предусматривать не только сугубо административные или социально-философские концепты государственно-правовых инноваций, а, прежде всего, экономические и, шире, – политэкономические. Таким образом, речь идет о том, что по форме уже стало традиционным для криминологической науки – реальное обеспечение приоритета общесоциального над юрисдикционным в механизме противодействия преступности в целом и коррупции в частности. Не имея устоявшегося толкования своего содержательного компонента, общесоциальная превенция требует, очевидно, не столько научной ревизии, сколько четкого определения сначала направлений (целей), а далее – стратегии и тактики развертывания масштабного наступления на комплекс социальных противоречий и их факторы, которые в наибольшей степени проявляются в процессах криминализации общества.

Формирование общесоциального вектора противодействия коррупции, исходя из принципов историзма и системности, должно учитывать несколько принципиально важных моментов. Во-первых, это транзитивизм общественного строя, его неустойчивость, социально-психологическая гетерогенность (конфликт патернализма, этатизма и свободы), аномийность и т. д. Во-вторых, это наличие механизмов так называемой «управляемой демократии», а отсюда – и зависимость всей социодинамики от воздействия криминально-бюрократических факторов, неэффективных, экстенсивных моделей государственного управления. В-третьих, это олигархизация политических отношений, имеющая в качестве следствия коммерциализацию значительной части государственной политики. В-четвертых, это неразвитость институтов корпоративной собственности, отсутствие государственной поддержки инновационных направлений экономического развития, защиты и стимулирования развития интеллектуального капитала. В-пятых, это отстраненность государства от идеологической работы. В своем комплексе эти обстоятельства дают достаточно наглядную картину наиболее проблемных зон обструкции интенсивного экономического прогресса, снижения

конфликтности общественного развития. И именно на них в первую очередь должно быть нацелено деструктивное управляющее воздействие.

Учитывая изложенные замечания, общесоциальный вектор противодействия коррупции должен содержать следующие компоненты:

1. Утверждение в государственных решениях, правореализации, образовательном процессе либерально-гуманистической идей организации общежития украинского народа. Это предполагает начало реального внедрения в жизнь: а) личностно-ориентированной концепции функционирования публичного администрирования; б) формирование свободной и ответственной личности – активного участника политических процессов и инициативной экономической деятельности с одновременным утверждением концептуального единства личностного роста и государственного развития.

2. Переход от модели «управляемой демократии» к консолидированной демократии либерального типа. В практическом срезе это должно отразиться в: а) разрыве связей между успешностью бизнес-проекта и наличием «патрона» в органах государственной власти; б) отходе от управляемого рынка к социализированному рынку; в) ликвидации командно-политического принципа комплектования центральных и местных органов исполнительной власти; г) активизации политической активности на местном уровне. Логика развития демократии предполагает движение от регионов к центру, а не наоборот; д) стимуляции либерального сознания, ментальности, свободной от публичного давления, но ответственной, инициативной личности. В этом аспекте очень важно осознание сущности личностно-ориентированной концепции власти, суть которой сводится к приоритету раскрытия человеком своего творческого, конструктивного потенциала.

3. Развитие корпоративных отношений в направлении деперсонификации собственности, обеспечение реального доступа акционеров к финансовым результатам деятельности компаний. Без развития института корпоративно-частной собственности – базиса цивилизованного бизнеса – немыслима его социальная переориентация.

4. Снижение политического влияния финансово-промышленных групп на органы государственной власти. Такое влияние является основным фактором политической коррупции и сращивания бизнес-структур с властью, искажающим ее деятельность, дистанцирующим ее от общесоциальной платформы.

5. Государственное стимулирование концентрации капитала. На первый взгляд, это направление противоречит предыдущему. Но более детальный анализ это опровергает и обнаруживает, что укрупнение бизнеса является одним из необходимых шагов на пути к реанимации сначала индустриальной модели экономики (реиндустриализация – объективно закономерная, а потому обязательная для нашего государства фаза экономического роста), а через нее – транзита к постиндустриальной. Только во взаимодействии с крупными экономическими игроками малый бизнес способен прогрессировать.

6. Активизация политики поддержания малого предпринимательства. Путей и рекомендаций по этому поводу – множество. Осмелимся привнести

в них свое видение отдельной комбинации антикоррупционного характера. Считаем, что положительным шагом в этом направлении могло бы стать предоставление членам семей лиц, являющихся декларантами в соответствии с Законом Украины «О предотвращения коррупции» (прежде всего работников правоохранительных органов), налоговых льгот в сфере предпринимательской деятельности. Это будет способствовать: а) интенсификации деловой, предпринимательской активности населения, снижению безработицы; б) росту поступлений в государственный бюджет за счет детенизации экономики, увеличения количества зарегистрированных субъектов предпринимательской деятельности; в) качественному конкурсу на государственную службу при сохранении условно небольшого денежного ее обеспечения; г) повышению мотивации лица к сохранению службы и продвижения по ней. Социальный вес риска прекращения службы растет, а отсюда – усиливается мотивация государственных служащих, сотрудников правоохранительных органов.

7. Стимулирование инновационного предпринимательства прежде всего венчурного типа, как неотъемлемого признака постиндустриального общества, в котором человеческий капитал, интеллектуальная составляющая экономического потенциала прочно утвердились среди приоритетов государственного управления.

Таким образом, основная цель общесоциального вектора противодействия коррупции вполне корреспондирует общенациональным интересам в формировании мощного среднего класса – финансово и политически независимого слоя населения. Достижение этой цели в нашем государстве может происходить только как результат успешной реализации полноценного отечественного либерального проекта.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ И ПРОФИЛАКТИКА КОРРУПЦИОННЫХ ПРОЯВЛЕНИЙ В ВОИНСКИХ ЧАСТЯХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Игнатенко А.С.

Природу современных коррупционных проявлений специалисты различных отраслей знаний объясняют по-разному. Большое внимание эффективному противодействию коррупции уделяется и в военной сфере.

В то же время куда более востребовано для оценки морального здоровья военнослужащих Вооруженных Сил, а также уровня правовой защиты организационно-штатных единиц воинской части и управления принятие неотложных и адекватных правовых мер по решению возникающих в связи с коррупционными проявлениями проблем военного строительства и управления.

Согласно правовым актам, издаваемым в Вооруженных Силах Республики Беларусь, и требованиям главы 3 Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З «О борьбе с коррупцией» в Вооруженных Силах Республики Беларусь существует действенный правовой аппарат, позволяющий

своевременно и вместе с тем качественно реагировать, предупреждать, профилировать возможные и существующие тенденции к нарушению антикоррупционного законодательства.

В развитие антикоррупционных правовых актов Республики Беларусь приняты (утверждены): приказ Министра обороны Республики Беларусь от 27 января 2016 г. № 87 «Об утверждении комплекса мероприятий по предупреждению коррупции и противодействию ей в Вооруженных Силах и транспортных войсках»; приказ Министра обороны Республики Беларусь от 25 марта 2016 г. № 333 «О комиссии по противодействию коррупции в Вооруженных Силах»; приказ Министра обороны Республики Беларусь от 22 января 2016 г. № 70 «О некоторых вопросах декларирования доходов и имущества в Вооруженных Силах»; Программа по формированию антикоррупционного сознания военнослужащих и лиц гражданского персонала в Вооруженных Силах, утвержденная Министром обороны Республики Беларусь от 9 декабря 2016 г.; План работы комиссии по противодействию коррупции в Вооруженных Силах на 2020 год.

На основании правовых актов Министерства обороны Республики Беларусь, приказа командира воинской части как основного распорядительного документа для подчиненных ему военнослужащих в воинских частях Вооруженных Сил наряду с общими мерами по профилактике коррупционных проявлений применяются достаточно эффективные специальные меры, в том числе:

- по всем выявленным случаям коррупционных правонарушений личное изучение условий и причин, способствовавших их совершению, представление письменного доклада об этом непосредственному начальнику и информации в комиссию по противодействию коррупции;

- обеспечение отражения объективных сведений о допущенных фактах коррупционных правонарушений и принятых по ним мерах воздействия, включая решение комиссии по противодействию коррупции, в аттестациях офицеров;

- обеспечение выполнения подчиненными должностными лицами установленных в законодательстве Республики Беларусь ограничений для государственных должностных и приравненных к ним лиц;

- при подведении итогов боевой подготовки и состояния воинской дисциплины осуществлять анализ работы по профилактике коррупционных правонарушений, на основании которого корректировать меры по их профилактике;

- личное участие командира воинской части в подборе и изучении морально-деловых и нравственных качеств кандидатов для назначения на должности, связанные с осуществлением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных функций;

- принятие зачетов по знанию положений законодательства в сфере борьбы с коррупцией у непосредственно подчиненных должностных лиц и лиц, должностные обязанности которых связаны с коррупционным риском;

обеспечение проведения обязательной юридической экспертизы при принятии управленческих решений о проведении процедур государственных закупок товаров (работ, услуг);

обеспечение эффективного контроля за соблюдением законодательства в сфере борьбы с коррупцией в подчиненных воинских частях, подразделениях и качеством проведения подчиненными должностными лицами мероприятий по профилактике нарушений законодательства в сфере борьбы с коррупцией;

осуществление контроля за соблюдением требований, изложенных в законодательстве Республики Беларусь о декларировании, в том числе за полнотой и достоверностью сведений, указанных в представленных декларациях о доходах и имуществе, и др. [1].

По результатам исследования представляется возможным сформулировать следующие выводы и предложения.

Воинские подразделения в частности и Вооруженные Силы Республики Беларусь в целом, будучи в основном закрытой общественной подсистемой, в которой наряду с остальными государственными органами и организациями также существуют коррупционные риски, не должны оставаться без надлежащего правового обеспечения в сфере противодействия коррупционным проявлениям.

В целях совершенствования понятийного антикоррупционного аппарата есть необходимость дать определение понятию «коррупционное проявление» и вместе с тем выявить и дополнить ситуации объективной реальности, способствующие нарушению существующего антикоррупционного законодательства. Разработка и законодательное закрепление данного понятия, по мнению автора, позволит исключить разночтения и несогласованность в правоприменительной практике, выработать единые подходы в деятельности правоохранительных, судебных и иных государственных органов и организаций, в том числе повысит эффективность правового регулирования по предупреждению и профилактике коррупции в Вооруженных Силах нашей страны. Так, в словаре Д. Н. Ушакова «проявление» определяется прежде всего как «поступок». Может трактоваться и как «действие через выражение». И еще одно значение этого слова: «обнаружение каких-нибудь внутренних состояний, качеств, свойств» [2]. Аналогичный подход к слову «проявление» находим и в других толковых словарях. Российское законодательство определяет «коррупционное проявление» как «препятствующее осуществлению прав и свобод физических и юридических лиц решение или действие должностного лица, муниципального служащего, руководителя муниципального учреждения, вызванное наличием коррупционных факторов ...» [3]. В случае законодательного закрепления термина «коррупционное проявление» считаем необходимым уточнить в правовых актах, касающихся Вооруженных Сил Республики Беларусь, его специфические признаки в контексте особенностей правового статуса государственных должностных и приравненных к ним лиц в Вооруженных Силах.

Ввиду того факта, что отечественным законодателем определен закрытый перечень коррупционных правонарушений, возникает дилемма

по разграничению как объективных, так и субъективных обстоятельств, влияющих на противодействие коррупционным проявлениям в Вооруженных Силах Республики Беларусь в частности и в целом на всех уровнях государственной власти. Наряду с этим, хотелось бы отметить, что коррупционные проявления неразрывно связаны с субъектом, то есть с государственным должностным или приравненным к нему лицом.

Ввиду изложенного, имеет недостаточное правовое отражение, по нашему убеждению, разветвленная структура мер по предупреждению коррупционных проявлений в зависимости от правового положения субъекта правонарушения, в том числе лица, постоянно или временно либо по специальному полномочию занимающего должность, в том числе воинскую, в Вооруженных Силах Республики Беларусь. Отметим, что в зависимости от статуса государственного органа, организации и в соответствии с законом в настоящее время имеют место как общие меры по профилактике коррупционных проявлений, так и специальные. В этой связи представляется необходимой четкая регламентация и видовая классификация коррупционных правонарушений по критериям объективности и субъективности их проявлений.

Список цитированных источников

1. Об утверждении комплекса мероприятий по предупреждению коррупции и противодействию ей в Вооруженных Силах и транспортных войсках [Электронный ресурс] : приказ Мин. обор. Респ. Беларусь, 27 янв. 2016 г., № 87 // ЭТАЛОН. Иные вопросы законодательства об обороне / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

2. Словарь Д. Н. Ушакова. Значение слова «проявление» [Электронный ресурс] / Большой онлайн-словарь значений слов русского языка. – Режим доступа: <https://znachenie-slova.ru/проявление>. – Дата доступа: 01.03.2020 г.

3. О противодействии коррупции [Электронный ресурс] : Федеральный закон Российской Федерации, 25 дек. 2008 г., № 273-ФЗ // WIPO Lex. – Режим доступа: <https://wipo.lex.wipo.int/ru/text/461644>. – Дата доступа: 04.02.2020.

КОНФИСКАЦИЯ ИМУЩЕСТВА КАК ПРОФИЛАКТИЧЕСКАЯ МЕРА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

Казеев А.В.

Коррупция представляет серьезнейшую угрозу общественным и государственным интересам. При этом, как указано в постановлении Пленума Верховного суда Республики Беларусь от 26 июня 2003 г. № 6 «О судебной практике по делам о взяточничестве» [1], взяточничество является наиболее опасным проявлением коррупции, поскольку подрывает принципы государственного управления, равенства и социальной справедливости, сдерживает экономическое развитие, составляет угрозу моральным устоям общества.

Одним из средств противодействия коррупции является уголовное преследование лиц, совершивших преступления. Законом Республики Беларусь

от 9 января 2019 г. № 171-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь» [2] из санкций статей Особенной части Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) исключен такой вид наказания, как конфискация имущества. Вместо этого в санкциях статей, в том числе по преступлениям коррупционной направленности, предусмотрено применение штрафа в размере от 300 до 5 000 базовых величин. Кроме того, этим же законом УК дополнен статьей 46-1, которая дает определение термину «специальная конфискация». Однако совокупность штрафа со специальной конфискацией в полной мере не отвечают эффективности и справедливости общей конфискации имущества, которая существовала ранее.

Так специальная конфискация предусматривает принудительное безвозмездное изъятие в собственность государства имущества, добытого преступным путем или приобретенного на средства, добытые преступным путем, дохода, полученного от использования этого имущества, а также предметов преступления. В то же самое время преступления коррупционной направленности, в том числе взяточничество, обладают высокой степенью латентности, т. к. в большинстве случаев ни должностное лицо, получившее взятку, ни лицо, передавшее ее, не заинтересованы в сообщении о случившемся в правоохранительные органы. Поэтому институт специальной конфискации в том виде, в котором он закреплён в законодательстве в настоящее время, не в полной мере может оказывать профилактическое воздействие на преступления коррупционной направленности, т. к. он ограничен пределами именно доказанного преступного дохода.

Данную проблему, казалось бы, должен решить такой вид наказания, как штраф. Однако, как показывает практика расследования уголовных дел, в последние годы по преступлениям о взяточничестве (ст. 430 УК) расходы и имущество, которое находится в фактическом пользовании должностных лиц и членов их семей, зачастую значительно превышает их легальные доходы. При этом разница в превышении может в значительной степени перекрывать лимит штрафа, предусмотренный законодательством, что сводит на нет принцип справедливости уголовной ответственности.

Попытка профилактики коррупционных правонарушений, касающаяся изъятия имущества в доход государства, предпринята в Законе Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З «О борьбе с коррупцией», где, в частности, ст. 36 предусматривается изъятие имущества (взыскание расходов), стоимость которого (размер которых) превышает доходы, полученные из законных источников. Согласно указанной норме под явным превышением стоимости имущества и иных расходов над доходами, полученными из законных источников, понимается превышение, составляющее не менее 25 % от доходов, полученных из законных источников. Однако данный институт не решает существующей проблемы [3].

Во-первых, действие статьи распространяется лишь на должностных лиц, занимающих ответственное положение, лиц, поступивших на государственную службу путем избрания, их супруга (супруги), несовершеннолетних детей, в том числе усыновленных (удочеренных), совершеннолетних близких

родственников, совместно с ними проживающих и ведущих общее хозяйство, но оставляет без внимания всех остальных должностных лиц, которые также могут быть субъектами должностных преступлений. Во-вторых, данное превышение возможно установить лишь при проверке декларации о доходах и имуществе указанных лиц. Однако данная проверка существенно уступает имеющимся возможностям при проведении следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, проводимых в ходе расследования уголовных дел.

В настоящее время видится необходимым расширить определение специальной конфискации. Данное расширение определения должно предусматривать презумпцию добросовестности поведения должностных лиц и презумпцию обоснованности имущества, находящегося в фактическом пользовании и распоряжении должностных лиц и членов их семей.

Доказательством такой необходимости и несостоятельности связи специальной конфискации с применением штрафа может служить негативный опыт Российской Федерации, где в 2003 г. было исключено из уголовного кодекса наказание в виде общей конфискации имущества. В качестве примера можно привести данные, представленные неправительственной организацией по борьбе с коррупцией и исследованию уровня коррупции по всему миру «Transparency International». Так, по состоянию на 2002 г. Российская Федерация находилась на 71 месте в рейтинге, на 2003 г. – на 86 месте, на 2005 г. – на 126 месте, на 2019 г. – на 137 месте [4]. Кроме того, на необходимость возврата в Уголовный кодекс Российской Федерации дополнительного вида наказания в виде конфискации имущества неоднократно указывал Глава Следственного комитета России Александр Бастрыкин, в частности, очередной раз он об этом заявлял в ходе интервью газете «Известия» в июле 2019 г. [5].

Возможность реализации в законодательстве более расширенного толкования конфискации, чем предусмотрено в ст. 46-1 УК, а также возложение именно на должностное лицо обязанности доказывать законность происхождения предполагаемых доходов от преступления полностью соответствует международным нормам. В частности, об этом говорится в ст. 31 Конвенции ООН против коррупции (заключена в г. Нью-Йорке 31 октября 2003 г. и ратифицирована Республикой Беларусь 25 ноября 2004 г.) [6], а также в ст. 12 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности (заключена в г. Палермо 15 ноября 2000 г. и ратифицирована Республикой Беларусь 3 мая 2003 г.) [7].

Таким образом, в целях эффективного противодействия преступлениям коррупционной направленности в настоящее время необходимо рассмотреть вопрос расширения определения специальной конфискации, предусмотренного в ст. 46-1 УК, дополнив его следующей формулировкой: «Независимо от права собственности подлежит специальной конфискации имущество, которое находится в фактическом пользовании должностного лица, совершившего преступление против интересов службы, а также его близких родственников в случае, если они не смогут обосновать законность его происхождения».

При этом подобный способ профилактики совершения преступлений уже известен мировой практике, в частности, предусмотрен в законодательстве Великобритании, Италии, Норвегии, Австралии и др.

Список цитированных источников

1. О судебной практике по делам о взяточничестве [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь от 26.06.2003, № 6 ; в ред. от 24.09.2009 // Консультант Плюс: Версия 4017.00.96. Технология ТОП / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2020.
2. О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 09.01.2019, № 171-3 // Консультант Плюс: Версия 4017.00.96. Технология ТОП / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2020.
3. О борьбе с коррупцией [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 15.07.2015, № 305-3 // Консультант Плюс: Версия 4017.00.96. Технология ТОП / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2020.
4. Транспаренс интернешнл в Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://transparency.org.ru/research/indeks-vospriyatiya-korrupsii/>. – Дата доступа: 12.03.2020.
5. Известия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iz.ru/899404/izvestiia/nadovernut-konfiskatsiiu-imushchestva-kak-dopolnitelnyi-vid-nakazaniia/>. – Дата доступа: 11.03.2020.
6. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции [Электронный ресурс] : [Заключена в г. Нью-Йорке, 31.10.2003] // Консультант Плюс: Версия 4017.00.96. Технология ТОП / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2020.
7. Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности [Электронный ресурс] : [Заключена в г. Палермо, 15.11.2000] // Консультант Плюс: Версия 4017.00.96. Технология ТОП / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2020.

УКРАИНСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА ОБЛИЧИТЕЛЕЙ КОРРУПЦИИ⁵

Колодяжный М.Г.

Коррупция представляет собой современную социальную эпидемию. Она поразила все без исключения страны мира, отличающиеся лишь масштабом распространения коррупции и ее негативными последствиями. Если говорить о коррупции в Украине, то она является одной из самых актуальных угроз для национальной безопасности страны. По данным международной организации Transparency International Украина по уровню восприятия коррупции гражданами оказалась в 2019 г. на 126 месте из 180 стран мира, набрав 30 условных баллов. Республика Беларусь в этом отношении находится в более выгодном положении, поскольку по уровню восприятия коррупции находится на 66 месте указанного рейтинга.

⁵ Тезисы доклада подготовлены в рамках фундаментальной темы исследования «Стратегия уменьшения возможностей совершения преступлений: теория и практика» отдела криминологических исследований НИИ ИПП имени акад. В. В. Сташиса НАПрН Украины.

В Конвенции ООН против коррупции, принятой в 2003 г., отмечается, что предупреждение этого явления должно осуществляться с обязательным привлечением гражданского общества. Это объясняется тем, что ограничивать коррупцию фактически невозможно без активного участия в этом процессе отдельных граждан как потенциальных участников коррупционных преступных отношений.

Общественный уклон антикоррупционной деятельности выражает сущность стратегии «community policing» (работа полиции, ориентированная на общественность) и заключается в следующем: а) значительная экономия средств государственного бюджета вследствие использования на платной и бесплатной основе помощи граждан и их объединений; б) налаживание партнерских отношений гражданского общества с органами уголовной юстиции; в) повышение доверия граждан к правоохранительным органам и государству в целом; г) оптимизация деятельности силовых ведомств; д) уменьшение рабочей нагрузки на работников антикоррупционных органов благодаря использованию дополнительных резервов добровольцев и других категорий граждан и др.

На более последовательное внедрение стратегии «community policing» в сфере предупреждения коррупции направлены положения Закона Украины от 14 октября 2014 г. № 1700-VII «О предупреждении коррупции», касающиеся деятельности изобличителей коррупции и вступившие в законную силу с 1 января 2020 г. В частности, в этом Законе дано понятие *изобличителя коррупции*. Им является физическое лицо, которое при наличии убежденности в достоверности информации, сообщило о возможных фактах коррупционных или связанных с коррупцией правонарушений, совершенных другим лицом, если такая информация стала ему известна в связи с его трудовой, профессиональной, хозяйственной, общественной, научной деятельностью, прохождением службы, обучением или его участием в предусмотренных законодательством процедурах, являющихся обязательными для начала такой деятельности, прохождения службы или обучения.

Указанный Закон также закрепляет понятие регулярных, внутренних и внешних каналов сообщения о возможных коррупционных фактах; регламентирует процедуру государственной защиты изобличителей и их близких; описывает порядок осуществления проверки сообщения изобличителя; предусматривает права и гарантии защиты такого лица и т. п.

Существенным положением Закона можно считать денежное вознаграждение изобличителя за предоставленную информацию о коррупции. Так, право на вознаграждение имеет изобличитель, сообщивший о коррупционном преступлении, размер предмета которого или причиненный государству ущерб в 5 тыс. и более раз (10,1 млн грн или 413,7 тыс. дол. США) превышает размер прожиточного минимума для трудоспособных лиц (2027 грн или 83 дол. США), установленных законодательством Украины на момент совершения преступления. Размер вознаграждения равен 10 % указанной суммы, т. е. 1 млн грн (41,3 тыс. дол. США). При этом указанный Закон

устанавливает, что размер этого вознаграждения не может превышать 3 тыс. минимальных заработных плат (14,2 млн грн или 578,3 тыс. дол. США).

Для активизации института изобличителей коррупции необходимо изучение прогрессивного зарубежного опыта в этой сфере. Например, в США в рамках программы «Останови преступника» (Crime Stoppers), которая работает с 1976 г., можно получить денежную сумму в размере от 50 до 2 тыс. дол. США за анонимное сообщение о совершенном преступлении, в том числе коррупционном.

Благодаря активности небезразличных граждан в рамках этого проекта каждые 14 мин в разных странах мира задерживается один подозреваемый в совершении правонарушения. На протяжении реализации этой программы были арестованы сотни тысяч преступников в 26 странах мира, включая также Великобританию, Австралию, Канаду, Нидерланды, ЮАР [1].

Отдельная программа по вознаграждению добропорядочных информаторов имеет место в работе ФБР США. За предоставление ценных данных о коррупционной деятельности можно получить денежное поощрение до 25 тыс. дол. США.

Последовательной в этом отношении является антикоррупционная политика Республики Казахстан. На данный момент в этой стране можно получить максимальное вознаграждение за соответствующую информацию о коррупционном деянии в размере 240 тыс. тенге (630 дол. США). Агенство Республики Казахстан по противодействию коррупции инициирует привязать размер вознаграждения к сумме взятки. В ближайшее время такое поощрение может достигать до 1 млн тенге (2,6 тыс. дол. США) [2]. Подобная практика есть и в ряде других государств.

В целом с целью активизации функционирования института изобличителей коррупции в различных странах предлагается:

- 1) внесение в действующее антикоррупционное законодательство положения о деятельности изобличителей коррупции (добропорядочных информаторов);

- 2) формирование антикоррупционной культуры граждан, направленной против коррупционных практик и толерантного отношения к коррупционерам;

- 3) возложение ответственности за результаты по противодействию коррупции не только на правоохранительные органы, но и на граждан, поскольку без их поддержки антикоррупционных инициатив успехи в этой сфере будут минимальными;

- 4) привлечение бизнесменов, меценатов к формированию общегосударственного фонда, из которого будет осуществляться денежное вознаграждение изобличителей коррупции;

- 5) создание реального механизма государственной защиты изобличителей коррупции и членов их семей;

- 6) внедрение в деятельность органов государственной власти сингапурского подхода «стал чиновником – изобличи двух своих друзей-коррупционеров»;

7) предоставление изобличителям коррупции определенных льгот в виде: преимущества для карьерного роста и продвижения по службе; преференций при трудоустройстве на различные должности в органах государственной власти и местного самоуправления, переводе на другую должность (опыт США, Китая, Сингапура).

Только комплексный подход в предупреждении коррупции может гарантировать реальные результаты этой деятельности. Активность изобличителей коррупции, дополненная профессионализмом сотрудников антикоррупционных органов, должна обязательно соединяться с иными, не менее действенными, антикоррупционными стратегиями предупреждения. Такой считается стратегия уменьшения возможностей для совершения коррупционных преступлений.

Указанная стратегия включает:

- подходы ситуационного предупреждения коррупции (усложнение реализации корыстной мотивации коррупционеров; усиление рискованности незаконной деятельности последних; снижение выгоды занятия коррупционными практиками; сокращение коррупционных провокаций для государственных служащих всех уровней; недопущение оправдательной психологии коррупционеров);

- формирование пространственной антикоррупционной концепции (усиление мер предупреждения в сферах, отраслях и органах с наибольшими коррупционными рисками и потерями для государственного бюджета);

- внедрение программ общественного антикоррупционного дозора относительно сообщения гражданами про все известные им факты коррупции и общественного контроля над открытием и расследованием соответствующих уголовных производств;

- использование современных технологий (видеонаблюдение в служебных кабинетах чиновников по примеру Грузии);

- упрощение процедур предоставления административных услуг и др.

Список цитированных источников

1. Crime Stoppers International. — Режим доступа: <https://csiworld.org/about-us>.
2. Казахстанцы смогут получать солидное вознаграждение за информацию о взятке. — Режим доступа: https://forbes.kz//process/kazahstantsyi_smogut_poluchat_solidnoe_voznagrajdenie_za_informatsiyu_o_vzyatke/.

ПОВЫШЕНИЕ УРОВНЯ АКТИВНОСТИ ГРАЖДАН В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ КОРРУПЦИИ

Кравцова М.А.

В настоящее время в Республике Беларусь выработана обширная правовая система противодействия коррупции: ратифицированы основные международные соглашения, приняты концептуальные стратегические

и национальные плановые антикоррупционные документы (Программа по борьбе с преступностью и коррупцией на 2020–2022 годы), действуют нормативные правовые акты, направленные на их реализацию.

В действующее законодательство введен институт общественного контроля в сфере борьбы с коррупцией. Основными задачами общественного контроля являются формирование и развитие гражданского правосознания; повышение уровня доверия граждан к деятельности государства, а также обеспечение тесного взаимодействия государства с институтами гражданского общества; содействие предупреждению и разрешению социальных конфликтов; обеспечение прозрачности и открытости деятельности органов власти; формирование в обществе нетерпимости к коррупционному поведению; повышение эффективности деятельности органов власти.

Так, в соответствии со ст. 46 Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З «О борьбе с коррупцией» (далее – Закон) деятельность граждан Республики Беларусь, организаций, в том числе общественных объединений, при осуществлении общественного контроля в сфере борьбы с коррупцией может осуществляться в форме участия в разработке и всенародном (общественном) обсуждении проектов нормативных правовых актов в сфере борьбы с коррупцией; участия в деятельности созданных в государственных органах и организациях комиссий по противодействию коррупции, а также иных формах, предусмотренных законодательными актами. Однако в законе не содержится положений, раскрывающих механизм, в рамках которого общественность получит возможность эффективно контролировать деятельность потенциальных коррупционеров [1, с. 106].

Понятие общественного контроля законодательно не закреплено, но, исходя из форм участия общественности, его значение можно рассматривать через понятия общественной проверки, анализа, а также общественной оценки актов, решений и действий государственных должностных лиц. В свою очередь, исходя из п. 5 Указа Президента Республики Беларусь от 16 октября 2009 г. № 510 «О совершенствовании контрольной (надзорной) деятельности в Республике Беларусь», осуществление общественного контроля в форме проведения проверок физическими лицами запрещается. Общественный контроль вправе осуществлять только профессиональные союзы, их организационные структуры, объединения таких союзов и их организационные структуры. Исходя из вышеизложенного, следует также отметить, что возможности осуществления общественного контроля гражданами в сфере борьбы с коррупцией весьма ограничены.

В этой связи представляет интерес рассмотрение вопроса эффективности участия граждан в противодействии коррупции как немаловажного звена обратной связи в государстве. В этой связи институт заявительства о коррупции следует рассматривать как часть борьбы органов прокуратуры с коррупцией при участии граждан. Так, в ст. 39 Закона закреплены гарантии для физических лиц, сообщивших о факте правонарушения, создающего условия для коррупции, коррупционного правонарушения, или иным образом способствующих выявлению коррупции, на государственную защиту. Кроме того,

постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 12 сентября 2019 г. № 619 закреплён и усовершенствован порядок выплаты вознаграждения физическим лицам, способствующим выявлению коррупции. Несмотря на это, сегодня существует ряд проблем, которые связаны с непосредственным вовлечением граждан в процедуры противодействия коррупции. Одной из них является то, что рассматриваемый институт не достаточно популяризирован среди граждан. Анализ правоприминительной практики показывает, что граждане не достаточно осведомлены как о своих правах в части противодействия коррупции, так и о материальном вознаграждении.

Кроме того, существует проблема правовой защиты лиц, сообщающих о фактах коррупции. Так, например, для лиц, сообщающих в интересах общества и государства о коррупционных правонарушениях, не достаточно развиты защитные механизмы обеспечения безопасности (защита от неправомерного увольнения, непродления контракта и иного ущемления прав и законных интересов заявителя о коррупции), меры по поощрению таких лиц (неконкретизированы суммы выплат), а также по возмещению им материального ущерба, возникшего в результате сообщения [2, с. 678]. Все это отрицательно влияет на активность лиц, сообщающих о коррупционных правонарушениях.

В ряде зарубежных стран, где существует институт заявителей о коррупции, разработаны соответствующие правовые режимы, направленные на внедрение мер по защите заявителей и, в конечном счете, призванные создавать благоприятные условия для развития культуры информирования о коррупции. Так, например, в рамках защиты от неправомерного увольнения заявителя о коррупции представляется возможным закрепить для таких сотрудников дополнительную юридическую защиту в трудовых взаимоотношениях, а также предусмотреть возможность установления ответственности работодателя в случае применения им репрессивных мер в отношении лица только на основании того факта, что такое лицо сообщило о правонарушении, а также меры ответственности должностных лиц, не обеспечивших надлежащее применение мер защиты заявителей о коррупции [3, 4].

Таким образом, в настоящее время участие общества в антикоррупционных мероприятиях не является достаточно результативным. Проблема правовой защиты лиц, сообщающих о фактах коррупции, требует дополнительного научного осмысления. Такой правовой пробел может привести к снижению мотивации для лиц, сообщающих о правонарушениях, в том числе коррупционных, что, соответственно, влияет на уменьшение количества таких сообщений.

Список цитированных источников

1. Плотников, А. А. Общественный контроль и его потенциал в противодействии коррупции / А. А. Плотников // Вестн. Северного федерал. ун-та. – 2013. – № 2. – С. 105–111.
2. Спектор, Е. И. Вопросы правовой защиты лиц, сообщающих о фактах коррупции / Е. И. Спектор, В. В. Севальнев // Журн. зарубеж. законод-ва и сравнител. правоведения. – 2015. – № 4. – С. 676–683.

3. Артемов, В. Ю. Правовая защита лиц, сообщающих о фактах коррупции : науч.-практич. пособие / В. Ю. Артемов [и др.] ; отв. ред. А. М. Цирин, Е. И. Спектор. – М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2016. – 144 с.

4. Макарова, О. В Обеспечение безопасности лиц, способствующих предупреждению и раскрытию коррупционных преступлений / О. В Макарова // Журн. российского права. – 2015. – № 7. – С. 97–105.

РОЛЬ СМИ В ПРОФИЛАКТИКЕ КОРРУПЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Лапцевич И.И.

Важная роль в противодействии коррупции на различных уровнях принадлежит законодательству, способному эффективно противостоять существующим коррупционным проявлениям, а также отражать ее новые вызовы. Однако данный аспект является далеко не единственным в системе мер, используемых государством в противодействии коррупции. Здесь особое внимание уделяется мерам, направленным на профилактику коррупционных проявлений. Как отмечает Г. А. Василевич, «противодействовать коррупции должны не только институты власти, но и все общество, ведь коррупция не представляет собой локальную проблему, а это то явление, которое затрагивает все общество и экономику всей страны, что обуславливает вовлечение в эту работу наиболее широкого круга участников» [1, с. 87], поэтому «борьба с коррупцией, ее предупреждение являются важнейшей составляющей общей стратегии развития белорусского государства ... Без изменения менталитета, парадигмы ценностей и приоритетов уровень коррупции существенно снизить трудно» [1, с. 87].

На значимость организации и проведения профилактических мероприятий обращается внимание в Конвенции ООН против коррупции 2003 г. (далее – Конвенция против коррупции), где в качестве одной из целей международного документа указывается содействие принятию и укреплению мер, направленных на более эффективное и действенное предупреждение коррупции и борьбу с ней (ст. 1). Конвенция против коррупции подчеркивает необходимость принятия государствами мер для активного вовлечения граждан в предупреждение коррупции и борьбу с ней, для углубления понимания обществом факта существования, причин и опасного характера коррупции, а также создаваемых ею угроз. При этом к реализации предлагаются такие меры, как:

- усиление прозрачности и содействие вовлечению населения в процессы принятия решений;
- обеспечение для населения эффективного доступа к информации;
- проведение мероприятий по информированию населения, способствующих созданию атмосферы нетерпимости в отношении коррупции,

а также осуществление программ публичного образования, включая учебные программы в школах и университетах;

– уважение, поощрение и защита свободы поиска, получения, опубликования и распространения информации о коррупции (за исключением случаев, когда это необходимо для уважения прав или репутации других лиц, для защиты национальной безопасности, или публичного порядка, или охраны здоровья или нравственности населения) (ст. 13).

Следуя правовым положениям Конвенции против коррупции, Закон Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З «О борьбе с коррупцией» устанавливает правовые основы государственной политики в сфере борьбы с коррупцией и среди принципов противодействия данному явлению выделяет приоритет предупредительных мер (ст. 4), которые включают проведение мероприятий по информированию населения, способствующих созданию атмосферы нетерпимости в отношении коррупции (антикоррупционное образование и воспитание) (ст. 5).

Правовые основы профилактики правонарушений регламентированы Законом Республики Беларусь от 4 января 2014 г. № 122-З «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» (далее – Закон о профилактике правонарушений), в котором правовое просвещение граждан, заключающееся в формировании и повышении уровня их правового сознания и правовой культуры, отнесено к мерам общей профилактики (ст. 10). Несомненно, в борьбе с коррупцией граждане не могут оставаться в стороне и быть пассивными наблюдателями. Их активная позиция и принципиальность выступают своего рода ответом гражданского общества на коррупционные вызовы.

О значимости деятельности СМИ в правовом просвещении и формировании правопослушного поведения граждан свидетельствует отнесение Законом о профилактике правонарушений юридических лиц, на которые возложены функции редакций государственных СМИ, к субъектам профилактики правонарушений (ст. 5). В свою очередь, правовое просвещение граждан осуществляется путем размещения в государственных СМИ, в том числе распространяемых с использованием глобальной компьютерной сети Интернет, на официальных сайтах субъектов профилактики правонарушений информации о формировании правопослушного поведения граждан (ст. 20). При этом на СМИ возлагаются задачи по:

- информированию граждан о результатах борьбы с коррупцией;
- пропаганде неприятия проявлений коррупции (ст. 13).

Деятельность субъектов профилактики не является разрозненной, а осуществляется скоординировано и в оперативном взаимодействии друг с другом (ст. 4). При этом следует отметить взаимодействие СМИ с правоохранительными органами. Не имея доступа к уголовным делам, материалам проверок, не присутствуя непосредственно на совещаниях правоохранительных органов, посвященных вопросам противодействия коррупции и т. д., граждане в большинстве случаев получают сведения о масштабах распространения данного явления и предпринимаемых мерах

борьбы с ним через информацию, предоставляемую СМИ. Так, на сегодняшний день коррупционная тематика довольно широко представлена в СМИ (например, в выпусках новостей и программах криминальной хроники («Зона Х», «ЧП.BY») на телевидении, в сети Интернет (например, www.sb.by, www.belta.by, www.belnovosti.by, www.minsknews.by, www.news.tut.by и др.), в печатных изданиях). Воспринимая предоставленные сведения, граждане формируют свое личное отношение к коррупции как явлению в целом, так и к личности самого коррупционера. В то же время граждане зачастую не являются пассивными наблюдателями, а принимают активное участие в обсуждении актуальных вопросов, высказывают свое мнение, оставляют комментарии. Однако, как отмечается Генеральной прокуратурой Республики Беларусь, «нередко граждане Республики Беларусь достаточно лояльно относятся к коррупции, вовлекаются порой в согласительные формы криминального поведения, тем самым проявляя низкий уровень правосознания и нигилистические тенденции» [2, с. 196].

Таким образом, в сфере противодействия коррупции важен системный подход, одной из составляющей которого является проведение профилактических мероприятий, направленных на формирование антикоррупционного правосознания и правопослушного поведения граждан. В этой связи СМИ, которые являются трансляторами идей и реальных действий в противостоянии коррупции, отведена ответственная роль по освещению направлений проводимой государством антикоррупционной политики, огласке фактов коррупционных проявлений, доведению до аудитории разъяснений норм антикоррупционного законодательства и т. д. Однако деятельность СМИ не ограничивается только влиянием на граждан, но и является одним из сдерживающих факторов совершения коррупционных правонарушений.

Представляется, что для успешной реализации возложенных на СМИ задач следует, во-первых, СМИ в своей деятельности уделять особое внимание соблюдению основных принципов, регламентированных Законом Республики Беларусь от 17 июня 2008 г. № 427-З «О средствах массовой информации», таким как достоверность распространяемой информации, законность, равенство, уважение прав и свобод человека, многообразие мнений, защита нравственности, соблюдение норм профессиональной этики журналистов и общепринятых норм морали (ст. 4), во-вторых, государству гарантировать недопустимость незаконного ограничения свободы массовой информации (ст. 7).

Список цитированных источников

1. Василевич, Г. А. Актуальные направления противодействия коррупции в Республике Беларусь на современном этапе / Г. А. Василевич. – Минск : Беларуская навука, 2018. – 202 с.
2. Терещенко, Т. Г. Противодействие коррупции в Республике Беларусь: опыт и перспективы / Т. Г. Терещенко // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 20 фев. 2020 г. : тез. докл. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь ; редкол. : В. Ч. Родевич (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2020. – С. 196–197.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОРРУПЦИИ В СПОРТЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ⁶

Рахманова Е.Н.

Коррупция в спорте является глобальным явлением, которое угрожает целостности спорта как на национальном, так и на международном уровнях. Коррупция устраняет непредсказуемость спорта, ставит под угрозу основные ценности – социальные, культурные и образовательные, подрывает экономическую основу спорта.

За последние годы разработана международная нормативная база, которая позволяет продвинуться вперед в изучении коррупции в спорте и в разработке мер по ее противодействию. Прежде всего, это Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности⁷ и три дополнительных протокола к ней, Конвенция ООН против коррупции⁸, юридически обязывающий универсальный инструмент борьбы с коррупцией. Не менее важное значение играет Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию⁹, Конвенция о гражданско-правовой ответственности за коррупцию¹⁰, Конвенция Совета Европы против манипулирования спортивными соревнованиями (Маглингенская конвенция), которая вступила в силу в России с 1 сентября 2019 г.¹¹, и иные международно-правовые документы.

Но, несмотря на это, дать определение коррупции в спорте проблематично, что вытекает прежде всего из сложности определения самого понятия коррупции и из-за специфики рассматриваемой сферы [1].

Спорт – это не только подготовка спортсменов и проведение соревнований разного уровня. Спорт – это команды, клубы, лиги, национальные ассоциации, государственные служащие и международные спортивные организации. Кроме того, нельзя забывать обо всех уровнях судейства: судейство на поле и вне его, дисциплинарные спортивные комитеты и т. д. Спортивные организации разного уровня разрабатывают и реализуют спортивные правила, дисциплинарные регламенты, профессиональные кодексы

⁶ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 20-011-00414 А «Уголовно-правовые и криминологические проблемы противодействия в сфере спорта»

⁷ Конвенция против транснациональной организованной преступности (принята в г. Нью-Йорке 15.11.2000 Резолюцией 55/25 на 62-ом пленарном заседании 55-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // СЗ РФ, 04.10.2004, № 40, ст. 3882.

⁸ Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 51-ом пленарном заседании 58-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // СЗ РФ, 26.06.2006. № 26. ст. 2780.

⁹ Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию (заключена в г. Страсбурге 27.01.1999) // СЗ РФ, 18.05.2009, № 20, ст. 2394.

¹⁰ Конвенция о гражданско-правовой ответственности за коррупцию (заключена в г. Страсбурге 04.11.1999) // СПС Консультант Плюс.

¹¹ Конвенция Совета Европы против манипулирования спортивными соревнованиями (CETS № 215) // СПС Консультант Плюс.

этики и т. п. и, по существу, являются монопольными автономными организациями, контролирующими в том числе и значительные материальные ресурсы.

Спорт не застрахован от традиционных видов коррупции, хотя и здесь можно найти свои особенности. Наиболее применимое к ним общепринятое определение коррупции, разработанное Всемирным банком и Транспаренси Интернешнл (Transparency International), – «злоупотребление, совершаемое уполномоченным органом (государственным или частным) для получения незаконной (групповой или личной) выгоды». Но специфика отношений в спорте, особенно в процессе подачи заявок на проведение таких престижных мероприятий, как Олимпийские игры, чемпионат мира по футболу и аналогичные международные мега-соревнования, перевернули общее понимание коррупции с ног на голову. В частности, подкуп был обнаружен в связи с проведением зимних Олимпийских игр 2002 г., во время которых государственные должностные лица подкупали частных лиц без перспективы получения личной выгоды. Широко распространены при подаче заявок подарки, бесплатные поездки на курорты, бесплатное лечение и т. п.¹²

Формой коррупции является также nepотизм, когда родственники великого спортсмена получают особый доступ к спортивным занятиям, на лучшие места на стадионах или становятся главами спортивных федераций [2].

Помимо классических форм коррупции, спортивная коррупция проявляется в так называемых договорных матчах. Несмотря на то что договорные матчи как проблема были известны еще во время Олимпийских игр в древней Греции в 388 г. до н. э., эксперты утверждают, что манипулирование результатами спортивных соревнований, наряду с допингом, хулиганством и расизмом, является одной из самых серьезных проблем, стоящих перед спортом в 21 веке. В частности, для Интерпола договорные матчи представляют как экономическую, так и криминальную угрозу; кроме того, договорные матчи – это средство, с помощью которого организованная преступность осуществляет отмывание незаконных финансовых средств [3]. Так, благодаря совместной деятельности Европола, Евроюста, Интерпола и полицейских подразделений 13 стран ЕС удалось ликвидировать сложную преступную сеть, которая охватывала более 380 профессиональных футбольных матчей и 425 официальных лиц клубов, игроков, и преступников из более чем 15 стран. Прибыль от ставок в результате договорных матчей составила более 8 миллионов евро, в то время как коррупционные выплаты лицам, участвующим в матчах, достигли более 2 миллионов евро¹³.

¹² Факел олимпийской коррупции: из Солт-Лейк-Сити вышел, в Сочи замечен не был. – Режим доступа: <https://easaily.com/ru/news/2016/07/25/fakel-olimpiyskoy-korrupcii-iz-solt-leyk-siti-vyshel-v-sochi-zamechen-ne-byl>. – Дата доступа: 24.02.2020

¹³ EU sports policy. Going faster, aiming higher, reaching further. – Режим доступа: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2019/640168/EPRS_BRI\(2019\)640168_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2019/640168/EPRS_BRI(2019)640168_EN.pdf). – Дата доступа: 24.02.2020

С целью противодействия договорным матчам Болгария, Кипр, Италия, Мальта и Польша приняли специальные антикоррупционные законы. Другие европейские страны используют действующее законодательство о мошенничестве или противодействии коррупции [4]. УК РФ в ст. 184 установил уголовную ответственность за оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования [5].

К коррупционным действиям можно также отнести допинг, разновидностью которого является нобблинг – английский термин, означающий сознательное снижение физических возможностей спортсмена или животного с помощью того или иного лекарства [6]. Повышенный спрос спортсменов на употребление запрещенных препаратов можно объяснить профессионализацией спорта – все больший упор делается на победу, особенно в рамках масштабных спортивных соревнований; медикализацией спорта и развитием спортивной медицины; политизацией спорта – например, в период холодной войны с Западом; коммерциализацией спорта.

К числу проблем, связанных с противодействием коррупции в спорте, следует также отнести глобализацию, недостатки в правовой и судебной системах, открытые границы и рост свободной торговли.

Сегодня, когда основным аргументом противодействия коррупции в спорте является его криминализация, при формулировании или реализации уголовной политики в этой сфере необходимо изучать происходящие процессы в целом. Спортивная коррупция не однородна, и приходится признать, что в спорте существует целый ряд осложняющих ее противодействие факторов, связанных с различными видами коррупции и формами коррупционной деятельности.

Список цитированных источников

1. Никифорова, Д. С. Понятие и подходы к содержанию коррупции / Д. С. Никифорова // Тенденции развития науки и образования. – 2019. – № 47–4. – С. 47–49.
2. Боренов, А. Ю. Криминологическая оценка состояния коррупционной преступности в профессиональном спорте / А. Ю. Боренов // Вестн. Волгоград. Акад. МВД России. – 2019. – № 3 (50). – С. 36–41.
3. Handbook on Protecting Sport from Competition Manipulation. – DidWeDo S.à.r.l., Lausanne, Switzerland, 2016. – 92 p.
4. KEA. Match-fixing in sport: A mapping of the criminal law provisions in EU 27. 2012; KEA European Affairs: Brussels. – Режим доступа: https://ec.europa.eu/assets/eac/sport/library/studies/study-sports-fraud-final-version_en.pdf. – Дата доступа: 25.02.2020.
5. Цветков, П. В. Преступления в сфере спорта: некоторые проблемы квалификации / П. В. Цветков // Уголовная политика и правоприменительная практика : сб. материалов VII-й Междунар. науч.-практ. конф. – Изд-во «Астерион», 2019. – С. 292–297.
6. Дзик, И. Р. Проблема допинга в спорте животных / И. Р. Дзик, Т. С. Печур // Актуальные проблемы правового регулирования спортивных правоотношений : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф., 2018. – С. 48–54.

К ВОПРОСУ О ПОЛИТИКЕ НУЛЕВОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ

Рочева Е.А.

В контексте общегуманистических ценностей толерантность выступает в качестве социально-одобряемой правовой нормы взаимодействия между людьми, как важный признак общей и политической культуры, необходимый элемент гражданского общества [1]. При этом под толерантностью обычно понимают терпимость по отношению к чужим взглядам, мнениям, верованиям, поведению, критике собственных позиций, идей, действий [2, с. 330] Следует отметить, что в данном случае термин «толерантность» разъясняется через «терпимость»; при этом с английского языка на русский *tolerance* переводится как «терпимость», так и «толерантность».

Принципы взаимодействия в обществе, диктуемые этой нормой, заложены в Декларации принципов толерантности ЮНЕСКО (принята резолюцией 5.61 Генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 г. (далее – Декларация)) [3] и других международных документах, направленных на обеспечение прав человека.

Согласно ст. 1 Декларации толерантность / терпимость означает уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности. При этом проявление толерантности, которое созвучно уважению прав человека, не означает терпимого отношения к социальной несправедливости, отказу от своих или уступки чужим убеждениям.

Под нулевой толерантностью (англ. *zero tolerance*, словосочетания «нулевая толерантность» и «нулевая терпимость» обычно используются как тождественные) обычно подразумевают политику, которая предусматривает назначение максимально возможных по закону ограничений и санкций даже за незначительные правонарушения или проступки с целью устранения нежелательного поведения. Таким образом, под нулевой толерантностью понимают отрицательную реакцию, нежелание общества мириться с любыми проявлениями противоправного поведения, несоблюдения установленных юридически и исторически сложившихся культурных норм, а также правонарушениями, вплоть до самых незначительных [4].

Наиболее известен опыт Нью-Йорка, где в начале 90-х годов была объявлена «нулевая терпимость» к любым правонарушениям. Работа полиции подразумевала осуществление целого комплекса мероприятий, основанного на так называемой «теории разбитых окон», согласно которой любые признаки нарушения установленного порядка (разбитое окно в заброшенном здании, безбилетный проезд в метро) создают впечатление безнаказанности в обществе и порождают совершение более тяжких деяний, следовательно, любые попытки посягательства на общественные отношения должны пресекаться с максимальным превентивным эффектом [5]. Системный подход, включавший в себя безусловное реагирование на любые противоправные действия,

разработку стратегий по различным видам правонарушений, использование новых технологий и т. д., позволил, как утверждали инициаторы проекта, установить контроль на улицах Нью-Йорка [4].

Принцип политики нулевой толерантности используется сегодня в различных странах и в разных сферах (в армии, школах, на рабочих местах и т. д.) с целью устранения любых противоправных действий. Следует отметить, что противники политики нулевой толерантности считают, что указанный принцип пренебрегает индивидуальной основой каждого преступления и правонарушения, что может привести к неоправданно суровому наказанию за действия, которые могут быть наказаны более гуманно, например штрафом.

Международные организации также зачастую проводят политику нулевой толерантности. К примеру, на сайте ООН указывается о таких действиях: в отношении государств, пренебрегающих своими обязательствами по Договору о торговле оружием; в области пыток и жестокого обращения; ко всем формам насилия в отношении женщин; к сексуальной эксплуатации и надругательствам со стороны миротворческого персонала; к насилию по признаку пола и т. д. Вышеназванное понятие используется и в спорте. Так, наиболее известными футбольными федерациями ФИФА и УЕФА проводится политика нулевой толерантности в отношении расовой дискриминации и расизма [4].

В сфере противодействия коррупции наиболее известна сингапурская программа. Важнейшим постулатом антикоррупционных реформ в Сингапуре стало создание «нулевой толерантности» к коррупции, прежде всего в органах власти, что было закреплено специальным Законом о предотвращении коррупции (Prevention of Corruption Act). Политику нового государства определяла команда единомышленников, для которой в тот период патриотический подъем, вызванный обретением независимости, подразумевал честность и служение отечеству. При этом тех, кто не соблюдал эти правила, ждало суровое наказание, которое в ходе реформ лишь ужесточалось. В антикоррупционной политике Сингапура был реализован принцип неотвратимости и суровости наказания за злоупотребления. Для виновных предусмотрены большие сроки заключения, высокие штрафы, а также требования компенсации всей суммы ущерба. Расследование может вестись не только против непосредственно подозреваемого, но и против его близких, конфискация также может применяться к окружению виновного [6].

В настоящее время в Казахстане реализуется Антикоррупционная стратегия Республики Казахстан на 2015–2025 годы [7], одной из целей которой является вовлечение в антикоррупционное движение всего общества путем создания атмосферы «нулевой терпимости» к любым проявлениям коррупции [4].

В целях предотвращения коррупции различные компании, как правило, декларируют в локальных нормативных актах (кодексах деловой этики, например) неприятие коррупции в любых формах и проявлениях (принцип «нулевой толерантности») при осуществлении повседневной деятельности

и реализации стратегических проектов, в том числе во взаимодействии с собственниками, акционерами, сотрудниками, инвесторами, контрагентами, органами государственной власти и местного самоуправления, политическими партиями. Как правило, кодекс содержит общие положения о политике компании в случае возникновения конфликта интересов. Дочерние организации иностранных компаний обычно стремятся обеспечить соответствие основных положений своих кодексов положениям аналогичных документов материнских компаний [8].

Следует отметить, что толерантность не заложена в человеке от природы, это качество складывается постепенно в процессе социализации и развития личности. Социально-психологические границы и нормы толерантности / интолерантности базируются на сформированных в процессе социализации внутренних морально-этических (воспитанность, нравственность) и внешних (законопослушность, правовая грамотность) нормативных границах человека как личности и как гражданина [1].

Анализируя опыт проведения политики нулевой толерантности, в частности, в сфере противодействия коррупции, можно предположить, что для того чтобы достичь положительных изменений в антикоррупционной деятельности, необходимо не только вносить поправки в нормативные правовые акты, но и налаживать взаимосвязь с обществом путём антикоррупционного просвещения. Например, одним из основных направлений антикоррупционной политики являются планомерная и системная работа по повышению правовой культуры граждан, изменение общественного сознания под влиянием антикоррупционной пропаганды, гражданское воспитание детей и молодежи, формирование антикоррупционного поведения и распространение негативного отношения к проявлениям коррупции.

Список цитированных источников

1. Бардиер, Г. Л. Социальная психология толерантности : автореф. дис. ... д-ра псих. наук : 19.00.05 [Электронный ресурс] / Г. Л. Бардиер. – Санкт-Петербург, 2007. – Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/sotsialnaya-psikhologiya-tolerantnosti>. – Дата доступа: 10.03.2020.
2. Социологическая энциклопедия. – Минск : «Беларуская Энцыклапедыя», 2003. – С. 330.
3. Декларации принципов толерантности ЮНЕСКО [Электронный ресурс] : принята резолюцией 5.61 Генеральной конференции ЮНЕСКО, 16 нояб. 1995 г. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/toleranc.shtml. – Дата доступа: 10.03.2020.
4. Амиров, А. М. Реализация принципа «нулевой терпимости» к беспорядку и правонарушениям в Республике Казахстан: проблемы и пути решения [Электронный ресурс] / А. М. Амиров // Молодой ученый. – 2017. – № 21. – С. 282–288. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/155/43819/>. – Дата доступа: 14.03.2020.
5. Сысоев, А. М. Реализация стратегии «нулевой терпимости» в США. Плюсы и минусы [Электронный ресурс] / А. М. Сысоев. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-strategii-nulevoy-terpimosti-v-ssha-plyusy-i-minusy>. – Дата доступа: 10.03.2020.
6. Страхов, А. П. Борьба с коррупцией в странах англосаксонской традиции (на примере Великобритании, Индии, Сингапура и США) [Электронный ресурс] /

А. П. Страхов / Вестник РУДН. Сер. Политология. – 2019. – Vol. 21. – №. 3. – С. 470–502. – Режим доступа: <http://journals.rudn.ru/political-science>. – Дата доступа: 10.03.2020.

7. Антикоррупционная стратегия Республики Казахстан на 2015–2025 годы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/U1400000986>. Дата доступа: 10.03.2020.

8. Иванов, Э. А. Антикоррупционный комплаенс-контроль в странах БРИКС [Электронный ресурс] / Э. А. Иванов // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2020.

КОРРУПЦИОННАЯ ПСИХОЛОГИЯ (ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ МОТИВАЦИИ КОРРУПЦИОННЫХ ДЕЙСТВИЙ)

Русецкий О.В.

Большинство современных исследователей подчеркивают, что коррупция представляет собой многоаспектное, многоуровневое социальное явление, имеющее в своей общей этиологии экономическую, юридическую, управленческую, этическую, политическую и иные составляющие. В то же время в генезисе поведения и конкретных действий лиц, использующих властные полномочия и права в целях личной выгоды, обязательно участвует и проявляется психологический компонент, который, имея самостоятельное значение, органически включен в перечисленные элементы социальной системы коррупции. Это влечет необходимость использования психологической науки в междисциплинарном изучении коррупционного поведения, а психологической практики – в предупреждении индивидуальных и групповых проявлений данной специфической формы деструктивной социальной девиации.

Коррупция активно изучается психологами. О. В. Вановская, автор монографии «Психология коррупционного поведения госслужащих» и методики антикоррупционной психодиагностики «АКорД», рассматривает склонность к коррупции как свойство личности. По ее мнению, оно базируется на потребности материальной компенсации недополученного в ходе развития личности, усиливается у людей с редуцированным восприятием моральных норм, с приоритетом потребительства во внутренней системе ценностных ориентаций. Вместе с тем склонность к коррупции в какой-то мере присутствует у каждого и может проявиться в период психологических переживаний, серьезных личных проблем и др.

В результате исследований О. В. Вановской были выявлены признаки и закономерности формирования коррупциогенной личности государственных служащих:

госслужащие с низкой нормативностью поведения и высокой общительностью более подвержены явлению коррупции, выше ее оценивают и придают большее значение деньгам;

чем больше стаж работы в госслужбе, тем выше риск возникновения профессиональной деформации, в том числе и склонности к коррупции, и др. [1]

По мнению ученых из Института психологии РАН, выявление строго определенного комплекса факторов, актуализирующего коррупционное поведение личности, является сложной и мало поддающейся решению задачей. Полноценное исследование системы коррупционной личности охватывает сравнительно широкий круг образований, включающий пять основных структурных элементов:

уровень смыслов и ценностей (жизненные цели, стремления, смыслы и ценностные ориентации);

когнитивно-нравственный уровень (нравственное самосознание, установки нравственного поведения, правосознание, структура ответственности и долга);

эмоциональный уровень (удовлетворенность жизнью, удовлетворенность профессией, удовлетворенность личным статусом, самоотношение);

регулятивный уровень (локус контроля, механизмы принятия решений);

поведенческий уровень (ведущий тип реагирования) [2].

В контексте криминологического понимания алгоритмов приобщения личности к совершению криминальных деяний (механизма криминального поведения) критерии отнесения индивидуума к потенциально опасной социальной группе связываются с системой и процессом детерминации преступности.

По мнению А. И. Долговой, понятие криминогенной личности выражает определенный социальный тип, определяющий большую в сравнении с другими типами личности вероятность преступного поведения в соответствующих условиях. Такая вероятность может реализоваться только во взаимодействии с социальной средой [3].

С позиции детерминационного подхода происхождение и распространение различных видов деструктивного девиантного поведения осуществляется в процессе непрерывного и динамичного взаимодействия личности и общества. Индивидуальное преступное поведение основывается на результате действия множества разноуровневых личностных и социальных детерминант, способных в различной для данного периода степени, непосредственно или опосредованно, обособлено или в совокупности влиять на совершение актов криминального поведения человека.

Таким образом, причины коррупционного поведения конкретного индивидуума представляют собой частное проявление общего (массового) контента детерминации социальных девиаций, «преломляемого» индивидуальными психологическими процессами, которые, в свою очередь, имеют как социальное (результат социализации и личностно-социальной интеракции), так и непосредственно личностное (физиология, генетика) происхождение.

Процессуально в механизме коррупционного поведения участвуют те же психологические компоненты, что и в механизме правомерного поведения, однако они отличаются содержанием и результирующей

направленностью. Движущей силой данного процесса выступает используемое представителями наук уголовно-правового цикла понятие «мотивации» (от греч. *motif* и лат. *moveo* – двигаю), в психологическом контексте понимаемое как внутреннее побуждение субъекта к деятельности во имя достижения каких-либо целей (удовлетворения потребностей). Эти цели, как правило, не противоречат признаваемым и одобряемым социумом (например, материальное благополучие), однако их доминирование над иными, не в полной мере сформированными в ходе развития личностными (позитивными) установками, непосредственно влияет на выбор способов их достижения.

Анализ особенностей механизма индивидуального преступного поведения помогает определить специальные меры, способные предупредить преступление, повлиять на поведение потенциальных субъектов криминальной деятельности. Основа психологической мотивации коррупционных решений раскрывается при выяснении обстоятельств конкретного преступления, общие психологические характеристики субъектов коррупции – при анализе специфики данного вида преступности, предполагающей в том числе наличие неоднородных по своему социально-статусному и иному составу групп участников коррупционных соглашений.

Наиболее часто называемые исследователями психологические причины коррупционного поведения (ценностное доминирование материальных благ и потребительского образа жизни, низкий уровень нравственной и правовой культуры, традиционная историческая предрасположенность к коррупционному поведению, приоритет неформальных отношений над формальными, размытость границ между взяткой и благодарностью и др.) имеют различия в своем распределении и проявлении в зависимости от групп субъектов коррупционных отношений.

Для таких субъектов характерна наиболее общая дифференциация, которая предполагает относимость к лицам, реализующим различные модели коррупционного поведения: незаконно использующим свои должностные полномочия (взяточполучатели); оплачивающим эту услугу (взятодатели); посредникам в коррупционных отношениях.

В случае взяточполучателей, наряду с общим психологическим фоном, о котором говорилось выше, большое коррупциогенное влияние оказывает фактор неудовлетворенности своим материальным положением и перспективами его улучшения. Данный, имеющий эмоциональную природу, психологический фактор в малой степени зависит от уровня заработной платы должностных лиц. Он формируется совокупностью декларируемых обществом (и ближайшим социальным окружением) повышенных материальных запросов и реальной (основанной на опыте) оценкой собственных возможностей их реализации. Разочарованность реалиями материального обеспечения своего высокого административного статуса, прогноз условного (сравнительного) неблагополучия в пенсионном возрасте при наличии завышенных материальных потребностей, их объективного роста по мере удовлетворения и не умения получать удовольствие от удовлетворения меньших по стоимости, а также непонимание бесперспективности погони за достижением

декларируемых обществом потребления целей служат значимой составляющей психологической мотивации коррупционных деяний должностных лиц.

Не менее значимым в этом процессе выступает проявление профессиональной деформации, которое характеризуется негативными изменениями личности и отражается на направленности мышления должностных лиц. Основанные на опыте длительного взаимодействия социальные связи в системе властно-распорядительной деятельности реализуются как частные отношения в дружеском или родственном кругу и формируют систему обмена услугами, которые в отличие от материальных форм коррупции не предусмотрены законодательством. Это создает благоприятную для развития данного негативного феномена психологическую среду.

Для взяточдателей (лиц, обладающих материальными ресурсами) неудовлетворенность качеством и спектром оказываемых услуг, «соревновательность» в достижении декларируемых большинством показателей благополучия и высокого социального статуса мотивируют их на незаконное использование указанных ресурсов. Представители ориентированного на материальное потребление общества (для которого свойственна установка: «любой вопрос за деньги при их наличии»), сталкиваясь с ограниченным либо завышенным по затратности усилий предложением, используют логичные (с их точки зрения) способы достижения цели. Это инициирует или завершает порочный круг формирования взаимовыгодных коррупционных связей.

Для данной категории значение имеют и отдельные психологические моменты возрастного характера. По данным российских исследований современная молодежь, вступая в самостоятельную жизнь, воспринимает коррупцию как естественную составляющую современной социальной среды, считает ее атрибутом взрослости, связывает с умением решать проблемы и преодолевать трудности [2].

Определенной спецификой формирования мотивации коррупционных действий обладают субъекты односторонних коррупционных отношений – должностные лица, использующие свое положение в качестве источника дополнительного дохода, получаемого без участия другой стороны, за счет средств и имущества соответствующей юридической структуры, а также посредники, способствующие заключению и выполнению коррупционных соглашений другими лицами.

Общими для всех рассматриваемых субъектов являются личностные установки достижения собственных целей любыми средствами. Критерием коррупции в психологическом ракурсе выступают не получаемые либо передаваемые материальные (нематериальные) блага, а отношение к ситуации неправомерного использования властных возможностей. Объединительным компонентом различных типов коррупционного поведения является эгоистическая позиция, связанная с постановкой собственных интересов выше иных (общественных, государственных, партнерских, общинных и т. д.).

Завершая изложенное, следует подчеркнуть, что эффективное противодействие коррупции требует учета как общих, так и специфических

(субъектно-ориентированных) психологических аспектов детерминации коррупционного поведения. Меры превенции должны быть стратегически выстроены и тактически специализированы в зависимости от целей, субъектов и объектов предупредительного воздействия.

Список цитированных источников

1. Ванновская, О. В. Психология коррупционного поведения государственных служащих : монография / О. В. Ванновская. – 2-е изд., стеротип. – М. : Юрайт, 2018. – 251 с.
2. Социально-психологические исследования коррупции : монография / отв. ред. А. Л. Журавлёв, Д. А. Китова, В. А. Соснин. – М. : Институт психологии РАН, 2017. – 285 с.
3. Криминология : учебник / под общ. ред. А. И. Долговой. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2019. – 1008 с.

ЭТИКА ПОВЕДЕНИЯ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ

Сащенко П.И.

Во многих государствах для должностных лиц как государственного, так и частного сектора разрабатываются этические правила, которые специально направлены на противодействие коррупции. Указанные правила получили закрепление в международных стандартах борьбы с коррупцией.

Например, Рекомендацией № R (2000) 10, принятой Комитетом Министров Совета Европы 11.05.2000, государствам – членам Совета Европы рекомендовано принятие национальных кодексов поведения государственных должностных лиц, основанных на Модельном кодексе поведения должностных лиц, содержащемся в приложении к указанной резолюции.

В зарубежных государствах специальные этические антикоррупционные правила содержатся в многочисленных кодексах поведения. В качестве примера такого кодекса поведения можно привести «Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих» (одобрен решением президиума Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции от 23 декабря 2010 г.). В соответствии с п. 2 указанного кодекса он является основой для разработки соответствующими государственными органами и органами местного самоуправления кодексов этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих.

В рамках различных отраслей и организаций также принимаются кодексы этики (кодексы поведения), например, Кодекс профессиональной этики и служебного поведения служащих Банка России одобрен решением Совета директоров Банка России от 21 июня 2013 г. Приказом Министерства финансов Российской Федерации от 17 апреля 2014 г. № 115 утвержден Кодекс этики и служебного поведения федеральных государственных гражданских служащих Министерства финансов Российской Федерации; приказом Россельхознадзора

от 28 марта 2011 г. № 98 утвержден Кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Россельхознадзора.

Кодексы поведения могут разрабатываться для отдельных профессий. Так, Центральным банком Российской Федерации информационным письмом от 17 декабря 2019 г. № ИН-06-39/93 «О разработке и внедрении кодексов этики финансового аналитика» рекомендовано некредитным финансовым организациям и кредитным организациям разработать кодексы этики финансового аналитика для их применения при предоставлении информации, которая используется (может использоваться) для совершения операций на финансовом рынке (например, рекомендации, аналитические материалы); публичном высказывании суждений и оценок, в том числе в средствах массовой информации, которые оказывают (могут оказывать) влияние на цену, спрос, предложение или объем торгов финансовым инструментом, иностранной валютой и (или) товаром и (или) на стабильность финансового рынка Российской Федерации и (или) на финансовую устойчивость отдельной финансовой организации.

Анализ кодексов поведения должностных лиц показывает, что во многих из них содержатся антикоррупционные положения, регулирующие порядок поведения должностных лиц или запрещающие определенные деяния, например, положения об исключении действий, связанных с недолжным влиянием на принятие решений, порядком сообщения о фактах коррупции, разрешением конфликта интересов, принятием подарков и пр.

В этой связи возникает вопрос о том, насколько антикоррупционные нормы, включаемые в кодексы этики (кодексы поведения), могут рассматриваться в качестве этических, а не юридических правил.

К примеру, в упомянутом выше Типовом кодексе этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих в п. 14 указано, что «государственные (муниципальные) служащие обязаны противодействовать проявлениям коррупции и предпринимать меры по ее профилактике в порядке, установленном законодательством Российской Федерации». В п. 15 того же кодекса закреплено, что «государственные (муниципальные) служащие при исполнении ими должностных обязанностей не должны допускать личную заинтересованность, которая приводит или может привести к конфликту интересов». Вместе с тем указанные положения сформулированы в качестве обязанностей. Более того, в п. 29 Типового кодекса указывается: «Нарушение государственным (муниципальным) служащим положений Типового кодекса подлежит моральному осуждению на заседании соответствующей комиссии по соблюдению требований к служебному поведению государственных (муниципальных) служащих и урегулированию конфликта интересов, образуемой в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 1 июля 2010 г. № 821 «О комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов», а в случаях, предусмотренных федеральными законами, нарушение положений Типового кодекса влечет

применение к государственному (муниципальному) служащему мер юридической ответственности». В этом же пункте содержится следующее положение: «Соблюдение государственными (муниципальными) служащими положений Типового кодекса учитывается при проведении аттестаций, формировании кадрового резерва для выдвижения на вышестоящие должности, а также при наложении дисциплинарных взысканий». Вместе с тем возможность применения юридических санкций за нарушение моральных норм вызывает сомнения.

Подтверждением юридического, а не этического характера некоторых положений кодексов этики (кодексов поведения) может служить судебная практика судов Российской Федерации, которая еще раз ставит проблему разграничения правовых и моральных предписаний. Примером служит решение Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2005 г. № ГКПИ05-1189 по гражданскому делу, возбужденному по заявлению Ж. об отмене решения квалификационной коллегии судей Московской области от 6 мая 2005 г. о привлечении ее к дисциплинарной ответственности в виде досрочного прекращения полномочий судьи, с лишением второго квалификационного класса судьи. В мотивировочной части решения указано: «В представленных материалах имеются данные, характеризующие судью, и с учетом всех обстоятельств, квалификационная коллегия судей обоснованно пришла к выводу, что нормы Кодекса судейской этики Ж. нарушены осознанно, а совершенный проступок она считает нормой поведения, что дает основание для наложения дисциплинарного взыскания в виде досрочного прекращения полномочий судьи» [1].

Смешение моральных норм и юридических предписаний вызывает обоснованные сомнения с точки зрения теории права. Если правило поведения имеет признаки правовой нормы, то оно должно находить свое закрепление в нормативном правовом акте, а не в кодексе этики (кодексе поведения). В таком случае не возникнет проблем, связанных с обоснованием возможности применения правила поведения при разрешении спора судом.

Следует также отметить, что антикоррупционные нормы, которые можно найти в некоторых кодексах этики (кодексах поведения) должностных лиц, содержатся в Законе Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З «О борьбе с коррупцией», а также в ст. 21 Закона Республики Беларусь от 14 июня 2003 г. № 204-З «О государственной службе в Республике Беларусь». Это еще раз подтверждает тот факт, что в кодексы этики (кодексы поведения) должностных лиц зачастую включаются не моральные, а правовые предписания.

Если же исключить из кодексов этики (кодексов поведения) должностных лиц правовые по своему содержанию нормы о конфликте интересов, подарках, нормы, дублирующие положения законодательства о борьбе с коррупцией, то в них останутся лишь общие моральные посылы, как правило, не имеющие явной антикоррупционной направленности.

Учитывая изложенное, эффективность внедрения кодексов этики (кодексов поведения) должностных лиц в качестве антикоррупционной меры

вызывает сомнения. Внедрение этических стандартов поведения, используемых в зарубежной практике, возможно лишь при условии не допущения подмены юридических норм этическими стандартами.

Список цитированных источников

1. В удовлетворении заявления об отмене решения квалификационной коллегии судей о привлечении к дисциплинарной ответственности в виде досрочного прекращения полномочий судьи отказано, так как нормы Кодекса судейской этики нарушены судьей осознанно, совершенный проступок она считает нормой поведения, при рассмотрении представления права заявительницы не были нарушены, она была ознакомлена с представленными материалами, участвовала в заседании квалификационной коллегии судей и давала свои объяснения [Электронный ресурс]: Решение Верховного Суда РФ от 10.10.2005 № ГКПИ05-1189 // Консультант Плюс: Россия. – Минск, 2020.

О МЕТОДОЛОГИИ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Топорикова О.О.

Проведение криминологической экспертизы проектов правовых актов (правовых актов) является одним из средств борьбы с коррупцией. Понимание методологии и методов криминологической экспертизы позволяет эксперту, осуществляющему криминологическое исследование норм права на предмет наличия недостатков, влекущих возникновение рисков криминогенного характера, эффективно выполнять свои обязанности и обеспечивать реализацию поставленных задач, поскольку результаты любого исследования обуславливаются не только предметом и объектом науки, но и теми методами, с помощью которых они были достигнуты.

Задачи криминологической экспертизы указаны в п. 3 Положения о порядке проведения криминологической экспертизы, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 29 мая 2007 г. № 244. К числу данных задач относятся:

объективное и всестороннее прогнозирование возможности возникновения рисков криминогенного характера в процесс применения правовых актов, соответствующее современному развитию криминологической науки;

подготовка обоснованных предложений об устранении выявленных в проектах правовых актов (правовых актах) недостатков, способствующих возникновению рисков криминогенного характера;

формирование системно согласованного правового регулирования, исключающего возникновение рисков криминогенного характера;

предупреждение путем исключения норм, содержащих недостатки, влекущие возникновение рисков криминогенного характера, из проектов правовых актов (правовых актов).

В этой связи разработка методологии криминологической экспертизы является одним из важнейших направлений в процессе развития института криминологической экспертизы. Следует отметить, что в литературе исследователями высказываются различные мнения по вопросу о сущности категории «методология». Чаще всего понятию методологии придают два основных значения: 1) система определенных способов и приемов, применяемых в той или иной сфере деятельности (науки, политики и т. д.); 2) учение об этой системе, общая теория метода [1, с. 74].

Методологические принципы (методология) должны определять содержательную суть криминологического исследования. Криминологическое исследование базируется на ключевых положениях теории и методологии. Его проведение подчиняется четко определенным целям, направлено на конкретный объект, границы которого устанавливаются изначально [2, с. 659].

Как отмечает Г. А. Аванесов, «криминология, являясь по отношению к философии частной (специальной) отраслью знания, в свою очередь выступает как методологическая по отношению к криминологическим исследованиям» [3, с. 109].

Криминологические исследования всегда основываются на соблюдении общих методологических принципов научного познания. Общая методология научного познания представляет собой теоретические концепции, применяемые ко всем или к большинству научных дисциплин. При этом степень общности принципов общенаучной методологии различна. Общефилософские принципы формируют общую основу познания, из них выделяют методологические принципы научного исследования:

- принцип единства теории и практики;
- принцип детерминизма;
- принцип объективности;
- принцип всесторонности;
- принцип единства исторического и логического;
- принцип системности;
- принцип единства внешних воздействий и внутренних условий;
- принцип активной деятельности личности;
- принцип развития [4, с. 38–46].

К числу методологических принципов криминологических исследований Г. А. Аванесов относит:

- «отношение к преступности как к действительности и объективной реальности;
- необходимость отделения существенных элементов от второстепенных при изучении преступности как объективной реальности;
- признание постоянства и изменяемости элементов, составляющих преступность;
- учет историчности изучаемых явлений и процессов преступности;
- признание значения противоречий в развитии преступности;
- конкретность, объективность» [3, с. 110]

С. А. Калинин отмечает, что «методология криминологической экспертизы зависит от понимания права, так как может произойти коллизия общеобязательных систем, причем одна из которых может рассматриваться другой в качестве *неправа (антиправа)*» [5, с. 158].

На основании изложенного под методологией криминологической экспертизы (принципы познания) следует понимать совокупность принципов, которыми руководствуется эксперт на различных этапах исследования норм проектов правовых актов (правовых актов), начиная с определения его целей и заканчивая формулированием выводов и обобщений.

Список цитированных источников

1. Судакова, Т. М. Криминологическое исследование: теоретико-методологические основы / Т. М. Судакова // Всерос. криминолог. журн. – 2017. – Т. 11. – № 4. – С. 656–665.
2. Методология и методы научного познания : учеб. пособие / И. Л. Бахтина [и др.] ; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2016. – 119 с.
3. Криминология : учеб. / Г. А. Аванесов [и др.] ; под ред. Г. А. Аванесов. – 6-е изд., перераб. и доп. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2015. – 576 с.
4. Калинин, С. А. О некоторых методологических проблемах криминологической экспертизы / С. А. Калинин // Проблемы совершенствования правовых средств и механизмов противодействия преступности в современном обществе : матер. Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 13–14 окт. 2006 г. / редкол. : А. В. Барков (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2007. – С. 156–159.

АНТИМОНОПОЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К ЗАКУПКАМ КАК ФОРМА РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫХ НОРМ О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ МОНОПОЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И КОРРУПЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Трипузова А.А.

Уровень экономического роста государства зависит от создания надлежащих условий для развития добросовестной конкуренции и эффективной системы мер противодействия коррупции. В свою очередь, это требует полноценного конституционно-правового противодействия монополистической деятельности, обеспечения надежных правовых гарантий и защиты конкуренции от различных негативных ограничений и воздействий, к числу наиболее опасных из которых и относятся коррупционные проявления.

Коррупция и конкуренция взаимообусловлены, имеют двустороннюю причинно-следственную связь, а именно: неразвитая конкуренция приводит к росту коррупции, а высокий уровень коррупции влечет за собой снижение уровня конкуренции. Соответственно, противодействие коррупции и монополистической деятельности также тесно взаимосвязаны, усиливая друг друга в силу общности задач по предупреждению и пресечению ограничения конкуренции, ее защите от коррупционных проявлений.

Значимость этих обстоятельств признается и на международном уровне. Проблеме борьбы с коррупцией и поддержки конкуренции ОЭСР (Организация экономического сотрудничества и развития) посвятила в 2014 г. Глобальный форум по конкуренции. В числе ключевых вопросов обсуждались взаимоотношение коррупции и конкуренции, способности антимонопольного регулирования внести вклад в борьбу с коррупцией; сотрудничество антимонопольных органов и органов по борьбе с коррупцией [1, с. 5].

В целом исследователи выделяют три основных направления влияния коррупции на конкуренцию: создание барьеров входа на рынки; создание дискриминационных условий; сговор на торгах в сфере государственных закупок. Несмотря на нередкие случаи «размывания» границ между этими направлениями, в мировой практике лидирующие позиции занимают коррупционные проявления в сфере закупок [1, с. 24]. В настоящее время они уже сформировали особую институализированную форму коррупции.

В связи с этим антимонопольные требования к закупкам и контроль за их соблюдением становятся важной формой реализации конституционно-правовых норм в сфере пресечения монополистической деятельности и развития конкуренции, действенным фактором предупреждения коррупции.

Конституцией Республика Беларусь предусмотрено, что государство обеспечивает законность и правопорядок (ст. 1); предоставляет всем равные права для осуществления хозяйственной и иной деятельности, кроме запрещенной законом, и гарантирует равную защиту и равные условия для развития всех форм собственности; осуществляет регулирование экономической деятельности в интересах человека и общества (ст. 13). Государство обязано принимать все доступные ему меры для создания внутреннего порядка, необходимого для полного осуществления прав и свобод граждан Республики Беларусь, предусмотренных Конституцией (ст. 59).

Из содержания данных конституционных норм следует, что законодатель при осуществлении правового регулирования в сфере противодействия монополистической деятельности должен исходить из обязанности государства поддерживать конкуренцию, создавать условия для эффективного функционирования товарных рынков, предупреждать и пресекать монополистическую деятельность и недобросовестную конкуренцию, противодействовать недопущению, ограничению, устранению конкуренции со стороны государственных органов, иных органов и организаций.

Перечисленные конституционные нормы получили дальнейшее воплощение в Законе Республики Беларусь от 12 декабря 2013 г. № 94-З «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции» (далее – Закон), который существенно «модернизирован» после внесения в него 8 января 2018 г. изменений и дополнений, вступивших в силу 3 августа 2018 г.

В числе нововведений Законом установлены требования к закупкам товаров, в частности, запрет на действия, которые приводят или могут привести к недопущению, ограничению или устранению конкуренции с определением конкретного перечня таких действий (ч. 1 ст. 24).

Эта мера направлена на обеспечение соблюдения и реализацию основного принципа закупок – добросовестной конкуренции, а также равных условий для организаций всех форм собственности, конкурентный доступ к материальным, сырьевым ресурсам, выявление и пресечение сговоров.

Первый заместитель Министра антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь (далее – МАРТ) И. Вежновец отмечал случаи заведомого установления заказчиком таких критериев к товару (услуге), которые мог выполнить только один конкретный субъект, и тем самым искусственно ограничивалось количество участников, нарушались принципы конкуренции. Типичными примерами таких ограничений являлись требования к членству в международных или республиканских объединениях, отраслевых союзах или ассоциациях либо опыт работы на соответствующей территории. Кроме того, МАРТ выявляло факты проведения закупок в виде процедуры запроса ценовых предложений без предварительного изучения конъюнктуры рынка, что могло приводить к приобретению товара по цене, значительно превышающей среднесложившиеся рыночные цены [2].

Для исключения подобных фактов Законом установлен запрет на координацию закупок организатором и (или) заказчиком деятельности участника, а также заключение между ними соглашений, которые способны привести к ограничению конкуренции. Нарушение антимонопольных требований может повлечь признание судом недействительными, в том числе по иску МАРТ, как закупок товаров, так и заключенных договоров (ст. 24).

Оценивая конституционность этих законодательных ограничений и запретов, Конституционный Суд Республики Беларусь в решении от 28 декабря 2017 г. подчеркнул их связь с приведенными нормами ст. 13 Конституции и отметил, что положения Закона направлены на защиту конкуренции на рынке товаров, выявление и пресечение сговоров при проведении закупок, создание равных условий для организации всех форм собственности, обеспечение эффективного расходования бюджетных средств, используемых для закупок товаров [3].

Перейдем в практическую плоскость реализации перечисленных конституционно-правовых норм по исследуемому вопросу. После введения антимонопольных требований к закупкам в 2019 г. комиссией МАРТ рассмотрены 12 дел и в 2020 г. – 1, но лишь по одному из них признан факт нарушения: создание ОАО «Химремонт» преимущественных условий для участников при организации и проведении процедуры закупки по включению в конкурсную документацию условия о стране изготовителе продукции (только Беларуси). Всего в 2019 г. в МАРТ подана 1171 жалоба по осуществлению процедур государственных закупок, 633 жалобы приняты к рассмотрению [4].

При этом, как показывает мировая практика, антимонопольные нарушения при закупках, имеющие коррупционную составляющую, обладают значительной латентностью и нередко являются сложнодоказуемыми. Зачастую их выявление требует проведения оперативно-розыскных мероприятий и применения средств, которые не входят в арсенал антимонопольного органа.

В свою очередь, недостатки, «пробелы» антимонопольного регулирования создают условия для коррупционных проявлений.

Изложенное обуславливает необходимость принятия дополнительных мер, наиболее полно обеспечивающих практическую реализацию приведенных конституционно-правовых норм, в частности, принципа эффективного сотрудничества МАРТ с правоохранительными органами (ст. 5, 17 Закона). Заключение подобных межведомственных соглашений позволит объединить усилия в предупреждении коррупции и монополистической деятельности.

В современных условиях является очевидным, что антимонопольное и антикоррупционное правоприменение в сфере закупок может и должно в конституционно-правовых рамках взаимодополнять и усиливать друг друга.

Список цитированных источников

1. Павлова, Н. С. Противодействие коррупции и защита конкуренции / Н. С. Павлова, А. И. Мелешкина. – М. : РАНХиГС, 2017. – 42 с.
2. Новое антимонопольное законодательство: планируемые изменения и ожидаемые результаты [Электронный ресурс] / «РитейлМаркетинг». – Режим доступа: <http://www.retailmarketing.by/about/news/news-2017/>. – Дата доступа: 28.02.2020.
3. О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции» [Электронный ресурс] : решение Конституционного Суда Респ. Беларусь, 28 дек. 2017 г., № Р-1117/2017 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
4. Министерство антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Министерство антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://mart.gov.by/>. – Дата доступа: 28.02.2020.

КОРРУПЦИОННЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Турлова Ю.А.

Необходимым условием научного исследования проблем предотвращения экологической преступности должно быть определение и характеристика детерминирующих факторов. Фактором, влияние которого распространяется на большинство населения, девальвируя систему социальных ценностей и приоритетов, потребностей и интересов, практически всех сфер общественной жизни, в том числе экологических отношений, является коррупция. Ее обуславливающее влияние на политическую, экономическую, социальную, организационно-управленческую и культурно-психологическую сферу системное и деструктивное. На современном этапе коррупция официально признана одной из главных угроз национальной безопасности в Украине.

Как и в других сферах общественной жизни, коррупция в экологической сфере приобрела признаки системного явления, укоренившись в деятельности

субъектов природопользования как основной, быстрый и действенный противоправный способ решения вопросов и достижения определенных целей, основной из которых является получение максимального незаконного дохода на постоянной и безнаказанной основе и с гарантированным результатом.

Исследование различных источников криминологической информации позволяет выделить основные проявления коррупции в экологической сфере: предотвращение угрозы привлечения к различным видам ответственности; охрана нелегальной добычи природных ресурсов от природоохранных и других контрольно-надзорных мероприятий; обеспечение фактической возможности общего или специального природопользования за счет так называемого административного ресурса; создание, предоставление льготных, законных и (или) незаконных условий природопользования; получение права специального природопользования, являющегося, по общему правилу, платным и накладывающим определенные обязанности на природопользователей, или получение лицензий; обеспечение пересечения государственной таможенной границы, содействие в уклонении от уплаты таможенных платежей; выдача разрешений на размещение экологически опасных объектов в запретных зонах; изъятие особо охраняемых природных территорий и лесов 1-й категории; благоприятное решение споров и иных конфликтов, возникающих в процессе добычи природных ресурсов, перед их реализацией и непосредственно в процессе торговли; выдача фальшивых документов, в том числе на соответствие экологическим стандартам, нормативам санитарных и защитных зон, режима водоохранных зон и др.; признание достаточности представленной документации при принятии различных решений экологического характера.

Как и в других сферах общественной жизни, коррупционные преступления в экологической сфере выявляются крайне редко. По результатам проведенных нами интервью установлено, что степень латентности коррупционных преступлений среди работников природоохранных органов достигает 98,0 %, что является существенным фактором обструкции и симуляции природоохранной функции государства.

Проведенное нами исследование позволяет сделать вывод, что влияние коррупции на экологическую преступность имеет характер функциональной зависимости, при которой происходит ее однозначная детерминация [1, с. 145].

Результаты проведенного автором экспертного опроса (прежде всего ученых, которые исследовали указанную проблему) позволили сделать вывод о системности детерминирующего влияния феномена коррупции, которому присущи как межведомственные горизонтальные (местная администрация – прокуратура – полиция – органы экологического контроля), так и вертикальные связи (подчинение, сочетание иерархических уровней). Следовательно, экологическая преступность в этом аспекте предстает в симбиозе с политической коррупцией, уголовные эффекты распространения которой представлены дисфункциями всех уровней и звеньев в структуре правоохранительной системы, системы государственного управления в сфере

охраны окружающей среды и обеспечения рационального природопользования в целом.

Фундаментальная детерминирующая роль рассмотренных экономических, политических и социальных факторов подтверждается и субъективным восприятием со стороны населения сложившейся ситуации в стране. Так, в процессе общенационального опроса населения Украины фирмой Ukrainian Sociology Service в 94 поселениях территориально-административных единиц Украины ставился вопрос о том, что должен прежде всего сделать политик (пять первоочередных действий), чтобы за него проголосовал избиратель (то есть респондент, который участвует в опросе). Полученные данные четко свидетельствуют, что основные, важнейшие для граждан проблемы были общими во всех регионах Украины: обеспечение преодоления кризиса в экономике и ее последствий, экономический рост; борьба с коррупцией; преодоление безработицы, создание возможностей для людей работать и зарабатывать; общее повышение уровня жизни людей в Украине; проведение назревших в обществе реформ [2, с. 35–36].

Проведенный нами экспертный опрос руководителей местных прокуратур Украины и их первых заместителей, судей, следователей национальной полиции, органов экологического контроля и научных работников (в общей сложности 321 респондент) также подтвердил указанные оценки. Так, на вопрос анкеты: «Какие, по Вашему мнению, проблемы есть сегодня актуальными для общества?» (необходимо было отметить пять важнейших), респонденты дали следующие ответы:

1. Тотальная коррупция во всех сферах общественной жизни – 92 %.
2. Политический кризис, беспомощность государственной власти – 61 %.
3. Экономический кризис, инфляция, безработица – 43 %.
4. Нищета значительной части населения – 38 %.
5. Идеологический кризис, отсутствие четких целей, ориентиров развития страны – 18 %.

Распространение названных негативных явлений в украинском обществе, по мнению А. Н. Костенко, – «это следствие кризиса социальной культуры граждан, которая включает в себя, в частности, политическую, экономическую, правовую, моральную культуру граждан. Коррупция кризисного типа, поразившая современную Украину, имеет своим фундаментом значительную прослойку граждан, лишенных должной социальной культуры и потому пораженных произволом и иллюзиями, которые проявляются в виде коррупции». Поэтому правоприменительная деятельность контролирующих и правоохранительных органов в сфере противодействия экологической преступности является эффективной настолько, насколько развита социальная культура граждан, в том числе ее экологическая составляющая [3, с. 50].

Таким образом, экологизация всех аспектов государственной политики невозможна без утверждения новой мировоззренческой доминанты в украинском обществе, формирования экологической культуры, соответствующего изменения ценностных ориентаций и сознания людей, понимания сути и опасности экологических проблем, участия каждого человека

в их решении. Проведенные как нами [4, с. 89–93], так и другими авторами [5, с. 136] опросы показывают, что чаще всего экологические ценности не занимают должного места в ценностных ориентациях отдельного гражданина. Именно поэтому формирование ответственного отношения граждан к окружающей среде должно происходить через изменение негативных традиций природопользования и потребительского стереотипа поведения путем повышения экологической культуры людей средствами непрерывного экологического образования (в первую очередь детей), пропаганды экологических знаний, а также профессиональной экологической подготовки. Все это позволит на любом уровне принимать и реализовывать экологически грамотные и взвешенные управленческие решения, осуществлять эффективное предотвращение коррупции в сфере экологии. Итак, именно формирование антикоррупционной культуры граждан в сочетании с мерами, направленными на формирование надлежащего уровня экологического правосознания, должно создать основу для предупреждения как коррупции в экологической сфере, так и экологической преступности.

Список цитированных источников

1. Турлова, Ю. А. Екологічна злочинність в Україні: кримінально-правові та кримінологічні засади протидії : монографія / Ю. А. Турлова. – Київ : Знання України, 2018. – 459 с.
2. Трансформації суспільних настроїв в умовах протидії агресії Росії на Донбасі: регіональний вимір / за наук. ред. О. Гарань. – Київ : Стилос, 2017. – 235 с.
3. Костенко, О. М. Корупція в Україні у світлі політичної кримінології / О. М. Костенко // Політичний менеджмент. – 2009. – № 1. – С. 49–54.
4. Турлова, Ю. А. Кримінологічна характеристика браконьєрства в Україні та протидія цим злочинам : монографія / Ю. А. Турлова. – Київ : Наук. світ, 2012. – 181 с.
5. Поліщук, Г. С. Корупція в структурі детермінації екологічної злочинності / Г. С. Поліщук // Боротьба з організованою злочинністю і корупцією (теорія і практика). – Київ, 2009. – Вип. 20. – С. 131–137.

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ФАКТА СОВЕРШЕНИЯ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ С УЧЕТОМ ПРАВА СУБЪЕКТА НА ЭКОНОМИЧЕСКИЙ (ДЕЛОВОЙ) РИСК

Цуприк А.Н.

Для судов и правоохранительных органов нормативное регулирование экономического (делового) риска и его законодательное закрепление является основанием для прекращения уголовного преследования руководителей субъектов хозяйствования за отсутствием общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом (п. 1 ч. 1 ст. 29 УПК), при условии соблюдения всех условий правомерности делового риска со ссылкой на ст. 39

УК как обстоятельство, исключающее преступность деяния (но не вследствие отсутствия в деянии состава преступления (п. 2 ч. 1 ст. 29 УПК).

Игнорирование института экономического (делового) риска приводит к неверному решению вопросов об исключении уголовной ответственности лиц, сознательно уклонявшихся от сложившихся стереотипов поведения для достижения общественно полезной цели. Необходимо разграничивать, является ли нестандартное управленческое решение результатом смелых обдуманных намерений либо халатного отношения при подготовке и реализации данного решения, и, исходя из этого, решать вопрос о привлечении либо не привлечении к уголовной ответственности рисковавшего субъекта. Нестандартное управленческое решение выражается в рискованном необычном экономическом поведении, но при этом имеет экономически обоснованный характер.

Применение экономического (делового) риска рассчитано на блокирование необоснованного привлечения к уголовной ответственности руководителей предприятий на основе вменения факта действий вопреки интересам службы. Деловой риск находится на стыке уголовно-правовой оценки деяния по следующим составам преступлений против интересов службы:

- злоупотребление властью или служебными полномочиями (ст. 424 УК);
- бездействие должностного лица (ст. 425 УК);
- превышение власти или служебных полномочий (ст. 426 УК);
- служебная халатность (ст. 428 УК).

Возможные заключения следственных органов в зависимости от результатов такой оценки могут сводиться к следующим:

1) устанавливается, что решение, с реализацией которого связано наступление общественно опасных последствий, принималось умышленно вопреки интересам службы [1, с. 25], т. е. не отвечало как формализованным компетенционным требованиям, так и разумной экономической целесообразности – совершалось заведомо во вред экономическим целям деятельности из личной или корыстной заинтересованности. В этом случае содеянное в зависимости от формы и объема служебного деяния, а также с учетом компетенции и служебных полномочий квалифицируется, соответственно, по ст. 424, 425, 426 УК.

Не может при этом исключаться уголовная ответственность, равно как и связываться с деловым риском, за решения (действия) различного мошеннического характера, решения (действия), направленные на сокрытие экономической несостоятельности, незаконное участие в предпринимательской деятельности (ст. 429 УК), любой служебный подлог (ст. 427 УК), действия, связанные с получением, дачей взятки, посредничеством во взяточничестве или принятием незаконного вознаграждения (ст. 430, 431, 432, 433 УК);

2) устанавливается, что решение объективно не соответствует интересам служебной экономической целесообразности, но является не следствием умысла, а общей или профессиональной некомпетентности (небрежности), что исключает злоупотребление и выводит квалификацию на служебную халатность (ст. 428 УК) [1, с. 25].

Здесь речь идет о решениях, принятых по «стандартам» бесхозяйственности, элементарного непрофессионализма и очевидной безответственности. Названные ситуации не имеют никакого отношения к положениям об экономическом (деловом) риске. Очевидно, что халатное отношение руководителей к своим служебным обязанностям не способствует экономическому развитию.

Также не должен прикрываться деловым риском и преступный сговор. В качестве примера можно привести следующую ситуацию. Руководитель предприятия А отдает распоряжение о поставке продукции предприятию Б. Предприятие Б не оплачивает поставленный товар. Однако руководитель предприятия А снова отдает распоряжение о поставке следующей партии продукции предприятию Б. Предприятие Б снова не оплачивает поставленный товар. Тем не менее руководитель предприятия А продолжает отдавать распоряжения о поставке продукции предприятию Б, ни одно из которых не было оплачено предприятием Б. При этом руководитель предприятия А ссылается на то, что действовал в соответствии с обычными условиями гражданского оборота, что товар необходимо реализовывать, а он не может отвечать за действия других лиц, так как свои обязательства по поставке товара по договору выполнил, а оплата товара является обязанностью контрагента, которую тот не исполнил. В рамках уголовного дела обнаруживается сговор о неплатеже между руководителями предприятий А и Б. Таким образом, налицо мошеннические действия, которые не могут быть признаны совершенными в рамках экономического (делового) риска;

3) устанавливается ситуация формально-компетенционного несоответствия решения руководителя субъекта предпринимательства интересам служебной деятельности; с точки зрения экономической целесообразности и обоснованности оно было рискованным, но ориентированным на достижение позитивного результата. Вот в этой ситуации и предстоит серьезная аналитическая задача по выяснению того, был ли деловой риск обоснованным с точки зрения поставленной экономической задачи и наступивших ущербных последствий, включая и факт недостижения поставленной экономической цели. При этом следует учитывать, что рискованные экономические решения субъектами экономической деятельности принимаются осознанно, в условиях отступления от стандартизированных административных процедур государственного регулирования и поэтому всегда содержат элемент формального нарушения компетенционных интересов службы. Это и является определенного рода западней для руководителей государственных предприятий, для необоснованного привлечения их к уголовной ответственности.

Назрела необходимость разработать методические критерии практического применения экономического (делового) риска в сфере предпринимательской деятельности и критерии, по которым уголовная ответственность соответствующих руководителей не должна наступать в силу обоснованности решений экономико-управленческого характера, принятых

и реализуемых в условиях допустимого проявления факторно-экономических рисков как объективного, так объективно-субъективного свойства.

Список цитированных источников

1. Хомич, В. М. Институционализация делового риска в экономической деятельности в качестве обстоятельства, исключаящего преступность злоупотребления профессиональным правом на предпринимательский риск для решения значимой экономической задачи / В. М. Хомич // Право.by. – 2015. – № 5 (37). – С. 24–31.

**ЦИФРОВИЗАЦИЯ НОРМОТВОРЧЕСКОГО ПРОЦЕССА
КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ
КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПРОЕКТОВ
НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ**

Шаршун В.А.

Современный этап мирового экономического и социального развития характеризуется значительным влиянием на него цифровизации. Как новый тренд мирового общественного развития, который пришел на смену информатизации и компьютеризации, он основан на цифровом представлении информации. В масштабах экономической и социальной жизни как отдельной страны, так и всего мира цифровизация влечет повышение эффективности экономики и улучшение качества жизни.

Широкое распространение цифровизации во всех сферах общественной жизни приводит к формированию цифровой экономики как системы социальных, культурных, экономических и технологических отношений между государством, бизнесом и гражданами, функционирующей в глобальном информационном пространстве посредством широкого использования сетевых технологий, генерирующей цифровые виды и формы производства и продвижения к потребителю продукции и услуг и влекущей непрерывные инновационные изменения методов управления и технологий в целях повышения эффективности социально-экономических процессов [1, с. 30]

Важным условием развития цифровой экономики является обеспечение адекватного правового регулирования. При этом совершенствование процесса нормотворчества в целях обеспечения своевременности и эффективности правового регулирования является одним из ключевых факторов развития общественных отношений.

В современных условиях актуальным направлением совершенствования нормотворческой деятельности является ее цифровизация. Согласно п. 1¹ Указа Президента Республики Беларусь от 15 июня 2015 г. № 243 «Об электронном документообороте при подготовке и принятии правовых актов» автоматизация процессов подготовки, согласования, проведения экспертиз, внесения в нормотворческий орган и принятия проектов правовых актов определена

одним из приоритетных направлений дальнейшего развития нормотворческой деятельности.

Одной из важнейших стадий данного процесса в соответствии с п. 1 ст. 36 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах» является подготовка проекта нормативного правового акта, включая проведение его согласования и экспертиз. К числу таких экспертиз относится и осуществляемая в соответствии со ст. 49 названного Закона криминологическая экспертиза, целью которой является выявление в проектах нормативных правовых актов норм, применение которых может повлечь возникновение негативных последствий в различных сферах общественных отношений в связи с наличием рисков криминогенного характера. Развитие института криминологической экспертизы проектов нормативных правовых актов служит достижению цели их научной обоснованности, а, следовательно, обеспечивает в определенном смысле гарантии предупреждения наступления многих отрицательных для личности, общества и государства последствий, в том числе криминального свойства [2, с. 3].

В аспекте цифровизации криминологической экспертизы как элемента названной стадии нормотворческого процесса представляется целесообразным выделить два основных направления:

цифровизация процедуры осуществления криминологической экспертизы;

информационно-правовое обеспечение криминологической экспертизы.

1. В настоящее время в Республике Беларусь цифровизация процедуры криминологической экспертизы осуществляется в рамках развития автоматизированной информационной системы, обеспечивающей формирование Национального реестра правовых актов Республики Беларусь (далее – АИС НРПА). В 2019 г. Национальным центром правовой информации Республики Беларусь совместно с обществом с ограниченной ответственностью «Информационные порталы и сервисы» разработан блок «Криминологическая экспертиза» АИС НРПА. По существу, создан «цифровой тракт» прохождения проектов нормативных правовых актов в электронном виде в рамках их криминологической экспертизы. Система обеспечивает направление на криминологическую экспертизу уполномоченным органом заверенного электронной цифровой подписью проекта нормативного правового акта с приложением необходимых документов. В рамках системы обеспечивается регистрация поступившего проекта в государственном учреждении «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», его направление уполномоченным должностным лицом конкретному эксперту для проведения экспертизы. Система позволяет отслеживать сроки проведения экспертизы, согласовать и подписать в установленном порядке заключение по результатам экспертизы, направить его в соответствующий государственный орган. Система также обеспечивает формирование различных отчетов относительно экспертной деятельности, а также архивное хранение и поиск соответствующих материалов криминологической экспертизы.

Таким образом, внедрение в практику нормотворческой деятельности блока «Криминологическая экспертиза» АИС НРПА позволит исключить бумажный документооборот на этапе криминологической экспертизы, ускорить ее проведение, что в конечном итоге будет способствовать скорейшему принятию и вступлению в силу нормативных правовых актов.

2. Важным направлением цифровизации проведения криминологической экспертизы является создание и использование информационных ресурсов, прежде всего правовых, при проведении указанной экспертизы. Одним из таких важных ресурсов является информационно-поисковая система «ЭТАЛОН», содержащая большой объем как нормативной, так и иной правовой информации в электронном виде, которая может быть востребована при проведении криминологической экспертизы. Так, в составе системы содержится свыше 375000 документов, в том числе свыше 233000 правовых актов, включенных в Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, свыше 39000 судебных решений и иных материалов судебной практики, свыше 25000 материалов иной правоприменительной практики, научных работ в области права и комментариев специалистов.

Кроме того, по нашему мнению, перспективным направлением является создание экспертных систем, направленных на анализ данных в целях проведения криминологической экспертизы проектов нормативных правовых актов, использование в этих целях разработок в сфере искусственного интеллекта. Современные информационные технологии на основе больших данных и нейронных сетей позволяют обеспечить качественный анализ на основе огромного массива информации. Как справедливо отмечает Л. В. Пинчук, «большое будущее в изучении законопроектов в ходе криминологической экспертизы за методом компьютерного моделирования» [2, с. 16]. Полагаем, что это справедливо и в отношении других видов проектов. В качестве определенного примера можно привести созданную компанией «Логика бизнеса 2.0» автоматизированную систему «Логика ЕСМ. Правовая экспертиза». Данная система существенно упрощает процесс проведения правовой экспертизы и сокращает его сроки, выполняя рутинные операции и кардинально снижая затраты рабочего времени. Кроме того, данная система способна оказать существенную помощь в проведении антикоррупционной экспертизы проектов правовых актов [3, с. 263].

Таким образом, цифровизация нормотворческого процесса и широкое использование новых информационных технологий в процессе осуществления криминологической экспертизы проектов правовых актов будет способствовать повышению ее эффективности, выявлению рисков криминогенного характера и выработке мер, направленных на их устранение, и, в конечном итоге, высокому качеству принимаемых актов, оперативности правового регулирования.

Список цитированных источников

1. Головенчик, Г. Г. Цифровизация белорусской экономики в современных условиях глобализации : монография / Г. Г. Головенчик. – Минск : Изд. центр БГУ, 2019. – 257 с.

2. Пинчук, Л. В. Криминологическая экспертиза законопроектов : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Л. В. Пинчук ; Московский университет МВД РФ. – 2011. – 22 с.
3. Корнилов, А. Р. Цифровизация правовых экспертиз / А. Р. Корнилов // Актуальные проблемы и перспективы развития экономики : труды XVII Междунар. науч.-практ. конф., Гурзуф, 18–20 окт. 2018 г. / ГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»; под ред. Н. В. Апатовой. – Симферополь, 2018. – С. 262–263.

НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ

Швед Н.А.

Коррупция в сфере органов государственной власти и управления характеризуется значительной общественной опасностью. Деятельность органов исполнительной власти больше других подвержена коррупции, поскольку здесь сосредоточено оперативное управление материально-техническими, экономическими, финансовыми, информационными, кадровыми и иными ресурсами. Органы государственной власти и управления входят в зону с повышенным коррупционным риском. Повышенную подверженность коррупции органов исполнительной власти детерминируют высокая интенсивность контактов с физическими и юридическими лицами, существенность принадлежащих органам исполнительной власти функций, относительно невысокий уровень вознаграждения государственных служащих, бюрократизм и др.

Для эффективного противодействия коррупции необходимо не только создание надлежащей нормативно-правовой базы, но и реальное обеспечение механизма реализации нормативных правовых актов. Деятельность органов исполнительной власти больше других подвержена коррупции, поскольку здесь сосредоточено оперативное управление материально-техническими, экономическими, финансовыми, информационными, кадровыми и иными ресурсами [1, с. 304]. В этой связи в научной литературе обосновывается необходимость разработки и реализации административно-правовых средств предупреждения и пресечения коррупции в органах власти и управления, а также развития института административной юстиции, который может внести весьма ощутимый вклад в дело противодействия коррупции [2, с. 303].

Наиболее актуальной и важной задачей развития современного государства является разработка правовых средств противодействия коррупции в системе государственной службы, достигшей в настоящее время больших размеров. В этой связи разработка и реализация единой антикоррупционной политики в системе государственной службы становится настоятельной необходимостью. При этом следует учитывать опыт многочисленных реформ государственной службы, которые проводились в западных странах.

С учетом анализа зарубежного опыта и научных публикаций по проблеме противодействия коррупции представляется, что в сфере государственной

службы стратегия противодействия коррупции должна реализовываться по следующим основным направлениям.

1. Повышение эффективности деятельности органов государственной власти и управления, органов местного самоуправления по противодействию коррупции в целом. Критериями такого совершенствования выступают оптимизация работы государственного служащего, дебюрократизация, устранение дублирующих полномочий государственных структур, повышение профессионализма работников и др.

2. Выявление коррупционно уязвимых направлений деятельности и потенциально коррупционных действий в государственных органах. Во всех государственных органах следует определить области деятельности с наибольшей опасностью коррупции. Соответственно, необходим строгий контроль (внутренний и внешний) за деятельностью лиц, осуществляющих данные виды деятельности и занимающих соответствующие должности. В качестве важной меры следует также рассматривать ограничение дискреционных полномочий должностных лиц.

3. Важным направлением представляется организация системы подбора лиц на должности государственных служащих, оценка не только профессиональных качеств претендента, но и, по возможности, моральных. При этом кадры для коррупционно уязвимых сфер деятельности следует отбирать с особой тщательностью. В областях, где опасность коррупции особо велика, продолжительность деятельности работников должна ограничиваться. Возможно применение механизма ротации кадров. При необходимости продления сроков деятельности конкретных должностных лиц на определенных должностях причины должны подтверждаться документально.

4. Разработка и реализация административно-правовых средств предупреждения и пресечения коррупции в органах власти и управления касается, главным образом, установления ограничений и запретов. Вместе с тем в настоящее время запреты в механизме реализации антикоррупционных стандартов служебного поведения государственных служащих носят преимущественно общий характер, они обязательны для всех служащих, независимо от сферы управления. Такой подход сегодня уже нельзя признать в полной мере удовлетворительным. Должны получить развитие новые антикоррупционные запреты в системе государственной службы, которые будут находиться в зависимости от сферы государственного управления, от функции, которую выполняет соответствующий служащий, а также от коррупционных рисков, связанных со служебной деятельностью конкретного лица и занимаемой им должностью.

5. Реализация принципа открытости и доступности деятельности государственных органов и органов местного самоуправления. Реализация принципа открытости не только обеспечивает доступ граждан к информации о деятельности органов государственной и местной власти, но и является одним из актуальных направлений деятельности государственных органов и органов местного самоуправления [3, с. 94; 4, с. 66]. Формирование режима прозрачности (открытости) в деятельности государственных органов, достигаемое

посредством применения информационных технологий, является одним из наиболее эффективных публично-правовых средств противодействия коррупции в условиях цифровой трансформации общества и создания электронного правительства. Должна обеспечиваться прозрачность решений (например, четкое разграничение сфер ведения, компьютеризация управленческих функций, открытая отчетность о деятельности государственного органа, полное документирование всех процессов, общественный контроль). Внедрение в деятельность органов государственной власти и управления, органов местного самоуправления инновационных технологий, повышающих объективность и обеспечивающих прозрачность при принятии управленческих решений, а также обеспечивающих межведомственное электронное взаимодействие указанных органов и их взаимодействие с гражданами и организациями в рамках оказания государственных услуг будет способствовать их открытости.

6. Совершенствование работы подразделений кадровых служб органов исполнительной власти и иных государственных органов по профилактике коррупционных и других правонарушений. В литературе предлагается утвердить порядок проведения служебных проверок по фактам совершения государственным служащим коррупционных дисциплинарных проступков. Такой подход, по мнению ученых, позволил бы более действенно проводить соответствующие проверочные мероприятия, кроме того, такая проверка проводилась бы в специальном процессуальном режиме [5, с. 31–32].

7. Важное направление – повышение правовой культуры государственных служащих, в том числе путем антикоррупционного образования и просвещения. В этой связи представляется, что государственный служащий должен периодически проходить подготовку и переподготовку (повышение квалификации) по вопросам противодействия коррупции.

8. Закрепление этических (антикоррупционных) стандартов поведения государственного служащего. Установленный стандарт служебного поведения должен быть определенным гарантом формирования нетерпимости к коррупции. Говоря о структуре антикоррупционных стандартов служебного поведения государственных служащих, необходимо отметить, что такие стандарты должны четко определять границы запрещенного и дозволенного поведения как для самого служащего, так и для членов его семьи, и, возможно, близких родственников. Эти требования также должны касаться и представителей бизнеса, а также граждан, которые контактируют с соответствующими должностными лицами.

9. Предотвращение и урегулирование конфликта интересов является одним из важнейших антикоррупционных стандартов поведения на государственной службе. Разграничение служебного и личного в деятельности государственного служащего – важное условие антикоррупционной профилактики. В этой связи целесообразно разработать и закрепить механизм урегулирования конфликта интересов в сфере государственной службы.

10. Важная роль отводится экономическому механизму противодействия коррупции. Как известно, низкий уровень заработной платы государственных

служащих и социальная незащищенность создают экономические предпосылки коррупции. В этой связи необходимо повышение социальных гарантий (денежное содержание, пенсионное обеспечение) государственных служащих. Помимо сказанного целесообразно также разработать систему поощрения позитивных действий должностных лиц. Система поощрения должна быть направлена на то, чтобы должностному лицу было выгодно и в материальном, и в моральном планах работать честно и эффективно. В то же время в качестве последствия за коррупционное действие следует установить запрет работать в государственных организациях и предусмотреть утрату всех социальных льгот, которые предоставляет государственная служба.

Список цитированных источников

1. Четвериков, В. В. Административно-правовые меры противодействия коррупции в деятельности исполнительной власти / В. В. Четвериков // Право и политика. – 2008. – № 2. – С. 301–309.
2. Гайдарева, И. Н. Актуальные проблемы противодействия коррупции в системе государственной службы / И. Н. Гайдарева // Вестн. Адыгейского гос. ун-та. Сер. 1. Религиоведение, философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2011. – № 3. – С. 301–307.
3. Казакова, Л. А. Информационная открытость в сфере противодействия коррупции / Л. А. Казакова // Третьи юридические чтения : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф., Сыктывкар, 26–27 нояб. 2015 г. : в 2 ч. / СГУ им. Питирима Сорокина ; отв. ред. В. У. Хатуаев. – Сыктывкар, 2016. – Ч. 2. – С. 94–96.
4. Астанина, В. Г. О критериях и принципах антикоррупционной информационной открытости органов государственной власти / В. Г. Астанина // Мониторинг правоприменения. – 2014. – № 2. – С. 66–69.
5. Костенников, М. В. Антикоррупционные стандарты служебного поведения государственных гражданских служащих / М. В. Костенников, А. В. Куракин // Мониторинг правоприменения. – 2014. – № 4. – С. 26–34.

О ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОЙ ОСНОВЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

Шишковец И.И.

Отечественный и мировой опыт борьбы с коррупцией свидетельствует о необходимости комплексного использования не только уголовно-правовых, но и иных мер. Коррупция уменьшает свое влияние лишь тогда, когда воздействие закона подкрепляется нравственным общественным осуждением тех, кто использует своё служебное положение для извлечения личной выгоды, а также когда в сознании граждан доминирует духовно-нравственная основа, дающая возможность побороть возможные коррупционные проявления в себе самом.

Социум и человек состоят в теснейшей связи и взаимозависимости, объективно пронизываются не только социальными связями, но и духовными

законами, духовно-нравственными отношениями, составляющими их духовно-нравственную основу, нарушение которой ведет к совершению правонарушений и негативным последствиям. Данное обстоятельство актуализирует внимание к духовно-нравственным основам общества и личности человека как эффективному средству противодействия коррупции.

Личность коррупционного преступника – сложное социально-правовое понятие, правовые аспекты которого выражаются в урегулированных законодательством уголовных правоотношениях, а социальные – отражают ее свойства и качества, в том числе духовно-нравственные основы, определяющие ее поведение. А. Б. Сахаров справедливо определяет такую личность как «совокупность социальных и социально значимых свойств, признаков, связей и отношений, характеризующих лицо, виновно нарушающее уголовный закон» [1], влияющих в своей совокупности на его поведение.

В юридической литературе для исследования таких лиц используются присущие им основополагающие атрибутивные свойства, выраженные в двойственных понятиях «человек» и «личность», обуславливающие социальные стандарты поведения, в том числе и коррупционное поведение. При этом под личностью понимается «человек как носитель каких-нибудь свойств» [2, с. 318], а человек рассматривается как «живая система, представляющая собой единство физического и духовного, природного и социального, наследственного и прижизненно приобретенного» [3, с. 770].

Коррупционное поведение определяется «как следствие греховной склонности человека к стяжанию, незаконному присвоению средств за счет служебного положения, ведет к безверию человека в справедливость, честность и беспристрастность» [4].

Нормы поведения государственного служащего, его профессиональная деятельность, мировоззрение и др. должны иметь духовно-нравственную основу, которая позволит ему стать образцом духовности и нравственности, служения людям, законопослушности, преданности своему делу, ответственности, честности, справедливости и т. д. Только в этом случае будут эффективно решены не только управленческие задачи и реализованы служебные функции, но и созданы объективные предпосылки для предупреждения коррупции.

Понятие «духовность» является сложным и многогранным. Исторически сложились два принципиально различных подхода относительно этого явления: религиозный (божественное, сакральное начало) и научный (во взаимосвязи с человеком и социальными отношениями). Духовное начало человека осуществляется на основе веры и любви. Духовность человека – это то, что отличает человека, что присуще ему одному, характеризует его и выступает его конституирующей особенностью. «В христианстве постулируются такие признаки или качества духовного начала в человеке и его духа, как разум, самосохранение, свобода воли и совесть, которая дается в виде естественного нравственного чувствования, трансформирующегося при участии разума и воли в личностный нравственный закон» [5, с. 22].

Большую значимость среди духовных начал имеет совесть. По словам

видного русского философа И. А. Ильина, «совесть человека утверждает, созидает и укрепляет его духовно-личное начало. Совесть человека как влечение духа «требуеет от человека всегда одного и того же: самого лучшего, а не лично-мелкого, лично-страстного, лично-жадного, лично-порочного» [6, с. 484].

На актуальность духовно-нравственной основы личности указывают концептуальные программные документы Республики Беларусь. Так, в соответствии с положениями Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 г. «устойчивое развитие человека, духовное здоровье нации базируется на системе духовно-нравственных ценностей общества, является основой формирования национального правосознания, национальной идеи» [7].

Нравственность – это совокупность духовных качеств человека, хорошо овладевшего всеми видами морали, ясно осознающего истинные моральные ценности и предпочтения, умеющего творчески применять их к реальным жизненным ситуациям. К таким качествам относятся гуманизм, честность, любовь к своему народу, коллективизм и т. д. Их антиподами являются завистливость, злость, властность, лживость [8].

Таким образом, духовно-нравственные качества личности отражают обобщенные духовные и нравственные ценности личности,отрефлексированные ею на обобщенном (духовном) уровне.

Результаты анализа содержания понятий «духовность и «нравственность» свидетельствуют о целесообразности формирования духовно-нравственной основы для противодействия коррупции, включающей в себя такие составные качества, как любовь, искренность, доброта, совесть, бескорыстие, честность, преданность делу, чуткость, отзывчивость, человеческое достоинство, ответственность, трудолюбие, патриотизм.

Формирование указанных духовно-нравственных качеств личности государственного служащего и их культивирование в общественном сознании будет способствовать эффективному предупреждению коррупции в Республике Беларусь.

Список цитированных источников

1. Сахаров, А. Б. Учение о личности преступника и его значение в профилактической деятельности органов внутренних дел : лекция / А. Б. Сахаров. – М. : МВШМ МВД СССР, 1984. – 4 с.
2. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов ; под ред. И. К. Сазонова. – 5-е изд., стереотип. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1960. – 900 с.
3. Философский энциклопедический словарь / Л. Ф. Ильичев (гл. ред.), П. Н. Федосеев [и др.]. – М. : Сов. энциклопедия, 1983. – 840 с.
4. Нравственные основы противодействия коррупции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pobeda.ru/nravstvennyie-osnovyi-protivodeystviya-korrupsii.html>. – Дата доступа: 07.02.2020.
5. Лопухов, Г. А. Содержание и методика духовно-нравственного воспитания старшеклассников с интеллектуальной недостаточностью : монография / Г. А. Лопухов // под науч. рук. Т. Л. Лещинской. – Каунас : Изд-во Edvino Bliumbergo firma, 2018. – 160 с.

6. Ильин, И. А. Книга раздумий и тихих созерцаний / И. А. Ильин. – М. : Изд. «Альта – Принт», 2006. – 527 с.

7. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь до 2030 года, одобрена Президиумом Совета Министров Респ. Беларусь, 2 мая 2017 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.economy.gov.by/uploads/files/NSUR2030/Natsionalnaja-strategija>. – Дата доступа: 08.04.2020.

8. Сущностные характеристики духовно-нравственных качеств личности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://studbooks.net2593642/pedagogika/suschnostnye_harakteristiki_duhovno_nravstvennyh_kachestv_lichnosti. – Дата доступа: 07.02.2020.

**МОДЕЛЬ
СТРАТЕГИИ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ НА 2021-2030 ГОДЫ,
РАЗРАБОТАННАЯ НПЦ ГЕНЕРАЛЬНОЙ ПРОКУРАТУРЫ
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

Коррупция является серьезной общественно-политической проблемой современных государств, разрушая социально-экономические, политические и правовые устои государственности и государственных институтов власти, легитимацию правовых систем, законодательства, общественного правопорядка, взаимной социальной ответственности государства и общества за обеспечение национальной безопасности.

Отечественный и зарубежный опыт подтверждает, что ориентация в борьбе с коррупцией исключительно на уголовно-правовое пресечение наиболее опасных ее форм без формирования в комплексном виде в государстве функционально независимых эффективных институциональных механизмов противодействия коррупции по всем ветвям и системам власти и без действенно-ответственного участия в этом гражданского общества не устраняет основных причин и условий коррупции, социально-политические истоки причин которой находятся в системе организации и формирования власти – отсутствии сбалансированной системы разделения властей, независимой судебной и правоохранительной систем.

На современном этапе развития государства чрезвычайно важно исследование проблем и постановка задач в области борьбы с коррупцией на уровне институционального анализа коррупции и обеспечения на этой основе адекватной государственной политики Республики Беларусь в области противодействия коррупции, учета всего объема научных экспертных рекомендаций по ее совершенствованию с позиции социально-конструктивных основ понимания коррупции и ее причин, раскрытия и использования институционального потенциала гражданского общества и органов власти в противодействии коррупции, консолидации «конфликтов» интересов власти и гражданского общества по организационно-правовым позициям формирования органов власти и практикам понимания социальных причин и сложившихся практик противодействия коррупции. Государству нужна не уголовно-правовая стратегия, а стратегия – или общенациональная платформа – политических (публично-правовых) реформ в системе государственной организации правоохранительной системы противодействия коррупции на основе защиты общегражданских прав и свобод человека.

Настоящая Стратегия разработана на основе общепризнанных принципов и норм международного права, национального законодательства в сфере противодействия коррупции, оценки коррупционных рисков в системах управления и регулирования публичного и частного секторов, определения

уязвимых для коррупции сфер деятельности, изучения статистических и иных данных о коррупционных проявлениях.

I ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

1. Целью Стратегии является системно-институциональное противодействие коррупции путем устранения ее базовых причин и условий. Для достижения этой цели в Стратегии определяются приоритетные направления совершенствования государственной деятельности по противодействию коррупционным проявлениям в 2021-2030 гг.

2. Для достижения поставленной цели Стратегия борьбы с коррупцией исходит из необходимости решения следующих задач:

идентификация и устранение базовых причин и условий коррупции на основе публично-правового и институционально-управленческого осмысления феномена коррупции и институционального (публично-правового) подхода борьбы с ней;

комплексное межотраслевое совершенствование законодательства в сфере противодействия коррупции;

совершенствование социально-ценностных основ формирования и деятельности государства в области противодействия коррупции;

формирование институционально системного контроля гражданского общества;

системное противодействие коррупции в сфере государственной службы и в частном секторе;

модернизация института антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов;

развитие международного сотрудничества по вопросам противодействия коррупции.

3. Общими принципами борьбы с коррупцией являются принципы, закрепленные в статье 4 Закона Республики Беларусь 15 июля 2015 г. № 305-З «О борьбе с коррупцией».

В свою очередь настоящая Стратегия при постановке решаемых задач и определении мероприятий по их реализации исходит из следующих специальных принципов:

признания коррупции одной из самостоятельных угроз национальной безопасности Республики Беларусь как правового и социального государства;

социальной открытости и подотчетности обществу деятельности органов государственной власти и управления, органов местного управления и самоуправления;

партнерства субъектов формирования и реализации мер антикоррупционной политики;

обеспечения эффективной правовой защиты физических и юридических лиц, которым причинен ущерб в результате коррупционных правонарушений;

свободы получения и распространения информации о коррупции.

II ОЦЕНКА КОРРУПЦИИ И МЕР БОРЬБЫ С НЕЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

4. Коррупция проявляется в самых разнообразных деяниях должностных лиц и корреспондирующих им деяниях физических и юридических лиц, желающих получить государственные и частные услуги незаконным путем. Такое системно-сетевое взаимодействие потенциальных субъектов (субъектов пассивного и активного подкупа) приводит к формированию элитарного слоя распорядителей и потребителей на рынке коррупционных услуг и системы сетевой самозащиты элитарно-властной коррупции на уровне деятельности органов, ведущих борьбу с коррупцией. Выстраиваемая таким образом коррупция системно поддерживается и воспроизводится благодаря избыточным и неограниченным полномочиям кадрового потенциала властных структур и коррумпированной бюрократии.

Системно-сетевая коррупция формируется на принципах автономной монополии, неподконтрольна обществу и поэтому противодействует справедливости, равенству и беспристрастности государственного управления и правосудия, подрывает веру людей в способность и желание государства устранять причины коррупции. В этой связи одним из главных направлений борьбы с коррупцией является выработка в структурах власти на различных ее уровнях открытых и подконтрольных обществу институциональных механизмов противодействия коррупции, которые способны эффективно функционировать в рыночной институциональной среде.

5. Оценивая состояние и особенности распространения коррупции, следует учитывать высокую латентность данного вида криминальной деятельности, обусловленную условиями реализации криминального поведения субъектов, использующих властные полномочия и права не только в целях личной выгоды, но и для прикрытия коррупционных отношений.

Анализ развития криминальной ситуации в Республике Беларусь за последнее десятилетие показывает, что уголовно наказуемые деяния коррупционной направленности не подвержены общей тенденции преимущественного снижения статистических показателей состояния преступности. По сравнению с 2010 годом в 2019 году их удельный вес в общем объеме зарегистрированных преступлений возрос на 1,5 %, в среднем за данный период времени указанный показатель составил 2,6 %. Коррупционные преступления отличаются выраженной нестабильной динамикой и, несмотря на уменьшение в 2019 году, характеризуются увеличением объема в последние пять лет. На динамику фиксируемых статистикой преступлений коррупционной направленности влияют факторы активизации деятельности правоохранительных органов, изменения законодательства. Так, уменьшение на 42,4 % количества преступлений коррупционной направленности в 2014 году произошло в основном в результате изменения нормативных актов по вопросам регистрации и учета хищений путем злоупотребления служебными полномочиями, взяточничества, других коррупционных преступных деяний.

В структуре коррупционной преступности permanently преобладающими являются деяния, связанные со взяточничеством (ст. 430–432 УК). В 2019 году их удельный вес составлял 63,3 %. Хищения путем злоупотребления служебными полномочиями (ст. 210 УК) занимают вторую по распространенности позицию (21,6 %). Субъектный состав коррупционной преступности отличается тенденциями к феминизации, повышению возраста. В стране фиксируются случаи коррупции на высшем уровне государственного управления. За последние пять лет в среднем 93 преступления коррупционной направленности совершено должностными лицами, занимающими ответственное положение.

В то же время криминологической характеристике системно-сетевая коррупция не доступна. Даже при хорошо организованной системе выявления коррупционных преступлений по оценкам экспертов доля выявляемых коррупционных преступлений не превышает 15 %. Этим обусловлена систематика криминологии коррупционной преступности, неустойчивость и недостаточная эффективность национальной антикоррупционной политики, сводящейся пока к реакции уголовного права на давно известные, действительно преступные формы проявления коррупции и мало затрагивающей их латентную часть. В этой связи приоритетным направлением борьбы с коррупцией является концентрация усилий государства не на применении репрессивных мер, а на устранении базовых причин и условий коррупции институционально-властного характера.

6. Коррупция как устойчивое массовое антиобщественное явление обусловлена системой факторов, причин и условий (детерминант), многие из которых являются общими для иных форм криминального поведения.

Специфические детерминанты коррупции связаны со сферой функционирования властно-распорядительных отношений, их регулированием, условиями деятельности должностных лиц, состоянием контроля за распределением социальных ресурсов и др. Структурно в системе детерминант коррупционного поведения выделяются правовые, организационно-управленческие, социально-экономические, нравственно-психологические факторы.

Правовые факторы выражаются в несовершенстве и неполной реализации законодательных и иных нормативных правовых актов, направленных на снижение коррупции, отсутствии четко определенного и отработанного на практике механизма их исполнения, наличии в законодательстве норм, обладающих высоким коррупциогенным потенциалом, нестабильности нормативных правовых актов, регулирующих хозяйственно-экономическую деятельность и др.

Организационно-управленческие факторы включают отсутствие четкой регламентации обязанностей должностных лиц, низкую эффективность социального и ведомственного контроля их деятельности, недостаточно эффективную превентивную работу органов и организаций и др. Существенными условиями, способствующими коррупции, являются недостатки организационно-кадровой работы.

Социально-экономические факторы коррупционного поведения играют наиболее существенную роль в детерминации коррупции. Они интенсивно формируются и действуют в условиях экономической нестабильности, кризисов, неразвитости денежно-финансовой системы, структурных реформ и существенных изменений в социальной политике государства. В детерминационном механизме коррупционных соглашений существенную роль играет приоритет элитарных интересов бюрократии в экономическом регулировании спроса и предложения, распределения заработанного обществом.

Социально-экономической базой коррупции выступают: имущественное расслоение граждан; неразвитое гражданское общество, не способное к реализации мер социального контроля коррупционных проявлений; дефицит востребованных социальных услуг, их низкое качество; невысокое материальное обеспечение государственных служащих наряду с существенными трудовыми затратами и ответственностью за принимаемые решения; коммерциализация всех сфер жизни, которая неизбежна при развитии экономической либерализации, и др.

Одним из криминогенных факторов современной коррупционной преступности является несовершенство системы публичного жизнеобеспечения основной массы людей, их равного доступа к социальным ресурсам, находящихся под контролем государства.

Поэтому важным направлением борьбы с коррупцией является совершенствование социально-ценностных основ формирования и деятельности государства на принципах равенства и справедливости в области распределения социальных ресурсов.

К нравственно-психологическим детерминантам коррупционного поведения следует отнести: доминирование в общественном сознании материальных ценностей и потребительского образа жизни, не высокий уровень нравственной и правовой культуры значительной части населения, неэффективное (в плане превенции) освещение антикоррупционной деятельности в средствах массовой информации и др.

7. С точки зрения идеологии формирования антикоррупционных стандартов и моделей государственного управления следует учитывать, что социальные истоки коррупции обусловлены, с одной стороны, деструктивными формами организации властного администрирования (управления), а с другой, корыстными или иными асоциальными устремлениями представителей власти, которые искусственно формируют административные обременения при осуществлении государственных управленческих функций. На этом социальном фоне в самых различных сферах государственного управления формируется рынок потребителей государственных услуг (решений) на основе коррупционных соглашений посредством отказа властной бюрократии от ожидаемых должных стандартов служебного поведения. Изложенное свидетельствует о необходимости повышения предупредительного потенциала криминологической (антикоррупционной) экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов.

8. В целях устранения причин и условий коррупционного поведения необходимо последовательное осуществление реформ в системе государственного управления и государственной службы на принципах оптимизации социальной экономики и социальной прозрачности власти, развитие систем независимого государственного и общественного антикоррупционного контроля лиц, наделенных полномочиями властного администрирования. Выработывая политическую стратегию преодоления коррупции в системе государственного устройства и государственного управления, необходимо понимать, что коррупция исходит из давно укоренившихся в системе властных отношений деструктивных форм ее построения и использования в личных или узкокорпоративных целях. И это на сегодняшний день самый непреодолимый барьер в формировании оптимальных антикоррупционных моделей, систем, структуры и функций государственного управления и властного администрирования. Таким образом, одним из важных направлений антикоррупционной политики государства является разработка системных мер предупреждения коррупции в публичном секторе.

9. Процесс постепенного перехода к рыночным отношениям, включенность государственных предприятий, предприятий среднего и малого бизнеса в коррупционные отношения в рамках взаимодействия бизнеса и государства требуют принципиально нового взгляда на устранение причин и условий противодействия коррупционным проявлениям и формированию коррупционных сетей в частном секторе. Противодействию коррупции в различных сферах экономической деятельности уделялось недостаточное внимание, поскольку основные усилия государства были направлены на формирование честного и неподкупного государственного аппарата, защищающего права и законные интересы граждан. Вместе с тем концентрация капитала, товаров, работ и услуг в частном секторе создает благоприятную почву для развития системной коррупции в целом в сфере экономики, что свидетельствует о необходимости изменения пороговых правил государственного регулирования экономической деятельности на основе дифференциации управления собственностью и экономической деятельностью.

10. Практика применения законодательства о борьбе с коррупцией свидетельствует о том, что определение коррупционных правонарушений и правонарушений, создающих условия для коррупции, содержащихся в Законе Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией», осуществляется с использованием признаков, допускающих неоднозначное толкование; законодательно закрепленные признаки коррупционных правонарушений и правонарушений, создающих условия для коррупции, не всегда в полной мере соответствуют признакам коррупции. Законодателю не удалось провести однозначное разграничение уголовно-наказуемых коррупционных деяний и деяний, образующих административные, дисциплинарные и гражданско-правовые деликты. Не всегда оправданы и в ряде случаев избыточны и недостаточно определены ограничения, установленные для государственных должностных лиц, что существенным образом снижает эффективность воздействия этих ограничений на причины и условия коррупции, препятствует

формированию нетерпимости к коррупции среди государственных служащих и иных категорий государственных должностных лиц. Существуют пробелы и неопределенности в сфере криминализации общественно опасного коррупционного поведения, что позволяет сохранять и расширять коррупционный рынок и системное воспроизводство коррупции. Так, вне криминализации остается злоупотребление должностным влиянием в целях получения неправомерного преимущества.

11. Процессы глобализации, свободное перемещение капитала, товаров, работ, услуг и рабочей силы создали предпосылки для активизации международного сотрудничества в борьбе с коррупцией, создания специализированных международных организаций в этой сфере, а также разработки и принятия универсальных и региональных международных договоров о борьбе с коррупцией. Вопросам борьбы с коррупцией уделяется внимание в рамках различных интеграционных образований экономического и политического характера. Это обуславливает необходимость дальнейшего укрепления международного сотрудничества в области борьбы с коррупцией.

III ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СТРАТЕГИИ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ И МЕРОПРИЯТИЯ ПО ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ

12. Общие механизмы противодействия коррупции, которые будут работать в рыночной институциональной среде:

сбалансированное разделение властей, независимое правосудие, ориентация правоохранительной системы на защиту общегражданских прав и свобод человека, выработка прозрачных критериев распределения общественных ресурсов, закрепляемых посредством процедур общественного согласия;

упрощение взаимодействия граждан с органами власти, которое сократит цепочки разнообразных рент, извлекаемых из возможностей органов власти;

сокращение функций государства по контролю, изъятию и перераспределению общественной ренты;

поддержание конкурентных рынков со свободным ценообразованием; неприкосновенность частной собственности как базовое условие любых долгосрочных инвестиций и экономической активности;

выравнивание реальных зарплат в госсекторе с доходами, получаемыми на аналогичных позициях в рыночных компаниях, что лишает коррупционные доходы легитимности в качестве статусной ренты или справедливой доплаты к основному жалованию;

делегируемые полномочия и ресурсы по их осуществлению на уровень местного самоуправления, а также организуемых самими гражданами общественных структур, поскольку на местном уровне гражданам легче осознать свои коллективные интересы, добиться ясности решений, прозрачности налоговых сборов, оценить эффективность бюджетных расходов и т. д.

13. Устранение базовых причин и условий коррупции на основе публично-правового осмысления феномена коррупции и борьбы с ней:

устранение базовых причин коррупции через преодоление сложившегося порядка в социальной структуре гражданского общества и системах органов государственного управления, распределяющих государственные ресурсы, асимметричной системы рентных привилегий;

проработка вопроса о том, как должна выглядеть общая система общественного контроля, учитывая опыт организации общественного контроля над коррупцией в других странах;

поощрение активности негосударственных организаций, защищенности прав человека и развитой гражданской культуры, способствующих увеличению потенциала мягкой силы государства как важного фактора уменьшения коррупции;

побуждение жертв коррупции сообщать об инцидентах для привлечения виновных к ответственности, обеспечение обратной связи государства с ними и их безопасности;

периодическое проведение всесторонних исследований, в том числе негосударственных, в целях формирования более четкого представления о масштабах и рисках коррупции в различных сферах и на различных уровнях государственного управления, в частном секторе и среди граждан.

14. Совершенствование социально-ценностных основ деятельности государства в области противодействия коррупции:

формирование независимых и поддерживаемых государством институциональных образований гражданского общества для перманентного взаимодействия с государственными органами и контроля за коррупционными девиациями в системах государственного регулирования и управления;

создание у граждан и повсеместную актуализацию коммунитарных ценностей, утверждающих, что коррупция, принося тактические выигрыши отдельным людям, неизменно обращается в весьма ощутимые потери общества в целом на основе социальных практик, исходящих от правоохранительной системы и правосудия, обеспечивающих реализацию и защиту граждан в достижении общественно значимых и правоохраняемых целей;

поэтапное сокращение государственных органов и их избыточных функций по вмешательству, регламентации, контролю частной собственности и общественных ресурсов;

системная работа по упрощению процедур взаимодействия граждан с органами власти и повышение ответственности органов власти перед гражданами за неудовлетворение их законных требований в виде социальной компенсации за счет бюджетных средств, выделенных на содержание этих органов;

устранение размытости и двусмысленности положений нормативных правовых актов, регулирующих деятельность должностных лиц, находящихся в зоне коррупционных рисков;

выработка прозрачных критериев распределения бюджетных ресурсов посредством процедур общественного согласия;

стимулирование развития функций саморегулируемых организаций по реализации ими контроля за предпринимательской или профессиональной деятельностью в части соблюдения ими требований стандартов и правил антикоррупционного поведения;

выравнивание реальных зарплат в госсекторе с доходами, получаемыми на аналогичных позициях в частных компаниях в целях лишения коррупционных доходов легитимности в глазах общества;

возврат к стратегии максимального делегирования полномочий и финансовых ресурсов по их осуществлению на уровень местного самоуправления, а также организуемых самими гражданами общественных структур с целью сокращения потенциально коррупциогенных управленческих цепочек;

внедрение в практику оценку субъектами общественного контроля качества предоставления государственных услуг как средства выявления коррупциогенных факторов;

способствование установлению равноправных отношений между гражданами, обществом и государством, поиск баланса между частными и публичными интересами;

разработка новых форм борьбы с коррупцией, имеющих частно-публичный правовой характер, включающих в себя создание гражданских общественных организаций, деятельность которых направлена на осуществление правоохранительной функции в данной сфере;

изучение возможности внедрения процедуры антикоррупционного комплаенса, сущность которого заключается в установлении и реализации в рамках коммерческой организации комплекса мер по формированию ответственного антикоррупционного поведения организации и ее работников.

15. Совершенствование института антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов:

совершенствование понятийного аппарата, используемого в сфере противодействия коррупции, в частности принятие нового законодательного определения понятия коррупциогенного фактора нормативного правового акта ввиду узости существующего;

определение системы понятий в сфере коррупциогенности законодательства и введение в оборот новых доктринальных определений таких понятий, как коррупциогенность законодательства, коррупциогенность нормативного правового акта, коррупциогенное законодательство, коррупциогенный нормативный правовой акт.

оптимизация правового регулирования антикоррупционных запретов, ограничений и обязанностей как механизма профилактики коррупционных правонарушений в системе публичной службы;

выделение в качестве критериев определения эффективности введенных антикоррупционных запретов, ограничений и обязанностей:

способности запрета или обязанности предотвращать совершение отдельных коррупционных деяний или существенно повышать риск

их выявления в рамках дисциплинарных, административных и уголовных расследований;

наличие реальных механизмов контроля за соблюдением антикоррупционного запрета, ограничения или обязанности;

отсутствие избирательности в действии запрета или ограничения, а также учет легальных и полуполюгальных средств и механизмов, позволяющих обойти установленные антикоррупционные ограничения;

осуществление модернизации существующих антикоррупционных обязанностей государственных служащих с целью повышения эффективности их антикоррупционного воздействия, что включает:

поиск наиболее адекватной модели распространения отдельных антикоррупционных обязанностей на определенную категорию государственных служащих, если обязанность не имеет абсолютного характера;

уточнение условий исполнения антикоррупционных обязанностей с точки зрения начала и окончания их исполнения, процедуры (порядка) их исполнения;

работу по унификации антикоррупционных запретов, ограничений и обязанностей для различного типа и вида государственных должностей;

разработка специализированной методической и методологической основы повышения эффективности проведения антикоррупционного мониторинга в отношении всех обязанностей, ограничений и запретов государственного служащего, в рамках которой должны быть решены следующие задачи:

создание исчерпывающего перечня обязанностей, ограничений и запретов, установленных в целях противодействия коррупции для государственных служащих;

установление источников получения информации о соблюдении обязанностей, ограничений и запретов;

определение рисков, связанных с сокрытием информации со стороны гражданского служащего, а также путей обхода установленных антикоррупционных требований;

выработка параметров, отклонение от которых может свидетельствовать о признаках уклонения от исполнения обязанности или несоблюдения запрета, ограничения;

уточнение показателей, свидетельствующих о надлежащем или ненадлежащем исполнении тех запретов и ограничений, в отношении которых они могут быть сформулированы;

выделение критериев обоснованности введения антикоррупционных обязанностей, ограничений и запретов:

адекватность характеру государственно-служебных отношений, возникающих при поступлении и прохождении государственной службы, а также требованиям, предъявляемым к деятельности органов государственной власти;

способность правоограничений существенно снижать коррупционные риски, которые не могут быть нейтрализованы уже установленными

антикоррупционными мерами, либо противодействовать коррупционным проявлениям;

соответствие предлагаемых правоограничений конституционным целям и принципам защиты прав и законных интересов человека и гражданина, а также принципам ясности, определенности и конкретности.

16. Предупреждение коррупции в публичном секторе:

внедрение в деятельность организаций систем оценки коррупционных рисков и управления такими рисками, включающих систематическую оценку коррупционных рисков в деятельности организаций, проведения независимого аудита государственных органов и организаций, опросов общественного мнения и опросов работников о коррупционных рисках в деятельности организаций, в том числе посредством внедрения механизмов обратной связи через сайты организаций;

широкое использование в деятельности государственных должностных лиц кодексов поведения (этики), устанавливающих алгоритмы принятия решений, порядок обращения с конфиденциальной информацией, процедуры обращения с подарками и финансовой помощью, порядок разрешения конфликта интересов и участия в политической деятельности, взаимодействия со средствами массовой информации и др.;

законодательное закрепление порядка вовлечения заинтересованных представителей гражданского общества и частного сектора (в том числе профессиональных союзов, общественных организаций, объединений предпринимателей) в процесс обсуждения и принятия решений по изменению нормативно-правового регулирования, вызывающего общественный резонанс;

обучение государственных должностных лиц методикам привлечения заинтересованных групп к обсуждению социально значимых вопросов, включая методы ведения переговоров; определение принципов коммуникации между разработчиками нормативных правовых актов и предпринимателями;

рассмотрение возможности внедрения в деятельность государственных органов и организаций прозрачных и объективных систем приема на работу и продвижения по службе, предполагающих создание электронной базы вакансий, доступной в сети Интернет, установление функциональных критериев для занятия должностей, таких как наличие специального образования, опыта соответствующей деятельности, наличия дополнительных квалификаций, а также алгоритмов оценки соответствия кандидатов предъявляемым требованиям;

исключение из антикоррупционного законодательства необоснованных ограничений для государственных должностных лиц, а также ограничений, которые не направлены непосредственно на противодействие коррупции;

расширение использования программных средств подачи обращений физических и юридических лиц, заявлений об осуществлении административных процедур через сайты государственных органов и государственных организаций, автоматической обработки таких обращений, обжалования принятых решений, а также электронных систем поддержки принятия решений, исключających непосредственное взаимодействие

заявителей с должностными лицами, а также снижающих коррупционные риски при принятии решений;

закрепление в законодательстве требования о размещении на сайтах государственных органов и организаций информации о коррупционных рисках и принимаемых мерах по противодействию коррупции, в частности, о процедурах, которые наиболее подвержены коррупционным проявлениям, и о способах минимизации коррупционных рисков.

17. Предупреждение коррупции в частном секторе:

разработка и внедрение в практику деятельности юридических лиц стандартов антикоррупционного менеджмента, антикоррупционных стандартов осуществления управленческих, закупочных и иных процедур, а также их сертификации на предмет соответствия стандартам;

изучение возможности разработки мер по использованию правовых и организационных механизмов, направленных на предупреждение коррупции при использовании услуг посредников при ведении коммерческой деятельности, в частности, введение для посредников специальных правил в отношении вознаграждения, процедур ведения бухгалтерского учета и отчетности перед юридическим лицом, прибегающим к услугам посредника; осуществление юридическим лицом, прибегающим к услугам посредника, на постоянной основе контроля деятельности посредника, в том числе с использованием процедур аудита и пр.;

рассмотрение возможности законодательного закрепления правовых последствий совершения сделок под влиянием коррупционного соглашения;

внедрение в необходимых случаях в деловую практику при заключении отдельных видов сделок, а также установлении длительных отношений с контрагентами комплексной проверки, направленной на выявление правовых, коммерческих, производственных и репутационных рисков в случае работы с конкретным деловым партнером;

изучение зарубежной практики законодательного закрепления возможности применения санкций к недобросовестным деловым партнерам, таких как страховая премия за риск в связи с недобросовестным поведением, уплата штрафа за нарушение антикоррупционных условий договора;

правовое регулирование представительских расходов, комиссионных вознаграждений и иных специфических расходов, связанных с ведением бизнеса и участием в хозяйственных отношениях (организация деловых встреч, заключение контрактов, организация посещения выставок возможными контрагентами, вручение сувениров возможным покупателям продукции и пр.).

18. Совершенствование ответственности за коррупционные преступления и правонарушения:

доработка норм об ответственности за коррупционные преступления с учетом требований ратифицированных Республикой Беларусь международных договоров в области борьбы с коррупцией при условии обеспечения необходимой определенности правовых предписаний, полноты правового регулирования, а также возможности обеспечения стандартов в области правосудия, прежде всего направленных на реализацию права на защиту;

установление ответственности юридических лиц за коррупцию и обеспечение наличия эффективных, пропорциональных и сдерживающих санкций, включая финансовые санкции;

рассмотрение целесообразности введения компромиссных процедур в уголовный процесс, направленных на более полное возмещение вреда, причиненного коррупционными преступлениями;

правовое закрепление порядка доверительного управления имуществом подозреваемого, обвиняемого, а также передачи в доверительное управление имущества в случае наложения на него ареста в целях защиты имущественных интересов заинтересованных лиц;

устранение неоднозначных формулировок при описании признаков коррупционных правонарушений и правонарушений, создающих условия для коррупции;

законодательная дифференциация ответственности за коррупционные правонарушения и правонарушения, создающие условия для коррупции, с учетом характера и степени общественной вредности, личности правонарушителя, смягчающих и отягчающих обстоятельств;

установление оснований освобождения от ответственности за коррупционные правонарушения и правонарушения, создающие условия для коррупции; закрепление сроков давности привлечения к ответственности за коррупционные правонарушения и правонарушения, создающие условия для коррупции;

широкое внедрение процедуры судебного обжалования решений о привлечении к ответственности за неправомерные коррупционные правонарушения и правонарушения, создающие условия для коррупции;

принятие мер по реинтеграции в общество лиц, осужденных за коррупционные преступления, а также лиц, привлеченных к ответственности за иные коррупционные правонарушения и правонарушения, создающие условия для коррупции.

19. Укрепление международного сотрудничества в сфере борьбы с коррупцией:

развитие сотрудничества с международными организациями в сфере противодействия коррупции;

присоединение к международным договорам о борьбе с коррупцией;

углубление сотрудничества в области противодействия коррупции в рамках интеграционных объединений.

IV МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ

20. Для осуществления настоящей Стратегии Генеральной прокуратурой Республики Беларусь совместно с заинтересованными государственными органами и по результатам обсуждения с представителями гражданского общества и частного сектора составляется план реализации Стратегии, который утверждается Республиканским координационным совещанием по борьбе с преступностью и коррупцией.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (Марчук В.В.)	3
Стратегии борьбы с коррупцией, их разработка и реализация: международный и национальный опыт	
Батыргареева В.С., Шрамко С.С.	
К вопросу о научном сопровождении и принципах государственной антикоррупционной политики.....	6
Гашникова Т.В.	
К вопросу о противодействии коррупции в экономической сфере.....	9
Гриц Г.В.	
Международные стандарты по противодействию коррупции для белорусского бизнеса: реалии или вызовы.....	12
Дятлова В.О.	
Зарубежный опыт противодействия коррупции (обзор антикоррупционной политики Республики Сингапур).....	15
Ипатова О.В., Козловская И.А.	
Правовое обеспечение противодействия коррупции в Республике Беларусь	19
Карабельникова А.С.	
Международно-правовые стандарты построения стратегий борьбы с коррупцией.....	22
Марчук В.В.	
Антикоррупционный комплаенс-менеджмент как основа стратегии борьбы с коррупцией.....	26
Мусаев Э.	
Стратегическое планирование противодействия коррупции в Азербайджане	30
Политова А.С.	
Анализ законопроектов о борьбе с коррупцией в Украине.....	33
Полищук Г.С.	
Системность как характеризующий коррупцию признак.....	36
Полящук Н.А.	
Закрепление антикоррупционных стандартов поведения государственных служащих в Стратегии борьбы с коррупцией.....	39
Хлус А.М.	
Проблемные аспекты разработки стратегии противодействия коррупции.....	42
Хомич В.М.	
Перспективный контент в осмыслении феномена коррупции и национальной антикоррупционной политики (к вопросу о разработке концептуальных основ стратегии).....	47
Шаблинская Д.В., Ладутько В.К.	
Правовые и организационные механизмы реализации международных стандартов в области борьбы с коррупцией.....	56

2. Состояние и тенденции коррупционной преступности; направления совершенствования законодательства в сфере противодействия коррупции

Биленко П.С.	
О некоторых аспектах противодействия коррупционным преступлениям в Украине.....	60
Глинская Н.В., Клепка Д.И.	
Коррупционные риски уголовного процессуального законодательства как индикатор его качества.....	63
Головкин Б.Н., Новиков О.В.	
К вопросу о детерминантах коррупции в частной сфере в Украине.....	65
Калинина А.В.	
Коррупционные риски, связанные с диджитализацией экономики.....	69
Караваева В.А.	
О приемах конструирования квалифицированных составов коррупционных преступлений против интересов службы.....	72
Карсюк Д.С.	
О субъектах, ведущих административный процесс по делам об административных правонарушениях, предусмотренных ч. 3 ст. 12.7 КоАП Республики Беларусь.....	75
Касьянова Е.В.	
Обоснование принятия решения об издании нормативного правового акта без проведения обязательной криминологической экспертизы.....	77
Книженко О.А., Шамара А.В.	
О наказуемости коррупционных преступлений в Украине.....	79
Крайник Г.С., Дунаева Т.Е.	
К вопросу совершенствования расследования коррупционных преступлений в Украине.....	82
Мартынов Ю.А.	
Внедрение систем электронного следствия и оцифровки уголовных дел как предпосылка успешной борьбы с коррупцией в условиях цифровой трансформации белорусского общества.....	85
Никитин Ю.А.	
Превышение власти или служебных полномочий: вопросы квалификации...	89
Новикова Е.В.	
О квалификации коррупционных преступлений в контексте реализации мер по противодействию коррупции.....	92
Павлова Л.В.	
Гражданское соглашение с осужденным и его значение для достижения целей уголовной ответственности (с учетом положений УК Грузии).....	95
Пащенко А.А.	
Нормативные основания уголовно-правового запрета коррупционных деяний в Украине.....	98

Сенько А.С.	
Участие прокурора в рассмотрении дел об административных правонарушениях коррупционной направленности.....	100
Солтанович А.В., Богданович Н.А.	
О реализации конституционных принципов охраны неприкосновенности собственности и обжалования судебных постановлений по уголовным делам о коррупционных и иных преступлениях в уголовном процессе Республики Беларусь.....	104
Топильская Е.В.	
Криминологическая характеристика коррупционных преступлений в сфере спорта в России.....	107
Хилюта В.В.	
Пассивная форма коррупции в законодательстве Республики Беларусь.....	109
Хмарук С.К., Никитин Ю.А.	
Проблема оценки существенного вреда при совершении коррупционных преступлений.....	113
Христич И.А.	
Состояние коррупционной преступности в частной сфере.....	116
3. Предупреждение коррупционных проявлений	
Асабин А.Ю.	
Некоторые аспекты изучения личности субъекта коррупционных преступлений.....	120
Бурый В.Е.	
О совершенствовании мер предупреждения и профилактики преступлений (правонарушений) коррупционной направленности.....	123
Голина В.В.	
К вопросу о стратегических направлениях предупреждения коррупции.....	126
Грейбо И.С.	
Некоторые аспекты совершенствования национального законодательства в сфере профилактики коррупции.....	128
Данильченко Ю.Б.	
Общесоциальный вектор противодействия коррупции.....	131
Игнатенко А.С.	
Предупреждение и профилактика коррупционных проявлений в воинских частях Вооруженных Сил Республики Беларусь.....	134
Казеев А.В.	
Конфискация имущества как профилактическая мера противодействия коррупции.....	137
Колодяжный М.Г.	
Украинский и зарубежный опыт функционирования института обличителей коррупции.....	140
Кравцова М.А.	
Повышение уровня активности граждан в противодействии коррупции.....	143
Лапцевич И.И.	
Роль СМИ в профилактике коррупции в Республике Беларусь.....	146

Рахманова Е.Н.	
Противодействие коррупции в спорте: проблемы и перспективы.....	149
Рочева Е.А.	
К вопросу о политике нулевой толерантности.....	152
Русецкий О.В.	
Коррупционная психология (особенности формирования мотивации коррупционных действий).....	155
Сащeko П.И.	
Этика поведения должностных лиц.....	159
Топорикова О.О.	
О методологии криминологической экспертизы.....	162
Трипузова А.А.	
Антимонопольные требования к закупкам как форма реализации конституционно-правовых норм о противодействии монополистической деятельности и коррупции в Республике Беларусь.....	164
Турлова Ю.А.	
Коррупционные детерминанты экологической преступности.....	167
Цуприк А.Н.	
Идентификация факта совершения коррупционных преступлений с учетом права субъекта на экономический (деловой) риск.....	170
Шаршун В.А.	
Цифровизация нормотворческого процесса как фактор повышения эффективности криминологической экспертизы проектов нормативных правовых актов.....	173
Швед Н.А.	
Направления совершенствования противодействия коррупции в сфере государственной службы.....	176
Шишковец И.И.	
О духовно-нравственной основе противодействия коррупции.....	179
Приложение	
<i>Проект Модели Стратегии борьбы с коррупцией на 2021–2030 годы.....</i>	<i>183</i>

Научное издание

**КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ СТРАТЕГИИ БОРЬБЫ
С КОРРУПЦИЕЙ**

Сборник материалов
Международной научно-практической конференции

Минск, 29 сентября 2020 года

Ответственный за выпуск _____
Компьютерная верстка _____
Корректоры _____

Подписано в печать _____. Формат 60×84/16. Бумага офсетная.

Ризография. Усл. печ. л. 24,76. Уч.-изд. л. 18,18.

Тираж 99 экз. Заказ ____с.

Издатель и полиграфическое исполнение:
республиканское унитарное предприятие «Издательский центр
Белорусского государственного университета». Свидетельство
о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя
печатных изданий № 1/159 от 27.01.2014, № 2/63 от 19.03.2014.
Ул. Красноармейская, 6, 220030, Минск.